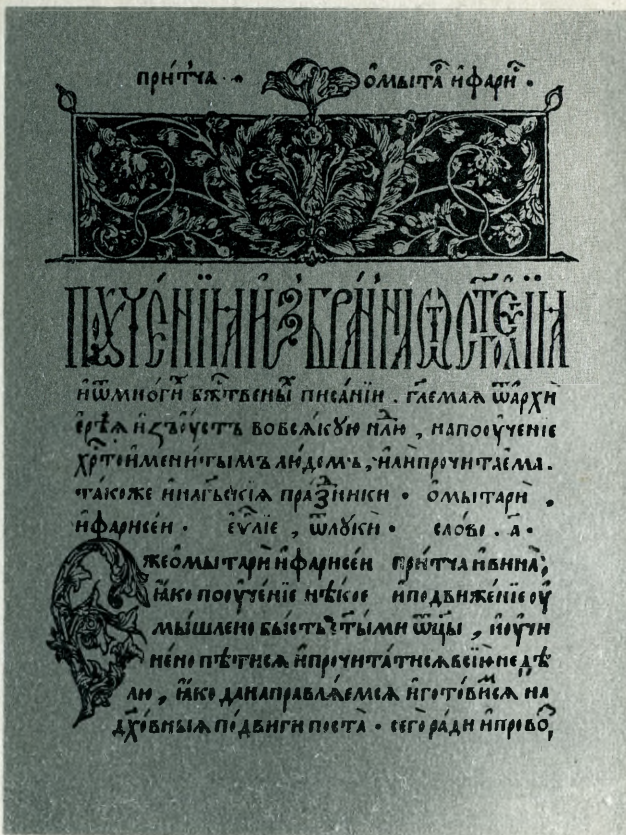

АБ / Альманах *Выпуск VII* библиофила

АБ / Альманах
библиофила

VII

Альманах библиофила

AT

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

«Альманах библиофила»
рассказывает
о книгах и книжниках
прошлого и современности,
библиотеках и библиофилах,
о поисках и находках в книжном мире,
о делах минувших и современной жизни
книголюбов
в разных концах нашей страны
и в других странах.

Альманах библиофила

Выпуск VII

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. М. Акутин
(ответственный секретарь)

В. И. Безъязычный

(зам. главного редактора)

И. А. Котомкин, А. И. Маркушевич,

А. Э. Мильчин, Л. М. Напельбаум,

А. И. Овсянников, В. Г. Утков

Художник
В. В. Вагин

В период создания и становления Всесоюзного добровольного общества любителей книги отделом книговедения и работы с книголюбями редакции газеты «Книжное обозрение» была начата серия диалогов на актуальные темы советского библиофильства. Именно тогда, когда шли интенсивные поиски форм и методов пропаганды книги и знаний о книге, на страницах газеты был опубликован диалог «Что есть клуб?» между председателем Клуба книголюбов ЦДЛ им. А. А. Фадеева, заместителем председателя Центрального правления ВОК писателем Е. Осетровым и председателем Клуба книголюбов ЦДРИ СССР, членом президиума Центрального правления ВОК, ныне покойным, А. Иваненко («Книжное обозрение», 1975, 11 июля). Затем на страницах «Альманаха библиофила» (вып. 5) появился диалог в письмах «Каков он, современный библиофил?» между председателем Клуба «Вятские книголюбы» Е. Петряевым (г. Киров) и председателем кружка «Воронежский библиофил» О. Ласунским. К этому циклу примыкает беседа журналиста В. Левченко с лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда, народным писателем Киргизии Чингизом Айтматовым, опубликованная в шестом выпуске Альманаха. Предлагаемая нашим читателям в канун II съезда ВОК беседа поэта А. Тарковского с литературным критиком А. Хворощаном продолжает цикл диалогов на актуальные темы советского библиофильства.

Арсений Тарковский

ДЕРЖАВА КНИГИ

Беседу вел Аркадий Хворощан

— Арсений Александрович, поскольку мы решили поговорить о поэте и книге, первый вопрос как бы напрашивается сам собою: давно ли вы библиофил?

— В юности библиофильство было моим коньком. Но война вылечила меня от этого «прилипчивого недуга».

— Каким образом?

— Весьма простым и весьма неожиданным. В апреле 1942 г. я, находясь под Москвой, получил направление на Западный фронт, по пути заехал домой и, войдя в квартиру, застал прелюбопытную сцену: соседка топила печь книгами из моей библиотеки. Для этого она отделяла массивные и плотные корешки от тетрадей, и я оказался невольным свидетелем того, как разодранные и «обезглавленные» тома отправлялись в огонь. Ни горечи, ни острой жалости я в тот миг не ощутил. Происшествие с книгами представлялось пустяком, безделицей в сравнении с настоящим горем, которого кругом была полная чаша. В то время, когда каждый день грозил неизвестностью и гибелью,— не многим было до библиотек и коллекций.

— Значит, погибло без возврата все или почти все собранное вами за добрый десяток лет, а то и за больший срок?

— Собрание сохранилось в столь малой и незначительной своей части, что попросту потеряло право именоваться «собранием». Досадно, но— что кануло в огонь, того уж никак не вернешь.

— А если что и остается.
Чрез звуки лиры и трубы,—
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

Сказано 200 лет назад, а верно и сейчас... Но хоть что-то, хоть самая малость уцелела от вашей коллекций библиографических редкостей?

— Осталось книг триста, не больше. Было же, по весьма приблизительному подсчету, до четырех—четырёх с половиной тысяч томов. Как видите, разница внушительная.

— Арсений Александрович, как складывалась и пополнялась ваша коллекция: хаотично, беспорядочно или отбор подчинялся некоему принципу, скажем, тематическому?

— Я составлял собственную коллекцию в основном из произведений русских классических и современных мне поэтов. Так что достаточно строго выдерживались тематические пласты: отечественная поэзия в ее трехвековом «разрезе». От истоков, питающих ее глубоко пущенные в землю корни, до густой кроны, венчающей ствол,—от одописцев и сатириков Просвещения до новейших поэтов.

— Кстати, уж коли разговор коснулся более или менее близкой к нам поэтической эпохи, не расшифруете ли вы иносказания, заключенного в вашем стихотворении «Поэт начала века». Кто скрывается под этим плащом, в чьей

Черной выношенной ткани
Такую стужу отыщу,
Такой возврат невыносимый
Смертельной юности моей,
Что гул погибельной Пусимы
Твоих созвучий не страшней?

— Видите ли, в этом стихотворении речь вовсе не о каком-нибудь конкретном лирике 1900-х годов (допустим, Миропольском, Александре Добролюбове, Коневском), но скорей о собирательном образе поэта, едва перешагнувшего порог нового века, как уже вдосталь успевшего отхлебнуть из его горькой и обжигающей чаши едкое, саднящее зелье беды. Вряд ли удивлю вас одним своим наблюдением, подтвержденным десятками примеров: в XX веке поэзия, вооруженная против зла клинком ядовитой иронии, часто мрачна и даже жутковата, несет в себе желчный привкус отчаяния, томления и невзгод. Я, откровенно признаться, любитель «мрачноватых» книг. Ведь, что ни говори, дух трагедии в искусстве вечен, неспелым, -а корни свои берет в глубочайшей древности. Еще архаические народы извели его солоноватую горечь. И нам, стоящим в преддверии третьего тысячелетия, не пристало чуждаться его. Замечу к слову, что первым моим самостоятельным чтением в детстве были «Странные истории» Эдгара По...

— Знаменательное в этом смысле начало. А, кстати говоря, чем был представлен в вашей библиотеке тот же Эдгар По?

— У меня был его трехтомник суворинского издания. Книга эта мне хорошо памятна, тем более, что она первая была воспринята не на слух, не «с чужого голоса», а своим собственным дотошным и пристальным, по-детски жадным взором. Вообще, к книге, особенно любимой книге, у меня с ребячества какое-то трепетно-благодарное чувство.

— И что-то от «жреческого» преклонения перед Словом, сокровенно-задушевной привязанности к книжной культуре разных веков? Не в этом ли секрет того необъятно-широкого, лишенного границ книжного фона, на котором разворачиваются ваши лирические сюжеты:

Вы, жившие на свете для меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигьери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели;

или еще:

В обнимку с молодостью, второпях,
Чурался я отцовского наследия
И не заметил, как в моих стихах
Свила гнездо Эсхилова трагедия;

или, наконец:

Я гляжу из-под ладони
На тебя, судьба моя,
Не готовый к обороне,
Будто в Книге бытия.

Думается, что разнообразные аллюзии и реминисценции в ваших книгах, Арсений Александрович, не случайность, не прихоть и побуждение минуты — они находятся в прямой и нерасторжимой связи с вашим общим отношением к книге, как к неусыпному стражу сокровищ всечеловеческой культуры. Наверно, помимо своей служебной функции, реминисценции выполняют в тексте и другую, являясь не только отголоском и отзвуком давнего или недавнего культурного прошлого, но и чем-то подобным магическому «Сезам, отворись», которым поэт отпирает заветные кладовые искусства и мысли?

— Вы правы, книга важна и интересна не только сама по себе, своей конкретной словесной и смысловой наполненностью, своей, так сказать, «вещественной» структурой, но и неощутимо заложенной в ней идеей преемственности культур. Без этой преемственности невозможно помыслить себе ни одну литературу мира. У каждой национальной традиции свое лицо, свой неповторимый облик (если воспользоваться пушкинской формулой, «он вечно тот же, вечно новый»), но есть прочные,

не рвущиеся от натяжения нити, которые соединяют ее накрепко с могучими глубинными пластами общечеловеческой, всемирной культуры. Творчество древних народов сконцентрировало в себе такой заряд освежающей бодрости, целомудренной ясности и чистоты, здоровой первозданной мощи и непосредственности, что способно было послужить и послужило источником развития и обновления самых разных культурных традиций, положив, в частности, основание последующему расцвету многих европейских и азиатских литератур. От магистрального русла отделялись рукава, притоки, но мировая литература оставалась в существе своем цельной и нерасчленимой, хотя и необычно пестрой, многоликой. Спору нет, традиция традиции рознь. Русская — изначально духовна, высоко и требовательно человечна и нравственна. Как цветущее и плодоносящее растение напоено живительными соками земли, так она напоена «живой водой» духа. В основе ее — строгое, до щепетильности, размежевание добра и зла, их отчетливое различение и их добытое кровью осмысление. Жар и трепет дерзновенной мысли, доискивающейся до самой Истины, «до основанья, до корней, до сердцевины». Пик, предельная, высшая точка традиции — Достоевский. Французская словесность блистательна, но подчас как-то внутренне холодна и неуловимо отдалена в некоторой части своих образцов от той высшей художественной чуткости, имя которой — совесть и которая составляет неотъемлемое средоточие, скажем, отечественной литературы. Французская традиция при всей ее, не побоюсь громких терминов, грандиозности и могуществе, быть может, в меньшей степени причастна к тем неотступным и страстным поискам исчерпывающей и всеобъемлющей правды о мире, той исключительной, обнаженной духовности, когда человек в своем безбоязненном и мучительном дознании сути не останавливается ни перед каким — самым горьким и сокрушительным выводом о жизни. Сдается даже, что форма нередко увлекает эту традицию больше и сильнее, нежели дух. Впрочем, это, возможно, субъективный взгляд на вещи, продиктованный скорее спецификой индивидуального восприятия, чем кропотливо-пристальным и аргументированным анализом. Моя трактовка, не исключено, покажется спорной.

— Угол зрения, выбранный вами, действительно не трафаретен... Не правда ли, типическое выражение этой традиции, тот гений и авторитет, в котором черты ее выразились наиболее полно и явственно, — это Вольтер, представляющий как бы лицо нации и воплотивший в себе ее блистательный, острый и скептический ум?

— Пожалуй. В немецкой же книжной культуре с великолепной полнотой выражено умозрительное начало и неоспоримо главенствует мысль, насыщенная эмоцией и исполненная бесчисленными градациями, оттенков и наслоений. Как глубоководное течение скрыто под наружной толщей воды и оттого недоступно стороннему взору, так мысль эта порой прячет от случайного, поверхностного наблюдателя свою прихотливую игру, облекаясь в образы, пленяющие своей видимой безыскусственностью и кажущейся простотой. Философствование выступает как основа художественного построения, им все скрепляется и держится. Философия здесь опора поэтического здания.

— «...И острый галльский смысл, и сумрачный германский гений» — автор «Скифов», видимо, не ошибся, отделив друг от друга культуры двух соседних стран внутренней, непреходимой чертой, словно узаконивающей своеобычие каждой из них. Арсений Александрович, а кого из немецких классиков вы читаете с особой охотой и увлечением? Есть ли у вас «кумиры» в немецкой литературе?

— Бесспорно, Гете. Томас Манн, чью тетралогию «Иосиф и его братья» я считаю лучшим прозаическим произведением века. Затем Хессе с его «Степным волком» и «Игрой в бисер» — поистине великой книгой. Далее — романтики (Тик, Новалис) и экспрессионисты. Особенно зачитывался наш круг Гофманом.

— Возвращаясь к мысли о духовной преемственности, не можем ли мы утверждать, что всякая книга, сколь бы цельной и замкнутой в себе она ни была, всегда находится в вольных и невольных сцеплениях с тысячами других книг, написанных прежде и после нее, даже если сдается иной раз, что стоит она совершенно особняком в той или иной литературе? Так, «Илиада» — недостижимая вершина эллинского эпоса — породила в позднейшей европейской литературе множество разнообразнейших художественных откликов.

— Конечно. Даже Лев Толстой, в рамках тысячелетней литературной истории едва ли не фактический наш современник, когда-то сопоставил собственный роман-эпопею с этим шедевром мировой эпической поэзии. Разве не показательны такого рода сближения, разве не глубоко значительны подобные переклички? Книга ведь — своего рода соединительный мост между культурами. Однако она объединяет не только разноязычные и разновременные культуры, но и целиком весь мир сущий, в своем магическом кристалле отражая и преображая его живую жизнь, полную движения и тайны.

Разве не столь же мирообъемлющи, скажем, «Божественная комедия» или «Братья Карамазовы», разве не впяты они, как и гомеровские поэмы или творения афинских трагиков, навечно и напрочь в кольцо мироздания, в кольцо всеобщей культуры. Книга — истинное благоденствие: через ее прямое посредство осуществляется контакт с древнейшей, корневой культурой человечества. Книга — кладезь духа, того свободного и проникновенного духа, что от века был проклинаем и казним, гоним и терзаем всеми тиранами и человеконенавистниками.

— И не по той ли самой причине «рукописи не горят», а геростратова слава книгоубийц развеивается по ветру, точно пепел сожженных ими книг?

— По-видимому, книга не только атрибут культуры, но и ее символ. А символы на редкость живучи, и попытка для них костром или цензурой, кажется, не существует вовсе.

— Может быть, и в собирательстве книг заключено для человека нечто большее, нежели простой азарт коллекционирования? Не праздное любопытство и не страсть к систематике, а, очевидно, некий более действенный стимул движет истинным книголюбом?

— Пожалуй, да. Двигателем библиофильства для меня всегда была неизбывная и давняя моя привязанность к русской поэзии. Мне удалось некогда сосредоточить в своих руках не десятки — сотни прижизненных сборников лучших русских поэтов.

— Арсений Александрович, расскажите, пожалуйста, хотя бы бегло, что это были за издания? В самом подборе книг, надо думать, отразились в немалой степени ваши личные поэтические вкусы, интересы, пристрастия.

— О пристрастиях и тяготениях чуть позже. Пока поговорим о библиотеке. У меня были издания многих значительных поэтов «безумного и мудрого» столетия, среди них Державин, имелись блистательные издания Струйского; Струйский, отец Александра Полежаева, был для своего времени первокласснейший издатель. Чего стоят одни виньетки и заставочные рисунки в его книгах!

— Как легко понять, вы, Арсений Александрович, неравнодушны к оформлению книг?

— К внешнему виду книги я отношусь ревниво и взыскательно. Для меня книга не просто набранный и упакованный по страницам текст, а некое эстетическое целое, определенная вкусовая категория. К примеру, голубоватая плотная бумага, на которой печатались изысканные издания позапрошлого века, — не последний аргумент в их пользу. Да и к тому же,

как оторвать, например, «Дон Кихота» или «Божественную комедию» от графических работ Гюстава Доре, иллюстрировавшего эти шедевры? Его гравюры неразлучимы с целостным образом книг.

— Как неразлучны и вечно дружественны Дантовы терцины и полные воздуха и вдохновенья листы Сандро Боттичелли, нарисованные к ним в качестве иллюстраций?

— Да, без сомнения, связь между ними ощутительна и крепка, хотя сближение Данте-творца и Боттичелли-иллюстратора неполное и в известной мере условное. Оба они, поэт и живописец, наделены высочайшей мерой духовности, и порыв Духа безусловно роднит их. Но если первый передает внутреннюю стихию человеческого существа в пластически осязаемом, точном Слове, то второй, развеивая мир, схватывает в нем и переносит на лист прихотливую изменчивость форм, подвижность и зыбкость очертаний, вовсе не свойственную суровому «пастырю» Италии. Не совсем верен своему источнику и Доре, который, следуя господствовавшим вкусам современной ему эпохи, сильно романтизировал сюжеты и самый стиль великого итальянца, заметно отступив в сторону от целомудренной, почти аскетической строгости дантовской манеры, неизменно сдержанной и чуждой излишеств. Обаяние старинного эстетического канона, в безукоризненной, идеальной чистоте явленного в «Комедии», насильственно и до основания разрушено, благодаря бесперемонному вторжению в авторский текст романтической фантазии художника, не склонного к рабскому копированию оригиналов. Необузданнопылкое воображение художника порой может целиком свести на нет многие черты своеобразия автора. Такой произвол не случайность, а, пожалуй, закон.

— Таким образом, пути иллюстратора и автора могут разойтись и разойтись значительно? Пословица: «В чужой монастырь со своим уставом не ходи» — здесь, стало быть, вред ли подойдет?

— Конечно. Неукоснительное право всякого, в том числе и иллюстратора, — творить, сообразуясь с потребностями и свойствами собственного дарования. В этом, без малейшего сомнения, и заключен источник расхождений между автором и его интерпретаторами — расхождений, которые, в сущности, почти неизбежны. Впрочем, иной раз мы становимся свидетелями как раз обратного: непостижимого родства, взаимной творческой приязни, гармонической общности художников, как в случае с Лермонтовым и Врубелем. «Пришлец туманный и немой», привидевшийся внутреннему взору поэта довольно смутно и неотчетливо, на холсте живописца предстал, так

сказать, «во плоти», во всей живой и неотразимой убедительности внешнего облика. Лермонтов, верный своему замыслу, представил в Демоне не характер, и не тип, а некий оригинальный синтез высших стремлений и верований человека.

— Арсений Александрович, а когда состоялось первое ваше знакомство с Лермонтовым?

— Очень рано. Еще в детстве я часто слушал и читал его стихи. Почему-то больше всего полюбился мне в ту пору «Ангел смерти». Давнишней моей мечтой было написать целую книгу об издании лермонтовского «Демона» с иллюстрациями Врубеля. Это для меня неисчерпаемая тема — Лермонтов и Врубель, их странный и неотвратимый союз. Этот контраст атлетически могучей, надменно угловатой и величественной фигуры Демона, уверенно вписанной в общий фон мироздания, и небесной отрешенности его взгляда, точно опрокинутого в какие-то ему одному ведомые духовные бездны, поразителен и неповторим.

— Помните, как Блок, памятуя об этом, писал: «У самого Демона уже нет тела — но было когда-то чудовищно-прекрасное тело. Осталась только глубина печальных очей». Не блоковский ли оксюморон невольно оттеняет ту загадочную диалектику, что сквозит в стихах Лермонтова и на полотнах его интерпретатора?

— Лермонтов, как и Пушкин, вообще, по известному выражению поэта, «загадка русской жизни и литературы».

— Ваша первая встреча с Пушкиным, должно быть, опередила приобщение к лермонтовским стихам?

— Не угадали. За чтение Пушкина я принялся несколько позже. А, скажем, «Онегина» я впервые прочел лет восемнадцати, и нисколько о таком запоздании не печалюсь. Дело вовсе не в поговorce: «лучше поздно, чем никогда», а в том, что с Пушкиным предпочтительно знакомиться, имея уже за душой некоторый нажитой опыт. Нужна для этого определенная возмужалость мысли. Пушкинские творения предполагают в читателе скорей зрелость, чем инфантильность духа.

— Лермонтов вряд ли был единодержавный властитель ваших детских дум. Были, наверно, и другие увлечения и симпатии?

— Без сомнения, были. Но не могу не вспомнить еще одну мелочь, связанную с Лермонтовым. В моей коллекции хранился экземпляр знаменитого прижизненного издания стихотворений поэта (Лермонтов отобрал и включил в него полтора десятка стихотворений и «Песню про купца Калашникова»). Когда-то, к одному из крупных лермонтовских юбилеев, я попробовал было осуществить факсимильное издание этого

сборника достаточно большим тиражом. Из затеи моей ровным счетом ничего не вышло (хотя я и предложил издательству собственный экземпляр сборника и охотно написал бы комментарий и предисловие к нему), о чем и до сих пор вспоминаю с некоторой грустью. К идее этой я не остыл и по сей день. Разве не важно, не насущно для нас издание единственного (!) вышедшего при жизни Лермонтова сборника его стихов, подготовленного им самим?

— Арсений Александрович, есть или были в ваших «запасниках» другие ценные книги или рукописи, связанные с отечественной стариной, с русской историей, публикация которых вам представлялась бы делом полезным для исследователей?

— Да, скажем, некогда я располагал записями Аракчеева и его то ли отца, то ли деда. Сколь бы одиозной ни была та или другая историческая фигура, свидетельства и высказывания, ей принадлежащие, могут представить, помимо, так сказать, частного интереса, и определенную историческую ценность. Все наши, пусть и вполне справедливые, симпатии или антипатии не в силах ни оспорить, ни умалить эту ценность, ни (тем более) произвольно сбросить ее со счетов. Договоренность о публикации этих записок (снабженных моим подробным комментарием) была в свое время уже почти достигнута. Они должны были увидеть свет в так называемых «Летописях Литературного музея», возглавляемых тогда В. Д. Бонч-Бруевичем, но дело, помнится, разладилось из-за какого-то сущего пустяка. Остается лишь развести руками и посетовать на неудачу.

— А как и откуда появилась у вас большая часть книг, составивших затем вашу обширную библиотеку?

— Я был настоящим энтузиастом книжного собирательства. В 20-е годы, да и в 30-е поисками редких книг занимался неутомимо и повсеместно. Во многих университетских городах у меня были знакомые книжники. Помню, в Москве от Никольских до Ильинских ворот был великолепный книжный развал, запечатлевшийся у меня в памяти навсегда. Там за 4 целковых однажды приобрел многотомное собрание Достоевского, подготовленное к печати женой писателя; там же купил Щедрина, да и многое другое, вплоть до подлинных раритетов и в полном смысле драгоценных изданий. Помню и некоторых букинистов той поры. Шибанова, например. Денег на книги хватало мне почти всегда: одно время я писал стихотворные фельетоны в газете «Гудок» — писать строгими, традиционными размерами мне всегда казалось естественней и проще; затем работал на радио.

— Стало быть, вы неплохо знали гудковцев: Ильфа, Петрова, Катаева, Олешу, Булгакова?

— Да. С Олешей, например, на всю жизнь сохранил приятельские отношения.

— Как вы относитесь к творчеству Булгакова?

— Однозначного ответа на этот вопрос дать не могу. Я люблю из его романов «Белую гвардию» и «Театральный роман», а, скажем, «Мастер и Маргарита» — для меня вещь неприемлемая.

— Почему?

— С моей точки зрения, нельзя так рискованно вольно обращаться с источниками. Мне кажется, Христос и Пилат у Булгакова даны в абсолютно неверном свете, шаржированы, что ли, — не знаю, как точнее обозначить эту метаморфозу. А все остальное в романе, на мой взгляд, представляет весьма малый интерес. Традиционный, канонический план у Булгакова донельзя обытовлен и снижен. Так же примерно поступал Борис Пастернак, когда, переводя Шекспира и Гете, обытоверял и снижал подлинник.

— Вы, как я понял, сторонник пуристически точного перевода, ревнитель безукоризненно строгой верности оригиналу?

— Двух мнений быть не может: чем ближе и точнее передан подлинник, тем меньше проигрывает читатель, которому, мне думается, важнее разглядеть лицо и индивидуальность автора, чем лицо и индивидуальность переводчика. Перевод, который хранит художественную верность оригиналу и в котором переводчика совсем не видно, — идеальный перевод. К такому идеалу я стремился, переводя, допустим, Абу-ль-Аля-аль-Маарри.

— В соответствующем томе «Библиотеки Всемирной литературы» опубликованы все ваши переводы великого арабского поэта?

— Да, переводы стихотворений аль-Маарри опубликованы там полностью. Собственный почерк переводчика должен быть неразличим читательским глазом, иначе это не перевод, а переложение. Вещи надо называть своими именами, чтоб не возникала путаница. Переводчик выполняет ответственной миссию, знакомя читателя с образцами чужих литератур: вольничанье (маскирующееся иногда под «раскованность» переводческой манеры) недопустимо здесь ни под каким видом. Иноязычный подлинник он должен суметь представить по возможности адекватно, оставив в переводе нетронутую свежесть ее языка и стиля. Большую часть написанных на Земле книг мы

в состоянии прочесть лишь в переводе, поэтому проблема художественного перевода всегда нова и всегда остра, это «вечная проблема».

— Как по-вашему, есть непере译имые произведения, совершенно недоступные для воспроизведения на чужом языке?

— Мне думается, нет. Есть непере译имые фразы, обороты, темные места, но непере译имых произведений, за редчайшими исключениями, нет. Во всяком случае, я с трудом поверю в принципиальную «непере译имость» какого-нибудь национального шедевра. Как правило, подобным аргументом прикрывается несостоятельность того или иного переводчика или целой переводческой школы, неспособных овладеть данным подлинником.

— Переводческая деятельность приняла ныне необычайно широкие размеры и в ее орбиту неожиданно оказались втянутыми языки и литературы, о которых в свое время образованный европейский читатель имел крайне ограниченное представление, либо не имел его вовсе. Считаете ли вы достаточным условием для качественного профессионального перевода одно лишь знание подстрочника при полном незнании с языком оригинала?

— Я держусь противоположной точки зрения: подстрочник, пусть он даже составлен авторитетнейшим специалистом по той или иной культуре и языку, еще не все. Поэтическое чутье переводчика — вещь далеко не последней важности.

— А что, вам случалось находить в подстрочнике неточности и ошибки?

— И сколько раз! Когда я принимаюсь за перевод какого-нибудь произведения, то обкладываюсь со всех сторон словарями и редко принимаю подстрочный перевод на веру.

— Но ведь над ним трудятся, как правило, опытнейшие ориенталисты, виртуозы в своем деле.

— Как говорится, доверяй, но проверяй.

— Как по-вашему, личное знакомство с автором привносит что-то новое в восприятие его книг, обогащает ли это восприятие неожиданными гранями и оттенками?

— По-разному случается. Впрочем, не всегда можно усмотреть здесь столь прямую и несомненную связь. Иногда знакомство предшествует восприятию, гораздо чаще — наоборот. Скажем, с детства я был влюблен в поэзию Федора Сологуба, а повстречался и познакомился с ним уже в ранней молодости. Кстати, случай интересный, и я о нем коротко расскажу. Однажды, оказавшись в Ленинграде (это был 1926 год), я позвонил Сологубу и поблагодарил его за чудесные

стихи, еще с ранних лет запавшие мне в душу и отложившиеся в памяти.

Сологуб пригласил меня к себе домой, и разговор наш, против моего ожидания, продлился до самого позднего вечера, чуть не до ночи.

Провожая меня, он подал мне пальто, а когда я, испытывая неловкость и смущение, попытался было возразить, он заявил неожиданно весело и остро: «Поверьте, я ведь делаю это не из подхалимства». Добавлю к слову, что в Елизаветград, где я провел свое детство, частенько наезжали столичные поэты, устраивались вечера стихов, и ребенком мне довелось увидеть Бальмонта, Сологуба, Северянина.

— А поэты-современники, с кем из них сводила вас судьба и случай?

— И человечески, и творчески меня всегда восхищала и поражала Ахматова. Мы с ней долгие годы дружили, и она запомнилась мне скромным, мягкосердечным и удивительно отзывчивым человеком. Ни гордой, величавой неприступности, ни церемонной важности, ни высокомерия — ничего такого за ней сроду не водилось, хотя по мемуарам ее так иногда себе и представляют. На деле же она была величайшей скромницей. Незабываемо умно и колко острила. В поэзии она возродила полузабытую традицию высокого стиха.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...

Пушкинский афоризм совсем под стать ее поэтическому кредо.

— А что цените вы в поэзии прежде всего?

— Духовность... Трижды повторю: дух человеческий, органически претворенный в художественную мысль, в ритмическое и образное движение стиха, в пластическую его выразительность — вот соль поэзии, ее сердцевина и суть.

Самый большой грех поэта — когда он поэзию превращает в «литературу». При этом неизбежно отмирают обильные, питаемые живительными соками корни поэзии. Поэзия же нужна душе, как хлеб, как воздух, как земная опора и небесная твердь. Она тождественна в лучших своих образцах деятельному самопознанию духа, и в этом ее смысл, ее зерно, ее возвышенный строй. Среди таких образцов — «Комедия» Данте. Но вот парадокс: «Ад» — злобная, язвительная книга, однако налет мстительного злоязычья нисколько не вредит зажигающей страстности ее проповедей, не приглушает ни на йоту ее учительного пафоса, нисколько не умаляет ее духовности и веры. Впрочем, в том же «Аде» есть места,

исполненные участливой нежности и горестного, искреннего сочувствия автора своим героям, как, скажем, в эпизоде с Паоло и Франческой. Перед нами сплошной кровоточащей раной обнажена любящая, отзывчивая и сострадательная душа автора, чей сосредоточенный и сумрачный облик таит в себе не презрительную надменность, не высокомерие, а лишь невыразимую сердечную скорбь, которой охвачено все существо поэта; достаточно вспомнить финал упомянутого отрывка, чтобы измерить мысленно всю глубину проникновенного авторского участия:

Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.

— Говоря о злобной желчности «Ада», вы, как нетрудно догадаться, имеете в виду ярость постоянно встречаемых в книге инвектив и нападок на гонителей и врагов, как костер, озарившую «Ад». Но ведь в ней — все тот же карающий глагол, которым испокон веку жива поэзия и которым ознаменована ее власть над сердцами:

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И прайднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

В «Аде» не злопыхательство обиженного судьбой и людьми человека, а неумолимая весть о грядущем возмездии: возмездии, предвозвещенном Словом. Может быть, это и дало Гейне повод полтысячелетия спустя воскликнуть в «Германии» с гневным упреком:

Ты помнишь безжалостный Дантов Ад,
Звенящие гневом терцины?
Того, кто поэтом на казнь обречен,
И бог не спасет от пучины.

Книга запечатлевает и сострадание, и нежность, и ненависть, и гнев — и зачастую с равной силой. Гнев и сострадание — вообще, на мой взгляд, два живых и динамических полюса мистериальной поэзии, то есть поэзии, обнажающей внутренние коллизии духа, а не мимолетные его состояния. «Художники, — писал Блок, — как вестники древних трагедий, — приходят... к нам в размеренную жизнь, с печатью безумия и рока на лице».

— А вы заметили, кстати, как глубоко проникает мистериальный элемент не только в поэтическую книгу, но и в книгу

прозаическую. Возьмем хоть Достоевского. «Идиот» — чем не образцовая мистерия с Мышкиным-Христом, Настасьей-Магдалиной, Рогожиным-Бесноватым?

Достоевский, пожалуй, единственный дает нам почувствовать в своих героях не только и не столько муку чувства, сколько муку *идеи*, в этом его полная исключительность в русской и мировой литературе. Его творениям присуща недосыгаемая очеловеченность самых абстрактных и безотносительных категорий, а какое-нибудь отвлеченное построение или целая идеологическая система могут запросто войти у него в число «действующих лиц». Из исследователей лучше всех понял Достоевского Бахтин. Достоевский убеждает нас непрекаемо в том, что подлинное писательство всегда миссия, избранничество, и ничем иным по самой сути своей быть не может.

— Но в таком случае книга — своеобразный жезл избраннический, орудие духовной миссии поэта?

— Так оно и обстоит на деле, в чем нет сомнения. Для того же Достоевского книга не просто плоха или хороша сама по себе, в ней непременно заключен либо «идеал мадонны», либо «идеал содомский», безразличной к нравственной идее она быть не может. Книга в русской традиции никогда не служила забавным пустячком, игрушкой, украшением жизни. Она всегда была фактором не столько эстетически, сколько духовно значимым. Она всегда требовала от писателя истовости, подвижничества, а от читателя огромной внутренней работы. Она была, таким образом, не моментальной фотографией человека и жизни, а летописью духовного творчества и духовной борьбы.

Издравле люди благоговели перед книгой, ибо в ней видели материализацию, навечное запечатление своих внутренних исканий. Помните, у Катулла в одном из посланий есть нежные, волнующие, проникнутые радостью и умилением слова, сказанные, казалось бы, по самому пустячному поводу: по случаю посылки книги. Уже в ту эпоху, на заре новой эры, слова эти нимало не звучали откровением. Ведь еще древние египтяне преклонились перед тайной книги и возвеличили ее как святыню. Пример под рукой: египетское «Прославление писцов», переведенное на русский Ахматовой:

Они ушли, завершив свое время...

.....
 Но имена их произносят, читая эти книги,
 Написанные, пока они жили,
 И память о том, кто написал их,
 Вечна...

— И далее:

Человек угасает, тело его становится прахом.
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

— Да, действительно: человек умирает, а за него после смерти представляет Книга. Книга в литературе — то же, что ноты в музыке. Книга, по существу говоря, всего лишь нотная тетрадь духа. В нее изначально заложено нечто живое, некая животрепещущая и магнетическая сила, даже... власть.

Когда я беру в руки эти бог весть когда изданные альманахи или книжечки стихов, на меня находит какое-то странное, необъяснимое чувство — не то жалость, не то печаль, не то нежность. У каждой книги есть свое неповторимое обличье, свое очарование: одно издание ни за что не спутаешь с другим, каждое со своим «лица необщим выраженьем». Допустим, мандельштамовский «Камень» у меня был в трех изданиях: 1913, 1916 и 1922 гг.

— Не о нем ли, Арсений Александрович, сказано в вашем «Поэте»:

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт,
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

.....
Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма?

— Гадать не приходится — о ней.

— А что еще было и, может быть, сохранилось в вашей библиотеке из мандельштамовских книг, да и вообще из прижизненных сборников поэтов?

— В свое время похвастаться было чем. Некоторых книг, что принадлежали мне, нельзя было найти даже у Розанова. Я был счастливым обладателем нескольких прижизненных изданий Пушкина: «Цыган», «Руслана и Людмилы», трех глав «Онегина».

— Трех первых глав?

— Нет, кажется, второй, третьей и четвертой. Был у меня Фет: «Вечерние огни», книга переводов, автобиографический двухтомник, был Батюшков издания 1817 г., Блок (Ленинград-

ское двенадцатитомное издание), пятитомник Бальмонта, выпущенный в свет издательством «Скорпион» и содержащий полное собрание переводов поэта вкупе с натур-философским трактатом «Эврика», двухтомный Баратынский и его же «Сумерки». Вы знаете, «Сумерек» мне почему-то особенно жаль, особенно недостает их теперь моей библиотеке. Кстати, вы задумывались когда-нибудь над тем, откуда взялось это название: «Сумерки»?

— Должно быть, «Сумерки» — название символическое? Обозначение эпохи, современной поэту, его личной судьбы, его внутреннего состояния?

— Все правильно, но этого мало. Надо еще учесть, что аллея в Муранове, где жил Баратынский, называлась «Сумерки».

Возвращаясь к вашему вопросу о Мандельштаме, скажу, что в моей библиотеке, наряду с «Камнем», был и второй сборник поэта, называвшийся «Tristia», далее: книга переводов, выполненных им, и так называемая «Вторая книга», вышедшая в издательстве «Круг», а также «Стихотворения» издания 1928 г. и небольшая книга, объединившая статьи Мандельштама о поэзии.

— И там же «Разговор о Данте»?

— Нет, он был написан позже и, кажется, издан отдельно лишь в 1967 г. А упомянутая книга, если мне не изменяет память, датировалась 1928 г., за верность цифры, впрочем, не ручаюсь. Кстати сказать, коллекция моя далеко не исчерпывалась поэтическими книгами. Она содержала и полные комплекты многих журналов: «Нового пути», «Весов», «Аполлона», «Золотого руна».

— А кроме журналов и книг было еще что-нибудь в вашей коллекции?

— Альманахи века нынешнего («Скорпион», «Северные цветы») и века минувшего («Полярная звезда», одноименные «Северные цветы»). Так что изящная словесность представлена была во всех ее видах...

— Есть ли, по-вашему, некая разграничительная черта, бесповоротно отделяющая литературу научную от литературы художественной?

— Думаю, что да. Все попытки соединить художественное и научное в рамках одного произведения оказывались, как правило, неудачными и бесплодными. «Научная поэзия» (характернейший представитель Брюсов) — поэзия, расчисленная, так сказать, по шкале рассудка и не приемлющая никаких случайностей и отклонений от некоего, четко установленного, едва ли не математически выработанного канона,

может существовать, в лучшем случае, как обособленная культурная реалья, но отнюдь не как самодовлеющая литературная ценность. Мысль, идея, рассуждение в их отвлеченной наготе чужды искусству, и до тех пор, пока их не коснется, очеловечив, глубокое переживание, пока не опосредствует и не обновит их живое чувство, пока не обогатятся они нюансами и штрихами человеческой интуиции и психологии,— до тех самых пор дверь в поэзию для них заперта наглухо, до тех пор они в ней незваные гости. В то время, как наука — вотчинное владение рассудка и разума, искусство — и в частности поэзия — сфера эмоций и духа. И стереть это коренное различие, безболезненно преодолев его в своем творчестве, никто пока не в силах, да и сомнительно, чтобы когда-нибудь оказался в силах. Слишком отчетливо проведена грань, чтобы кому-нибудь отважиться переступить ее. Да и не нами придумано: по-моему, поэт должен хранить верность «стихии», и унылой точности не место в его стихах. Если, конечно, он истинный поэт. Такие именно поэты и близки мне. Их я люблю и ценю...

— Арсений Александрович, а кто ваш любимый поэт?

— Любимых поэтов несколько: Пушкин, Тютчев, Ахматова, Баратынский. Баратынский, быть может, первый лирик своего столетия. В лирике он воистину чародей, и неслышное, но завораживающее дуновение волшебства можно легко почувствовать в любой его строфе, уловить в любой поэтической фразе:

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко падит меня немочь морская:
Пеною здравья брызжет мне вал!

Это из его «Пироскафа». Никому не прирождено в такой степени, как Баратынскому, чувство абсолютного художественного равновесия и гармонии. Чувство это, достигнув в нем своего предельного развития, сделало его поэзию несомненно уникальной. Дивная соразмерность всех частей, объединенных в стройном целом, безупречное композиционное совершенство — вот наука, в которой поэт решительно не знает себе равных, по крайней мере, в пределах отечественной традиции. Архитектоническое чутье Баратынского феноменально: стихотворные массы находятся у него в поразительно строгих и в то же время крайне несостыканных пропорциях, как бы заимствованных у лучших зодчих античности. Согласованность и гармония дышат в каждой строке поэта, навечно прокламировавшего эти свойства в своем программном стихотворении

«Болящий дух врачует песнопенье...» Мера, выдержанная во всем, вплоть до мелочей (ибо в истинной поэзии нет мелочей), — вот невольная заповедь Баратынского, скромный завет, оставленный им в наследство поэтам-потомкам. Кстати говоря, у Баратынского и Ахматовой есть одно общее свойство, безусловно роднящее их обоих: необычайная строгость и всегдашняя точность их эпитета, вбитого в строку, точно гвоздь.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

— А из прозаиков кто вам особенно близок и дорог?

— Достоевский, Лев Толстой. Меня всегда дивил и радовал своей дикой меткостью и яркостью неподражаемый толстовский язык. Слово в его романах соединяет щедрость, едва ли не преизбыточную, с особым рода психологической точностью и берет каждое явление во всем его противоречивом объеме и живой нерасторжимой совокупности. Внутренний психологический рисунок у Толстого максимально отчетлив и прост, хотя и не рожден логикой, а подсказан инстинктом. Движущая сила толстовского психологизма — наитие, а не рассудочность, граничащая со схемой.

— И «диалектика» души носит у Толстого преимущественно интуитивный характер?

— Возможно, пронзительная достоверность толстовского письма как раз и зиждется всецело на врожденной интуиции. Об Анне, впервые ощутившей неотразимую и пугающую новизну своего чувства к Вронскому, Толстой пишет: «Она долго лежала неподвижно с открытыми глазами, блеск которых, ей казалось, она сама в темноте видела».

Это нейтральное, по первой видимости, слово «сама» ошеломляет, как мгновенная вспышка молнии в непроглядной грозовой черноте ночного неба. Эффект толстовской фразы не нарочитый и даже как бы нечаянный; речь его дышит почти первобытной свободой непосредственного выражения.

Он же написал о раненом седоке, сваленном лошастью наземь: «...подумал он, сам себя вставая». Какое усилие преодоления, какое напряжение тела и одновременно всего внутреннего существа героя выражено этим вроде бы чудным и неуклюжим оборотом: «сам себя вставая». Это прямо-таки колдовская сила слова, какое-то кудесничество...

— И мастерство, как бы достигшее своего предела...

— Мне неприятно это слово: «мастерство». В нем что-то от сапожного ремесла. По мне художество, поэзию можно опреде-

лять по-разному: как служение, исповедь, музыку, тайну (провозгласил же некогда Жуковский крылатую и чеканную формулу: «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли»), но нельзя определять как мастерство. В самом этом слове есть некий кощунственный оттенок, скрытое пренебрежение к искусству, нечто от сальериевского «символа веры»:

...Ремесло
Поставил я подножием искусству,
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.

Поэзию и равно прозу должны питать подземные ключи, подпочвенные воды, а не литература, не книжный опыт.

— Как зрение — сетчатке, голос — горлу,
Число — рассудку, ранний трепет — сердцу,
Я клятву дал вернуть мое искусство
Его животворящему началу.

В этом, по всей видимости, суть?

— Если бы меня спросили перед смертью: зачем ты жил на этой земле, чего добивался, чего хотел, чего искал и чего жаждал, я бы, не помедлив ни минуты, ответил: «Я мечтал возратить поэзию к ее истокам, вернуть книгу к родящему земному лону, откуда некогда вышло все раннее человечество».

— И вам удалось справиться с этой задачей?

— Не знаю. Как и всякому стихотворцу, единственный судья мне в этом — читатель, и больше никто в целом свете.

— Давно уже было сказано: слова поэта — дела поэта. Согласны ли вы с этой красноречивой максимой людей «задорного цеха», как обмолвился в «Онегине» Пушкин?

— Безусловно и безраздельно принимаю ее и как свою. Для лучших художников созидание книг есть в то же время и созидание самой жизни. Книга — лицо мира, а поэт, что повинен в ее возникновении, — «нежданный сын последних сил природы». Книга, быть может, не только символ, но и синоним бытия. Она тысячью, миллионом незримых уз сплочена с окружающей нас действительностью, с тем огромным и величественным распростертым окрест миром, что дается каждому безвозмездно, как бы по праву рождения, и в который каждый окунается с головой не проронив ни единого вятного слова или хотя бы отчетливого звука. Книга и природа словно две

половины одной скорлупки, разрознить их невозможно, как невозможно расщепить скорлупу, не затронув при этом орех или не выпростав его наружу. Во имя цельности мира книга и естество должны находиться в неприкосновенном единстве, в «неразделимом и вечном союзе», имя которому — жизнь.

Об этом, в сущности, еще столетие назад с высоким одушевлением и страстью сказал поэт:

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

Книга есть, в сущности, не что иное, как вторая реальность (упор я делаю на последнем слове), и живет она по законам этой реальности.

Переделкино

Яков Хелемский

* * *

Чищу книжные полки,
Убираю излишек.
Время мудрой прополки
И насущнейших книжек.

Видно, с возрастом все же
Мы взыскательней судим
И становимся строже
К сочиненьям и людям.

Что-то вдруг устарело,
Что-то вновь зазвучало.
Беспощадно и смело
Счет ведется сначала.

В нашем веке спешащем
Так нужна долгосрочность.
Знаменитых все чаще
Проверяем на прочность.

Кто успел уцениться?
Кто стоит несменяем?
Мы не чьи-то страницы —
Душу с веком сверяем.

С полок рушим осколки
Отработанных истин.
Чистим книжные полки.
Не себя ли мы чистим?

Книга

и Жизнь

С. Алешин, В. Буняев

ПУТЬ «ПРОЛОГА»

Посылая А. Н. Пыпину в январе 1871 г. с оказией «Пролог» и другие сочинения, Чернышевский писал о «Прологе»: «Прошу напечатать сколько возможно по цензурным условиям. Если уцелеет хоть половина, и то хорошо. Я писал с мыслью издать во французск. или английск. переводе. В русском издании надобно выбросить все, что относится до литературных занятий Волгина, и вставить где понадобится по две, по три фразы, в которых объяснялось бы, что он адвокат при коммерческом суде (эти адвокаты были уже в те времена)... чем больше из присылаемого годится для печати, тем лучше.

Переделывайте и перечеркивайте, как понадобится: у меня нет амбиции; как удобнее, так и лучше» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.—М., 1949, т. XIV, с. 505, 506).

Чернышевский не знал реального положения дел и, конечно, не предполагал, что ровно через месяц выйдет особое высочайшее повеление, запрещающее выпускать в свет сочинения «государственных преступников, какого бы содержания и в каком бы виде сочинения эти ни были»¹. Но он прекрасно понимал, что зарубежное издание написанного на каторгу романа грозит ему серьезными неприятностями, которые могут сказаться и на его семье. В качестве отвлекающего маневра он предлагал Пыпину русское издание с перечеркиванием и переделками «как понадобится». Именно по цензурным соображениям он предложил изменить в русском издании профессию Волгина, чтобы власти не узнали его в Волгине. Кроме того, русское издание после редакторской правки и, в первую очередь, Пыпина и одобрения окончательного текста официальной цензурой было бы для автора лакмусовой бумажкой, по которой он смог бы судить о том, что можно печатать в 70-е гг. в русской подцензурной печати. И наконец, русское издание

¹ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского.—М., 1953, с. 387.

материально поддержало бы семью и уменьшило бы его долг Пыпину, который заботился о сносных условиях жизни Ольги Сократовны.

Полное переводное издание было нужно для основного адресата романа — русских революционеров и передовой научной общественности Запада. Они должны были знать подлинную оценку Чернышевским эпохи падения крепостного права, его оценку реформы как мерзости, совершенной в интересах помещиков, его непримиримую позицию по отношению к болтунам-либералам. Роман, столь же важный, как и «Что делать?», минуя препоны и рогатки цензуры, дошел бы по назначению. Но, к сожалению, авторский план издания «Пролога» остался на бумаге. Русское издание оказалось невозможным в 1871 г., а зарубежное издание Пыпин из опасения за Чернышевского и его семью побоялся осуществить.

Стоит вспомнить в связи с этим еще об одном остроумном плане Чернышевского, связанном с настойчивыми попытками опубликовать свои стихи «Гимн Деве Неба». В Виллойске у Чернышевского среди книг был роман из истории Флоренции «Ромола» Джорджа Эллиота. Этим псевдонимом подписывалась широко известная в России английская писательница Мэри-Анн Эванс. «Ромолу» перевели на русский язык, когда Чернышевский писал в Петропавловской крепости «Что делать?». В Виллойске у него было лейпцигское издание романа 1863 г. на английском языке. После того, как Чернышевский привез книгу из Сибири, старший сын Александр переплел оба тома романа в один, и на корешке появились инициалы «А. Ch.»: На некоторых страницах рукой Чернышевского сделаны расчеты расстояний между различными городами. Есть помета А. Н. Пыпина, что книга привезена Чернышевским из Виллойска в октябре 1883 г. Но на этом скитания «Ромолы» не окончились. Толстый том в 640 страниц попал к букинисту, был куплен у него в 1909 г. В. В. Водовозовым и передан младшему сыну Чернышевского. Ныне роман находится в ЦГАЛИ среди книг с автографами Чернышевского.

«Ромола» подсказала Чернышевскому идею выступить то ли в качестве однофамильца, то ли «родственника» ее автора. Джорджем Эллиотом была переведена на английский язык «Сущность христианства» Людвига Фейербаха. Эта работа произвела огромное впечатление на Чернышевского-студента в 1849 г., и себя он до самой смерти скромно считал только последователем Фейербаха, хотя в философии пошел дальше него и вплотную подошел к диалектическому материализму. Поэтому он и решил записаться в «родственники» к Эллиоту, избрав имя Дензиль. Последнее он объяснил в письме к

редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Дензиль — старая, в среднем классе англичан еще не совсем не употребительная английская форма имени Денис, Дионисий. ...Итак, вот кто Дензиль Эллиот. Можно ожидать, судя по фамилии, и этот стоит того, чтобы читать его» (XIV, 585). 11 лет назад Чернышевский аналогичным образом блестяще провел цензуру. В «Что делать?» бдительная Марья Алексеевна с помощью Сторешникова установила, что среди книг, которые Лопухов принес ее дочери, есть одна «о божественном» — «О религии, сочинение Людвига» — «Людовика-четырнадцатого» (XI, 63), как пояснил ей «образованный» Сторешников. На самом деле речь шла о книге Людвига Фейербаха «Лекции о сущности религии», искусно введенной в подцензурный роман.

Теперь Чернышевский снова решил с помощью испытанного приема, усыпляющего бдительность цензуры, и намек для читателя-друга дать ему понять глубоко современный и политически важный смысл «Гимна». Поэтому в письме он уверял Стасюлевича, что стихи всего лишь «эпизод из прозаического рассказа «Внука Эмпедокла», написанный ради денег автором, который до того сжился с миром понятий Древней Греции, что «...мелки и скучны ему мысли даже и английской обыденной газетной жизни» (XIV, 586). Но мир понятий Древней Греции в этих стихах был лишь искусной формой для проповеди, адресованной революционерам и прогрессивно настроенной молодежи 70-х гг. К ним он обращался и подбадривал их в трудные годы:

И скажи всю правду братьям;
 Духом не падут они;
 Без надежды на победу
 Будут биться, до конца (XV, 913).

Образ «Девы Неба» читателю, воспитанному на «Что делать?», должен был показать, что каторга и ссылка не поколебали исторического оптимизма автора. Еще в романе «Что делать?» он предупреждал о возможном поражении революционеров в начале 60-х гг.: «...еще немного лет, быть может и не лет, а месяцев, и станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, опиканные и срамимые» (XI, 145). Дева Неба свидетельствовала, что автор не отказался от светлой символики четвертого сна Веры Павловны. Как справедливо расшифровывает образ Девы Неба Н. С. Травушкин, — это одна из богинь (четвертого сна Веры Павловны — С. А. и В. Б.) — вдохновительница борьбы за Свободу»².

² Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. — М., 1978, с. 231.

«Гимн» долго не попадал в руки Пыпина и других адресатов. Его изымали при обысках, задерживали при пересылке. Произведение крамольного автора оседало в архивах департамента полиции. В сопроводительных письмах Чернышевский неизменно подчеркивал внешнюю аполитичность своего стихотворения: «Содержание пьесы чисто поэтическое, чуждое всяких отношений ко всему, сколько-нибудь касающемуся каких бы то ни было цензурных интересов» (XV, 486). Только после смерти Александра II, когда Чернышевский был уже в Астрахани, «Гимн» стал вторым оригинальным произведением писателя, увидевшим свет после сибирского заточения. Он опубликован в июле 1885 г. в «Русской мысли» за подписью «Андреев» и с указанием в оглавлении, что это псевдоним. Первой была напечатана в газете «Русские ведомости» 6-го и 7-го марта важная философская работа «Характер человеческого знания». Она подтверждала, что Чернышевский остался воинствующим материалистом. Здесь впервые появилась и подпись «Андреев». Но придумал он этот псевдоним в 1884 г. специально для «Гимна», который хотел обязательно напечатать, адресовав его революционерам 80-х гг. Он перепробовал разные приемы эзоповского иносказания, чтобы спасти от цензуры эти стихи. Неудача с мнимым родственником английской переводчицы Фейербаха не обескуражила его. Он попробовал представить «Гимн» как «перевод» из второстепенного английского поэта Сэведжа Лэндора, который в России был почти неизвестен, и никто не стал бы искать «оригинал» для сличения текстов. Себя он предложил представить мнимым переводчиком и указал простой «из обыкновеннейших русских фамилий» (XV, 487) псевдоним с тем, чтобы публике дали понять, кто скрывается за подписью «Андреев». Мнимым переводчиком его не стали делать, а кто такой «новый» автор Андреев, демократические круги узнали заранее. Об этом свидетельствуют слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Статей Андреева ожидаю с величайшим любопытством»³, написанные им в письме за несколько дней до выхода в свет «Характера человеческого знания».

Чернышевский умел в тяжелейших условиях упорно и изобретательно бороться за публикацию своих произведений. Длившаяся десятилетие борьба за публикацию «Гимна Деве Неба» наглядно иллюстрирует это.

Борьба за напечатание первой части «Пролога» развернулась не между Чернышевским и цензурой, а между Пыпиным и русскими революционерами. Русское правительство, по сви-

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20-ти т.—М., 1977, т. 20, с. 151.

детельству Н. Ф. Даниельсона в одном из писем к Марксу в 1872 г., предупредило Пыпина, который хотел издать критические, библиографические, исторические и историко-литературные статьи Чернышевского, ранее опубликованные в России, «что, если хоть одна статья этого автора выйдет в свет, издатель будет без дальнейших разговоров выслан из столицы»⁴. Чернышевский в это время в Виллойке получил от Пыпина очередную партию книг, среди которых были первый том «Капитала» Маркса в русском переводе Германа Лопатина и Николая Даниельсона, только что вышедший в Петербурге, и «Общественное движение в России при Александре I» самого Пыпина, опубликованное годом раньше.

Посылая в 1871 г. из Александровского завода Пыпину свои рукописи с художественными произведениями и пронумеровав их в «Списке бумаг и заметках о них», Чернышевский под первым номером поставил «Пролог Пролога», под вторым неоконченный «Дневник Левицкого». Это две части «Пролога» — все, что дошло до нас от романа и что сохранено Пыпиным. «Пролог» — второй роман из задуманной Чернышевским, но полностью не написанной им трилогии «Старина», «Пролог», «Рассказы из Белого Зала». Единственное документальное свидетельство того, что «Старина» была послана Пыпину, — комментарий Чернышевского в этих заметках: «Роман „Пролог Пролога“. Продолжение „Старины“, которая была послана прежде. Начинается самостоятельно; все понятно и не читавшему „Старины“» (XIV, 506).

О «Старине» сохранились воспоминания С. Г. Стахевица, В. Н. Шаганова и П. Ф. Николаева, бывших вместе с Чернышевским на каторге в Александровском заводе. Их мемуары дают возможность в общих чертах представить содержание этого романа. Стахевич, оговаривая, что это мнение заурядного читателя, а не критика-профессионала, считал, что «беллетристический талант Николая Гавриловича проявился в „Старине“ с большей силой, нежели в каком-либо другом из его произведений»⁵. Чернышевский был блестящим импровизатором и обладал феноменальной памятью. Иногда он, «читая» товарищам по заключению очередные главы, импровизировал, держа перед собою чистый лист бумаги, случалось, что с тем же чистым листом в руках он по памяти рассказывал написанное ранее. Это и ввело в заблуждение П. Ф. Николаева, который позднее дважды утверждал в своих

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.— М., 1967, с. 247.

⁵ Стахевич С. Г. Среди политических преступников.— В кн.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, т. II, с. 66.

мемуарах, что «Старина» вообще «не была написана, а только рассказана нам»⁶. Прямое свидетельство автора и воспоминания Стахевича и Шаганова опровергают это утверждение.

В литературе о Чернышевском долгое время была традиционной точка зрения, согласно которой Пыпин получил «Старину» и... сжег рукопись, опасаясь репрессий. Это несправедливое обвинение подсказано Даниельсону неизвестным лицом и выдвинуто им в письме к Марксу от 16 (28) января 1873 г. Внучка писателя Н. М. Чернышевская еще в 1961 г. горячо оспаривала это обвинение и в статье «Новые материалы для „Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского“» настаивала: «Это утверждение, постоянно повторяемое в печати, подлежит пересмотру»⁷. Она первая показала, что утверждение Даниельсона основано на слухах. А в письме к Марксу он повторял ходивший слух о том, что Чернышевский сошел с ума, и другие домыслы.

Важно и другое. Вопрос о зарубежном издании «Пролога» в Лондоне возник позднее, но Пыпин не только хранил «Пролог», но и давал близким друзьям читать рукопись, на что не отважился бы человек, уничтоживший «Старину». Пыпина не пугало и то, что им интересовалось III отделение, которое охарактеризовало его «как человека самого крайнего направления»⁸. В конце 1871 г. была разыграна комедия с «добровольным» отказом Пыпина от избрания в академики, и одним из мотивов была его связь с Чернышевским, его открыто выраженное сочувствие двоюродному брату при объявлении приговора, его письмо к А. А. Суворову, в котором он указывал на юридические несправедливости в деле Чернышевского. Слухам из письма Даниельсона не поверили советские публикаторы письма, ограничившиеся сноской, в которой указано, что «возможно, речь идет о „Старине“». Рукопись «Старины» не сохранилась⁹. Слухи о «Старине», выдаваемые Даниельсоном за непреложный факт, должны быть отброшены.

Нельзя пытаться связывать их и с позицией Пыпина в вопросе о лондонском издании «Пролога». Чернышевский был

⁶ Николаев П. Ф. Воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге.— Там же, с. 176, 178. См. также комментарий 23 Г. Ф. Самосюка на с. 185.

⁷ Чернышевская Н. М. Новые материалы для «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского».— В сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961, вып. 2, с. 229. Достоверность этого слуха отрицалась ею и на страницах «Летописи». См.: Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского.— М., 1953, с. 377, 408.

⁸ Ткаченко П. С. Новые материалы о А. Н. Пыпине.— Русская литература, 1967, № 4, с. 121.

⁹ См.: К. Маркс и революционная Россия.— М., 1967, сноска 175, с. 756.

Пыпину «ближе, чем родной»¹⁰, и последний не был ни трусливым родственником, каким он предстает в письме Даниельсона, ни революционером-демократом, оставаясь мужественным буржуазным просветителем. Поэтому для Пыпина не существовало вопроса о том, нужно или не нужно для дела революции передавать рукопись двоюродного брата или копию с нее русским революционерам на Западе. Его волновало другое: имеет ли право он или кто другой рисковать и без того тяжелым положением вилюйского узника. Пыпин был убежден, что такого права нет ни у кого, кроме самого автора. Это объясняет и отказ Пыпина дать Даниельсону материалы о Чернышевском для Маркса, когда тот просил их для задуманной большой статьи о Чернышевском.

Следует вспомнить, что в «Предисловии издателя» в первой части десятого тома первого полного собрания сочинений отца М. Н. Чернышевский, публикуя впервые в 1906 г. «Пролог», полностью береженный, как и весь архив писателя, покойным А. Н. Пыпиным, прямо писал, что он руководствовался «указаниями, полученными в свое время от А. Н. Пыпина». Роман печатался «в исправленном виде по подлинной рукописи, равно как и остальные произведения, которые считались погибшими, за исключением первой части романа „Пролог“ — „Пролога Пролога“, напечатанного за границей по списку, сделанному кем-то из находившихся в то время в Александровском заводе вместе с моим отцом»¹¹.

Первое издание «Пролога Пролога» увидело свет в конце мая 1877 г. в Лондоне. Сброшюровано было 500 экземпляров, а остальные 2500 ждали новых поступлений в пустую кассу редакции «Вперед!». Из Петербурга подпольщики еще полтора месяца назад требовали немедленной присылки 750 экземпляров романа.

История первого издания первой части «Пролога», нелегально доставленной в Лондон, прошедшей через многие руки, глубоко драматична. Рукопись бережно восстановил П. Л. Лавров. Он сделал наклейки по краям истрепанных листов, вписал стершиеся слова, провел большую работу реставратора и текстолога.

Длинен и безмерно труден был путь этой копии рукописи от камер Александровского завода до лондонской наборни «Вперед!». Затем за моральное право на издание «Пролога»

¹⁰ См.: Гришунин А. Л. Культурно-историческая школа.—В сб.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975, с. 135.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 10-ти т.—Спб., 1906, т. 10, ч. I, с. V и I.

без письменного разрешения автора редакции пришлось бороться с Пыпиным. Как показала дискуссия на страницах журнала «Русская литература» в 1971—1974 гг., путь «Пролога» в Лондон не выяснен полностью до сих пор¹².

До нее здесь все представлялось ясным. В Александровском заводе с согласия Чернышевского была снята копия четырьмя переписчиками. Вывез ее оттуда М. Д. Муравский, переведенный в конце 1870 г. в Бирск Уфимской губернии. Он передал рукопись Г. И. Успенскому. От последнего она попала к Г. И. Лопатину, который и доставил ее в Лондон. Совсем иначе трактуется судьба этой рукописи, которая ныне хранится в ЦГАЛИ, в обзорной статье 1978 г., опубликованной в журнале «Русская литература» к 150-летию со дня рождения Чернышевского. Здесь напоминает, что роман «Старина» «исчез и судьба рукописи... остается невыясненной», а о «Прологе» сказано, что первая часть его «была опубликована без указания имени автора еще при жизни писателя за границей по неавторизованной рукописной копии также невыясненного происхождения...»¹³

В наши дни неизмеримо выросла источниковедческая база исследований. Непроверенные догадки и необоснованные суждения проверяются по максимально достоверным источникам. Дискуссия многое уточнила и дала возможность без предвзятости оценить известные нам сведения.

Копия «Пролога», доставленная в Лондон, именно теперь предстает документом «невыясненного происхождения». Напомним, как развивались события в 1876—1877 гг., когда «Пролог» готовился к печати. 1 сентября (20 августа) 1876 г. в Лондоне в двухнедельной газете П. Л. Лаврова «Вперед!» появилось объявление о готовящемся издании «Пролога Пролога» с просьбой помочь материально, чтобы ускорить появление II выпуска IV тома с романом из начала шестидесятых годов. Имя автора не было названо. Пыпин, узнав об этом объявлении, сделал все, чтобы помешать выходу романа Чернышевского в Лондоне. Он писал П. Л. Лаврову, что задуманное издание — это литературное воровство и политическое предательство по отношению к Чернышевскому. Копия якобы

¹² Николаев М. П. Из истории публикации романа Чернышевского «Пролог» в Лондоне. — Русская литература, 1971, № 3, с. 82—86; Пинаев М. Т. Еще раз к истории лондонского издания романа Н. Г. Чернышевского «Пролог». — Русская литература, 1972, № 3, с. 122—133; Травушкин Н. С. Новые эпистолярные материалы к истории лондонского издания «Пролога» Чернышевского. — Русская литература, 1974, № 1, с. 161—170.

¹³ Руденко Ю. К. Чернышевский — художник (основные тенденции и итоги изучения). — Русская литература, 1978, № 3, с. 175.

тайком снята с имеющегося у него оригинала, который он давал читать двум-трем лицам, и издание романа ухудшит положение Чернышевского, который благодаря заботе его «почитателей» упрятан в Виллойск. Он намекал тем самым на попытки освобождения Чернышевского и на заграничные издания других произведений Чернышевского, которые, по его убеждению, утяжеляли режим ссылки. Объективности ради заметим, что теперь известно восемь попыток освобождения Чернышевского. В 1875 г. в № 23 того же «Вперед!» было опубликовано ставшее широко известным заявление как бы от имени Чернышевского: «Чернышевский заявил, что увести его, помимо его воли, невысказано, и что напрасно его доброжелатели губят себя задаром, ибо он твердо решил не бежать»¹⁴. Об этом и сам Чернышевский писал в двух письмах жене в 1873 (XIV, 553) и 1875 гг. (XIV, 583). К яростным нападкам на Лаврова и редакцию «Вперед!» Пыпин привлек М. А. Антоновича и жившего в Женеве ученого-слависта М. П. Драгоманова, который стал посредником между сторонами, так как прямая переписка из-за оскорбительного тона Пыпина стала невозможной.

Лавров, как и Лопатин, считал неверным утверждение о вреде и опасности, которые может принести автору лондонское издание. «По-моему,— писал он в найденном Н. С. Травушкиным черновике письма к Драгоманову,— хуже настоящего ничего быть не может для него, по всем сведениям, которые я имею о его пребывании в Виллойске... Не смерть, не мучения, не преследования страшны людям, подобным Н. Г., а забвение, затупление, смерть общественная при жизни»¹⁵. Драгоманов, указывая на недавний обыск у Чернышевского, настаивал, что «за него решать другим нельзя, что хуже не будет»¹⁶. В пылу спора не были разграничены два вопроса: риск ухудшить условия жизни Чернышевского и его оправданность в интересах революционного движения. Риск, конечно, был: Чернышевского могли лишиться права переписки, отобрать книги и бумагу, создать ему невыносимые условия жизни в виллойском заточении. Но риск был оправдан. Лавров и его друзья, в том числе и Маркс, заходивший в редакцию и беседовавший с теми, кто готовил издание, а, возможно, даже

¹⁴ Вперед! 1875, № 23, стлб. 717—718. См. также статью Н. А. Троицкого «Восемь попыток освобождения Н. Г. Чернышевского». — Вопросы истории, 1978, № 7, с. 122—141.

¹⁵ Травушкин Н. С. Новые эпистолярные материалы к истории издания «Пролога». — Русская литература, 1974, № 1, с. 163.

¹⁶ Письмо Драгоманова от 25 апреля 1877 г. по ст. Б. Кистяковского «М. П. Драгоманов по его письмам». — Русская мысль, 1911, № 9, с. 144.

его инициатор, как предполагает Н. С. Травушкин¹⁷, понимали, что слово Чернышевского очень нужно русской и мировой революционной мысли. История полностью оправдала лондонских издателей «Пролога». Сам Чернышевский в 1889 г., когда он не мог не знать о лондонском издании своего романа, хотя и не имел его дома, говорил Л. Ф. Пантелееву: «Да, глубочайшее уважение имею к Петру Лавровичу»¹⁸ (Лаврову — С. А. и В. Б.).

Через шесть лет жизнь подтвердила правоту революционеров, боровшихся за освобождение Чернышевского и печатным словом и делом. После длительных тайных переговоров правительственной агентуры с представителями Исполнительного комитета «Народной воли», «военнопленный революции»¹⁹ новый император Александр III был вынужден в обмен на прекращение террора народовольцев выпустить Чернышевского из Сибири. 6 июля 1883 г. было утверждено решение о переводе Чернышевского в Астрахань. Полностью требование революционеров, составленное от имени «Народной воли» П. Л. Лавровым, о разрешении жить Чернышевскому в Петербурге или в одном из университетских городов Европейской России не было удовлетворено, но победа была явной. Прошения же и ходатайства Пыпина о смягчении участи Чернышевского и разрешении печатать старые работы писателя и критика успеха не имели. А в них он позволял себе недостойные выпады в адрес революционеров, особенно беззастенчивые в «Записке о деле Н. Г. Чернышевского», поданной министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову 18 февраля 1881 г. Здесь в сознательные и бесчестные враги Чернышевского был занесен «ошалевший философ Лавров», а Чернышевский был объявлен катедер-социалистом, а не революционером²⁰.

Такая позиция была закономерным финалом борьбы Пыпина против издания «Пролога», но она не оправдывается никакими благими побуждениями об улучшении участи Чернышевского.

Обвинения Пыпина в воровстве и корысти лондонских издателей «Пролога» были бесосновательны. В Лондон доставлена была копия из Сибири, а не с хранящегося у Пыпина оригинала. На последних страницах заграничного издания

¹⁷ См.: Травушкин Н. С. Новые эпистолярные материалы к истории издания «Пролога». — Русская литература, 1974, № 1, с. 170.

¹⁸ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. — М.—Л., 1934, с. 587.

¹⁹ Так охарактеризовали Александра III К. Маркс и Ф. Энгельс. — См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 19, с. 305.

²⁰ Пыпин А. Н. Записка о деле Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, 1927, т. 3 (22), с. 230, 231.

были напечатаны «Извещения корреспондентам», где указывались пожертвования, которые помогли печатать роман, когда редакция была на грани финансового краха. В разысканном Н. С. Травушкиным письме в Петербург подпольному кружку от 19 мая 1877 г. сказано: «Мы сидим без денег. Брошюровать роман нечем. Обедаем через день, а скоро совсем — зубы на полку»²¹.

Необходимы еще тщательные поиски документов петербургского подполья, которые могут прояснить сразу две тайны: как роман попал в Лондон и как его распространяли в России. Не обнаружен пока и «особый листок», написанный Лавровым для Пыпина, который он собирался послать с верной оказией, но, очевидно, не отослал. А в нем объяснялось, как и кем рукопись была доставлена из Сибири. Нет пока ответа и на вопрос, поставленный М. Т. Пинаевым, о документальном подтверждении участия М. Д. Муравского в снятии копии и доставке ее Г. И. Успенскому²². Лично Муравский не мог передать рукопись Г. И. Успенскому. Графологическая экспертиза установила, что среди четырех почерков, которыми переписан «Пролог», нет почерка Чернышевского. Непонятно, почему М. Д. Муравский, которого Чернышевский характеризовал как прямолинейного революционера, не принимающего в соображение обстоятельства места и времени, и святого младенца²³, никому впоследствии не говорил о том, что он провез рукопись Чернышевского и никому не дал списать хотя бы отдельные наиболее важные места «Пролога». Поэтому и обоснована осторожная формула в итоговой статье о Чернышевском: «рукопись невыясненного происхождения».

«Пролог» был в личной библиотеке Маркса, но его не было у молодого Ленина, и в своей работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» он цитировал его по статье Плеханова «Н. Г. Чернышевский», опубликованной в первой книге «Социаль-Демократа» за 1890 г. Пока достоверно известно по «Сводному каталогу русской нелегальной и запрещенной печати XIX века», что лондонское издание имеется в шести крупнейших библиотеках страны и в Центральном государственном архиве Октябрьской революции²⁴.

²¹ Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки.— М., 1978, с. 76.

²² Пинаев М. Т. Еще раз к истории лондонского издания романа «Пролог». — Русская литература, 1972, № 3, с. 125.

²³ Оценка Чернышевского дается в пересказе С. Г. Стахевича.— См. сб.: Н. Г. Чернышевский. М., 1928, с. 82.

²⁴ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века.— М., 1971, ч. V, с. 765, № 2123.

Но сохранилось их, конечно, больше. И читатели «Альманаха библиофила» могут помочь в установлении подлинного числа экземпляров, уцелевших в стране через сто с лишним лет после выхода в свет. А ведь среди них могут быть и книги с экслибрисами и с ценными маргиналиями и с дарственными надписями, проливающими новый свет на то, как «Пролог» помогал в революционной борьбе, как его берегли от жандармского глаза. Лондонское издание оставалось запрещенным до самой революции. Некоторые экземпляры, отобранные при обысках и арестах, попали в библиотеку Петербургского жандармского управления. Она была сожжена в день Февральской революции.

Редчайшими являются и перепечатки «Пролога» в нью-йоркской рабочей газете «Знамя», издававшейся в 1889 г. на русском языке. Среди ее авторов — Г. В. Плеханов, П. Л. Лавров, В. И. Засулич. Здесь роман Чернышевского сначала публиковался в виде отдельных прибавлений, а затем на страницах самой газеты. В середине июня она закрылась на три месяца, и «Пролог» оказался оборванным на 64 странице. Сама газета ныне бережно хранится в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, но в подборке нет начала «Пролога».

Около семи лет прошло с момента написания первой части романа до ее публикации. 36 лет «Дневник Левицкого» лежал в архиве Пыпина, пока он стал доступен русскому читателю и весь роман перестал быть запрещенным. Почти 70 лет сначала дореволюционными, а потом и многими советскими учеными изучается запутанная история «Пролога».

Многое не пощадило время. Истина дается трудно, но путь «Пролога» будет известен полностью.

Москва

ПЕНЗЕНСКИЕ ИЗДАНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

В середине 1946 г. мне в руки попала небольшая книжка «Русские писатели в Пензенской области», изданная в Пензе. Содержание ее, на мой взгляд, оказалось настолько интересным и актуальным, что возникло желание как-то откликнуться на нее, поддержать ее автора, имя которого я встретил впервые. В том же году в журнале «Сибирские огни» (№ 4—5) я опубликовал свой отзыв об этой книжке...

При упоминании о литературной Пензе обычно вспоминали о Белинском и Лермонтове... Но ведь с пензенской землей связаны имена Державина и Радищева, Крылова и Л. Толстого, Лескова и Короленко, Горького и Маяковского и многих других писателей... В истории нашей литературы понятие провинции имеет только территориальное значение. Корни отечественной литературы всегда уходили в глубину страны, в народные толщи.

Еще до Великой Отечественной войны, начав заниматься биографией и творчеством П. П. Ершова, автора всемирно известной сказки «Конек-Горбунок», я неожиданно натолкнулся на могучие пласты культурной жизни в провинциальной Сибири. Тобольск, Иркутск, Томск, Омск и другие города Зауралья хранили много важного для понимания общественной и культурной жизни страны в прошлом, истоков современности... Многие были незаслуженно забыты, искажено неверными суждениями, скрыто в архивах, затеряно на страницах редких изданий... И все это несмотря на то, что до революции и особенно в 20-е годы нашего столетия появилось немало серьезных работ по истории общественной и культурной жизни Сибири. М. К. Азадовский, М. П. Алексеев, Н. Н. Бакай, Н. В. Здобнов и другие советские исследователи внесли важный вклад в изучение литературного и культурного прошлого Зауралья. Многие дали в познании этих вопросов материалы, опубликованные в трех томах «Сибирской Советской энциклопедии» (1929—1932). А во второй половине 30-х годов в различных изданиях появляется немало статей и публикаций, посвященных писателям и общественным деятелям старой Сибири. Их авторы (Б. Жеребцов, А. Гуревич, Л. Мартынов и др.) восстанавливают забытые литературные имена, события общественной жизни, явления культуры, накапливают материалы для будущих исследований и обобщений...

И вот—пензенская книжка, в которой автор пытается воссоздать картину общественной и литературной жизни Пензы с XVIII в. по наши дни, рисует ее в органичной связи с движением общественной и литературной мысли страны...

Автор небольшого предисловия к книжке профессор Д. Благой отмечал «настоячивый труд», «тщательные и кропотливые разыскания» и высказывал надежду, что «почин автора книжки не останется одиноком и что соединенными усилиями местных культурных деятелей, энтузиастов и патриотов родного

края будет, в конце концов, составлена своего рода «литературная география» нашей необъятной могучей и прекрасной Родины».

За минувшие десятилетия «литературная география» нашей страны стала необыкновенно широкой. Пожалуй, нет уголка, в котором не занимались бы исследованием литературного прошлого, не подымали бы из небытия имена отечественных деятелей культуры.

Плодотворно работают такие исследователи как Е. Д. Петряев, чьи работы о культурном прошлом Забайкалья и Кировского края широко известны, В. П. Трушкин—в Иркутске, Е. И. Бельский—в Омске, О. Г. Ласунский—в Воронеже, Н. М. Чернов и В. М. Катанов—в Орле, Ю. М. Курочкин и А. А. Шмаков—на Урале... Список этот можно было бы продолжить. Вот что вспомнилось мне при чтении заметок Ф. Малкина о пензенских изданиях военных лет, которые представляют собой примечательное явление в истории советской печати суровых лет Великой Отечественной войны...

Виктор Утков

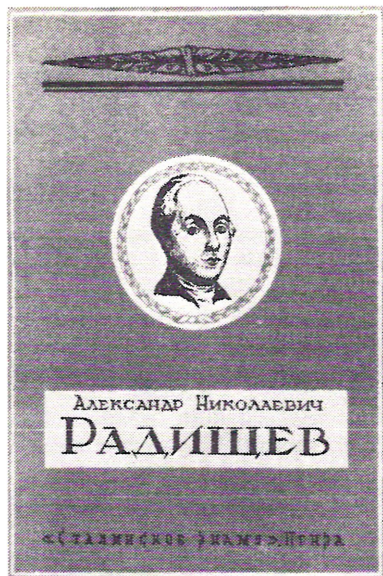
До Великой Отечественной войны в Пензе не было местного издательства. В 1943 г. было создано издательство областной газеты со штатом из двух человек—литературного и художественного редактора, поставивших своей задачей выпуск литературы на материале Пензенского края.

Начало положила брошюра «Замечательные места Пензенской области», изданная в 1943 г. тиражом в 10 тысяч экземпляров, изящно оформленная художником А. П. Бариновым. Она содержала очерки о местах, связанных с именами Суворова, Радищева, Белинского, Лермонтова, Короленко.

Брошюру читали не только в Пензенской области, ее посылали землякам на фронт. В одном из писем с фронта была волнующая фраза: «Иду в бой, положив книжку о Пензенской области на грудь». Начальник Дома Красной Армии в Архангельске просил выслать несколько экземпляров брошюры, на которую «имеется ряд запросов со стороны офицеров-читателей библиотеки Дома Красной Армии».

Учитель К. Соколов писал в районной газете: «В нашей школе эта книга пользуется заслуженным почетом как у учителей, так и у учащихся. Материалы ее изучаются на уроках истории и литературы, на пионерских сборах. Хотелось, чтобы каждая школа и библиотека приобрела для себя книжку „Замечательные места Пензенской области“, воспитывающую и укрепляющую любовь к родному краю—это замечательное патриотическое чувство».

Профессор Ленинградского университета Г. А. Гуковский писал в Пензу: «Приятно, что в дни великой войны издаются такие культурные вещи. Даже внешнее оформление—заставки, рисунки—в том же культурном стиле». Член-

Литература-земляки
О РОДИНЕ

*Э. М. Радищев
Доктор исторических наук
В. Г. Короленко
Землеустроитель
Э. М. Стальковский
Шеф-редактор*

Пензенские издания военных лет

корреспондент Академии наук СССР, известный пушкинист М. А. Цявловский писал: «Прошу и впредь присылать мне краеведческие работы, которыми я весьма интересуюсь, придавая им огромное будущее в деле нашего национального самопознания и самосознания».

Выходившая в Москве в годы войны газета «Литература и искусство» 20 мая 1944 г. отметила пензенскую книжку: «Очерки А. Храбровицкого интересны, написаны любовно, со знанием материала». В рецензии «Исторического журнала» (1944, № 1) было высказано пожелание, «чтобы и о других памятных и священных для нашего народа местах были изданы подобные книжки».

Доцент Ульяновского педагогического института П. С. Бейсов сообщал в Пензу: «Ваши книги помогли мне. С этими книгами я был в редакции газеты. По вашему примеру решили издать «Замечательные места области».

В том же 1943 г. пензенское издательство выпустило отдельной брошюрой статью В. Г. Короленко «В успокоенной деревне» — об истязании крестьян полицейскими в 1910 г.: это происходило в бывшем Сердобском уезде, территория которого

вошла в Пензенскую область. Под предисловием С. В. Короленко значится «Свердловск, август 1943 г.». Тогда в Свердловске находился в эвакуации полтавский музей Короленко, который возглавляла дочь писателя — Софья Владимировна; предисловие было написано по просьбе издательства пензенской газеты.

На последней странице книжки А. Анисимовой «Песни про войну», выпущенной в Пензе также в 1943 г., помечено «Село Поим, Пензенской области». Это была первая книжка сельской поэтессы. Она открывалась сказом «Воля русская — воля гордая», посвященным разгрому немцев под Москвой. Газета «Литература и искусство» 8 января 1944 г. писала: «Книжка А. Анисимовой, пронизанная горячей любовью к родной земле и органически связанная с вековыми традициями русского народного творчества, несомненно, вызовет большой интерес у читателя». Впоследствии Анисимова издала ряд книг и фольклорных сборников, стала членом Союза писателей СССР.

В 1944 г. издательство начало выпуск серии брошюр «Замечательные люди Пензенского края». Первой вышла книжка В. Нечаевой «Виссарион Григорьевич Белинский»; на обложке был опубликован проспект серии, состоящей из 20 брошюр. В следующем году вышли брошюры о Радищеве (автор — Д. Благой), Лермонтове (В. Мануйлов), Лажечникове (В. Нечаева). Книжка о Лажечникове была первой в русском литературоведении об этом писателе; автор использовал неопубликованные документы Пензенского областного архива и архивов Москвы.

«Новый мир» в рецензии на серию пензенских книжек писал (1945, № 11—12): «Общее для всех этих книг — это серьезный подход издательства к своей задаче, стремление дать в сравнительно небольших очерках доброкачественный материал и, насколько это возможно, осветить подробнее пензенский период жизни каждого писателя».

Под этим же названием «Замечательные люди Пензенского края» издательство выпустило серию литографских настенных портретов работы художника Б. И. Лебедева; каждый портрет сопровождался пояснительным текстом. Вышло восемь портретов — А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. Н. Ульянова, Н. Н. Бурденко, Ф. В. Гладкова.

В 1945 г. выходом брошюры В. Ермолаева «Пензенский край в Отечественной войне 1812 года» издательство начало серию «Из прошлого Пензенской области». Журнал «Звезда» (1945, № 7) писал: «Следует всячески одобрить почин пензен-

ской газеты <...>, издавшей ряд брошюр, посвященных историческому прошлому родной области <...>. В брошюре В. Ермолаева рассказывается о вкладе пензенцев в дело победы над Наполеоном в дни Отечественной войны 1812 года. Автор использовал ряд малоизвестных материалов из пензенских архивов».

В 1946 г. была выпущена книга А. Храбровицкого «Русские писатели в Пензенской области» под редакцией и с предисловием Д. Благого. Ученый отмечал, что автору «в результате настойчивого труда, тщательных и кропотливых изысканий удалось установить ту или иную связь с Пензенской областью более чем тридцати русских писателей, среди которых имеется ряд самых выдающихся имен нашей литературы... Полезная и интересная и для учащихся, и для литературоведов, и вообще для широкого читателя, эта книжка делает хорошее культурное и патриотическое дело: учит привязанности к родным местам, подымает интерес к их прошлому, приучает бережно и любовно относиться к тому, что от него сохранилось». Книга получила много положительных откликов в печати и в письмах к автору.

Обложка и заставки с портретами писателей были исполнены художником А. П. Бариновым. В конце книги помещена «Литературная карта Пензенской области».

После 1946 г. на базе издательства пензенской газеты возникло Пензенское книжное издательство.

Москва

Цецилия и Януш Дунины

ЭКСЛИБРИСЫ, КНИГИ, ЛЮДИ...

Эта книга рассказывает об истории экслибриса в польском городе Лодзи. Авторы — Цецилия и Януш Дунины — уже в течение долгого времени собирают книжные знаки и, по мере того, как расширялась эта коллекция, у Дуниных росло желание рассказать о ней. Так появился замысел написать книгу. Однако авторы не ограничились простым комментарием к иллюстрациям книжных знаков. Они расширили тему своей работы. В результате появилось подробное, научно-скурпулезное и интересное исследование, в котором помимо детального рассказа об экслибрисах можно найти сведения, относящиеся также к истории книгопечатания и библиотечного дела в Лодзи, узнать о первых энтузиастах-библиофилах и о развитии библиофильского движения в этом городе. Но, конечно, большая часть работы — об экслибрисах и их создателях. Мы помещаем краткое изложение работы польских собирателей, подготовленное Е. Хохловым.

* * *

История книги в Лодзи началась сравнительно поздно. Первое книжное собрание, о котором дошла весть до наших дней, составил лодзинский врач Фридерик Мейсл. После его смерти в 1837 г. была составлена подробная опись имущества, в которую была включена и его библиотека — 28 книг, преимущественно медицинских.

В бурно развивающемся промышленном городе не слишком интересовались книгой. Первая книжная лавка появилась только в 1848 г. (да и там продавались, главным образом, учебники и справочники), а первая типография — в 1872 г. К этому же периоду относятся сведения о первых библиотеках в Лодзи. Так, в 1850 г. мэр города сообщал городским властям, что «...библиотека имеется при немецко-русской реальной школе, и в ней находится трудов и рукописей 564 штуки. Труды же все трактуют научные предметы. Периодических журналов в этой библиотеке находится 273 номера. Кроме того имеется книжная лавка, которая насчитывает трудов классических и для чтения 310». Авторы считают, что по всей

видимости, мэр говорит здесь о первом книжном собрании, рассчитанном на платное пользование.

В конце прошлого столетия отдельные библиофилы-энтузиасты неоднократно пытаются основать в Лодзи библиотеку. Примечательна в этом отношении судьба книжного собрания, созданного присяжным адвокатом Эмилем Гольцем. В год открытия—1887—«Лодзинская читальня» располагала 175 книгами и имела 62 читателя. Гольц рассчитывал, что вскоре расширится круг читателей до 80, а собрание увеличится до 221 книги. Но, к сожалению, большинство взятых книг не возвращалось, и лишь 25—30 человек регулярно платили взносы. В 1888 г. «Лодзинская читальня» прекратила свое существование. Подобная же участь постигала и другие библиотеки.

В это время в городе постепенно начинает развиваться книгоиздательское дело, улучшается полиграфическая база, растет книжная торговля. Одновременно становится ощутимым интерес к книге в обществе. Все больше лодзян начинает собирать книги. По-прежнему предпринимаются попытки создания частных и общественных библиотек. Особую роль тогда сыграли платные библиотеки. Самой известной из них является основанная в 1898 г. Халиной и Фелицей Пеньковскими «Первая лодзинская библиотека», которая действует и до сегодняшнего дня. Однако все более очевидной становится необходимость создания в городе публичной библиотеки. Кампания за ее создание была начата Виктором Чаевским в 1906 г. Лишь в 1916 г. возникло «Общество публичной библиотеки», которое год спустя основало учреждение, известное в настоящее время как «Городская публичная библиотека им. Л. Варыньского».

Как память обо всех этих библиотеках сохранились немногочисленные каталоги, упоминание в архивах или в прессе, а также потрепанные книги, отмеченные личными знаками владельцев, печатями, экслибрисами. Витольд Вечорек, первый в Лодзи историк книги, стал собирать эти знаки лодзинских библиотек, как документы культурной жизни города, как единственное, что осталось от множества книжных собраний. К несчастью, после смерти Вечорек эта бесценная коллекция распалась.

Теперь в частных коллекциях экслибрисов едва ли отыщется несколько скромных пожелтевших карточек, которые являются первыми знаками лодзинских библиотек. Самые старые из них—наклейки школьных библиотек: ведь из-за отсутствия в то время публичных библиотек школы могли опираться только на собственные собрания.

Но вернемся к первой публичной библиотеке. В начале это было небольшое книжное собрание, первым руководителем и единственным библиотекарем которого стал молодой учитель Ян Августыняк.

Этот человек рос вместе с учреждением, которым он руководил, учился сам и учил других. Он заботился о помещениях для библиотеки, находил сотрудников, добивался расширения книжного фонда. Почти полвека оставался Августыняк на посту директора Городской публичной библиотеки. В 1963 г., когда он оставил этот пост, библиотека насчитывала более 200 тыс. томов, находившихся в основном здании, и располагала разветвленной сетью филиалов. Титул профессора, который был присвоен Яну Августыняку, свидетельствует о признании его больших заслуг.

Уже в первый год существования библиотеки был объявлен конкурс на ее экслибрис. Три первых приза получил инженер Л. Розенберг. Эти знаки, которыми в настоящее время отмечено большинство томов библиотеки, вряд ли можно причислить к выдающимся достижениям искусства графики, но на конкурсе они были единственными, заслуживающими внимания. Знаменитых художников-графиков того времени не привлекало участие в провинциальном конкурсе.

Лодзинские книжные знаки свидетельствуют о том, что уже в начале нынешнего века в городе было значительное количество частных библиотек.

Кроме того, большинство экслибрисов свидетельствует еще и об отсутствии вкуса как у их создателей, так и у владельцев библиотек. Исключением являются, пожалуй, только экслибрисы, обнаруженные на книгах П. Виттана. Они выполнены в строгой манере: их единственным украшением является гербовый знак, который составляет стилевое единство с надписью.

В Лодзи ходили легенды об огромном количестве книг и произведений искусства, будто бы сокрытых во дворцах фабрикантов.

Лодзинские библиофилы постоянно мечтали о том, чтобы эти богатства стали общедоступными. Но вероятнее всего, что слухи о ценности этих собраний были преувеличенными: круг интересов и вкусы лодзинской плутократии, а также уцелевшие после второй мировой войны остатки этих коллекций, вызывают скептическое отношение к большинству собраний. Однако, удалось найти несколько изданий, которые свидетельствуют о том, что были и обширные, ценные библиотеки, к сожалению, не сохранившиеся.

Авторы книги пишут о некоторых экслибрисах, украшавших эти редкие издания. «У нас есть, в том числе, красивый и немного загадочный знак, в одном экземпляре, „Ex-meis-Libris“ Мавриция И. Познаньского, представляющий типичный лодзинский пейзаж в традиционном стиле. Мы не знаем ни того, кто был его создателем, ни того, какая судьба постигла библиотеку, которую украшал этот знак. Промышленный пейзаж определенно указывает на связь экслибриса с нашим городом, хотя точное топографическое сопоставление было бы в данном случае затруднительным... Появление этого знака можно смело датировать, самое позднее, двадцатыми годами нашего века».

Далее авторы сообщают интересные сведения о тематических библиотеках. «В последние годы,— пишут они,— нам, с помощью неоценимых услуг библиографического отдела „Дома книги“, удалось раскрыть тайну собрания, на котором стояло имя Марцела Ионьского, собиравшего с начала нашего века книги о театре. Эта большая библиотека, рассеявшаяся после второй мировой войны, была обозначена наклейкой „Театральная библиотека Марцела Ионьского“, с позднее проштемпелеванной надписью „Собственность братьев Ионьских. Лодзь“. Владельцы этой библиотеки, с молодых лет и до сегодняшнего дня связанные с любительским, а затем и с профессиональным театром, по-прежнему располагают частью этого интересного собрания книг о театре».

Среди частных библиотек того далекого времени можно отметить и принадлежавшее Александру Хейман-Ярецкому собрание книг и гравюр исторического содержания. Экслибрис библиотеки — двухцветная литография — выполнен Юзефом Томом. Этот знак, который, кстати, был на международной выставке в Лос-Анджелесе в 1928 г., является типичным для экслибрисов того времени, хотя сегодня и может показаться помпезным.

А вот еще любопытный факт, о котором сообщают авторы. «В 1925 году по инициативе известного в городе филолога Зигмунта Лоренца была предпринята первая попытка оценить богатства лодзинских коллекционеров. Как память о ней осталась интересная брошюра „Выставка книг, организованная Научным кружком Городской гимназии. Лодзь“. Эта имеющая большое воспитательное значение инициатива донесла интересные сведения о книгах, которые в то время находились в многочисленных библиотеках промышленного города... Все экспонаты были взяты из лодзинских коллекций. К сожалению, в каталоге содержится только благодарность „всем, которые оказали нам доверие и одолжили на несколько дней самые

ценные издания — украшения их библиотек“, без перечисления имен владельцев».

Во второй половине двадцатых годов в культурной жизни Лодзи произошли крупные изменения. Эти изменения неразрывно связаны с именем Пшецлава Смолика. Медик по образованию, Смолик был по призванию литератором. Он писал статьи и стихотворения, сотрудничал с прессой. Будучи интернированным в годы первой мировой войны, он совершил путешествие на восток и привез оттуда большое количество материалов для своих будущих работ. Однако, прежде всего, П. Смолик был истинным библиофилом, а также тонким ценителем графики. Об этом свидетельствуют и его произведения, такие как, например, «Печать и книга», «Десять экслибрисов Юзефа Тома» и многие другие. Он был в числе основателей библиофильского общества в Кракове, откуда он, впрочем, должен был вскоре уехать из-за своих радикалистских и антиклерикальных выступлений, а также по материальным соображениям.

Тотчас же по приезде в Лодзь Смолик развернул активную деятельность по организации в городе культурного центра. Находясь на посту начальника «отдела образования и культуры» городского магистрата, он многое сделал для города. В частности, добился передачи из Кракова ряда ценных книжных собраний. Эти книги впоследствии стали основой коллекции «Музея», а также позволили значительно расширить Городскую библиотеку.

Учитывая пример других городов Польши, Смолик решил создать библиофильскую организацию и в Лодзи. Он обратился за помощью к директору Городской библиотеки Яну Августыняку, который, зная лично многих лодзинских библиофилов, пригласил их на общее собрание. Оно состоялось 10 апреля 1927 г. в помещении Городской библиотеки. Так было основано «Лодзинское общество библиофилов». Председателем стал П. Смолик, секретарем — Я. Августыняк.

Не все те смелые задачи, которые поставило перед собой общество, могли быть решены, но само его существование имело огромное значение для книжного дела в Лодзи. Отдельные библиофилы, нерегулярные издательские акции, единичные экслибрисы — все это свидетельствовало о том, что уже имелась хорошая почва для того, чтобы благодаря личности Смолика здесь смог появиться один из наиболее активных в стране центров библиофильства.

Соавтором успеха был директор Городской библиотеки Ян Августыняк, человек, тесно связанный с книгой, хотя и не библиофил в обычном значении слова. Он лично не собирал

книги, а все попадавшие к нему экземпляры передавал в библиотеку города, которая в течение всего времени постоянно испытывала острый книжный голод. В Городской библиотеке книгу рассматривали как вещь практическую, предмет первой необходимости, историческая и эстетическая ценность книги никогда не заслоняла собой ее функции служения читателю.

К тому времени, когда в Лодзь приехал Смолик, библиотека уже находилась в гораздо лучшем состоянии: она располагала более чем 35-тысячным собранием. Вновь возникшее общество книголюбов решило рассказать лодзянам о неизвестных им до сих пор редчайших книгах, имеющих в библиотеке. Было подготовлено и выпущено библиофильское издание «Антикварная книга в Лодзинской городской библиотеке. 1917—1927». Предисловие к нему написал П. Смолик. Он же написал статью о древних книгах в собрании Городской публичной библиотеки. В этой статье Смолик, между прочим, говорит, что для любителей книги не только современной, но и древней, которые возможно найдутся и в «польском Манчестере», «...не будет делом, лишенным интереса, узнать о существовании в Городской публичной библиотеке около сотни старых фолиантов, из которых несколько едва ли не достигают века инкунабул».

Одним из первых собственных изданий «Лодзинского общества библиофилов» были «Судьбы библиотеки Феликса Венжика», написанные Зигмунтом Хайковским. Библиотека, о которой идет речь, попала в Лодзь и здесь была выставлена на аукцион, где оценена была чуть ли не по весу: цены на продаваемые книги устанавливались не на основе их исторической, библиографической или библиофильской ценности; учитывался, прежде всего, размер, качество переплета, количество иллюстраций и т. п. Такой факт, конечно, не свидетельствует в пользу лодзинских букинистов того времени, зато библиофилы и Городская библиотека получили редкую и прекрасную возможность для приобретения ценных, редких изданий.

В 1929 г. П. Смолик в «Лодзинском ежегоднике» — журнале Лодзинского отдела Польского исторического общества — поместил трактат под названием «Королевская книга в Лодзи». Экземпляр из собрания короля Зигмунта Августа с прекрасно сохранившимся суперэксlibрисом, вытесненным на коричневой коже, имеет интересную, часто упоминаемую историю. При неизвестных обстоятельствах эта книга очутилась в библиотеке «Цеха парикмахеров» и была выменена Публичной библиотекой на... «Прокаженную».

За время своего существования «Общество библиофилов» предприняло ряд самых различных инициатив. Организовывались чтения, встречи, выставки. Так, например, в декабре 1931 г. в здании «Городской галереи искусства» была открыта выставка современной польской книги и графики. В число экспонатов входили также художественно выполненные переплеты, библиофильские издания, экслибрисы. Выставка имела большой успех. Как память о ней остался хорошо изданный каталог, который теперь является большой библиографической редкостью.

Но главным достижением «Лодзинского общества библиофилов» было издание библиофильской литературы. И самое деятельное участие в подготовке этих изданий принимал П. Смолик. Например, были изданы три прекрасные книги по истории иллюстрации: «Оформление книги в творчестве Выспяньского» (1928), «Графика Яна Буковского» (1930), «Гравюры Яна Норблина» (1934). Все три были написаны П. Смоликом. Эти книги и сейчас не утратили своей привлекательности.

«Оживление библиофильского движения не могло проходить без пробуждения интереса к экслибрису. Мы знаем,— пишут авторы,— что на собраниях „ЛОБ“ организовывались показы экслибрисов, вероятно, из личной коллекции Смолика, мы помним также, что на выставке современной книги пропагандировались художественно выполненные книжные знаки. Некоторые члены общества уже имели собственные экслибрисы. У Смолика их было даже несколько: он пользовался работой Станислава Якубовского, выполненной в 1924 г.— знаком с фигурой переписчика книг, которая была репродуцирована со старинной гравюры, а также автокарикатурой, представляющей собой библиофила, стоящего на коленях среди книг. Эта карикатура отнюдь не говорит о выдающихся художественных способностях известного деятеля, однако, она была близка сердцу автора, который наклеивал ее даже на самые ценные свои книги».

Первоначально члены общества библиофилов заказывали книжные знаки за пределами Лодзи. Автором ряда знаков был варшавский художник Юзеф Том, один из наиболее популярных создателей экслибрисов. Первым художником, который поднял лодзинский экслибрис на должную высоту, стал Кароль Хиллер.

Хиллер был книголюбом, активным членом «Общества библиофилов», создателем знака «ЛОБ», экслибрисистом и иллюстратором. Как все, что он делал, так и его экслибрисы, хотя и недооцененные большинством коллекционеров, заняли

в своем ряду особое и неповторимое место. Творчество этого художника оказало влияние даже на взгляды П. Смолика, который в предисловии к работе «Экслибрисы Кароля Хиллера» писал о том, что единственно допустимым украшением в книге может быть только двухмерная, черно-белая композиция и что, наоборот, все, от чего «...веет осязаемой трехмерной предметностью и иллюзией действительности, а, следовательно, натурализмом», необходимо исключать. Об искусстве же К. Хиллера он писал: «Экслибрисы Хиллера являются композициями, в полном смысле этого слова, типографскими, и ни одна из них не внесет диссонанса в оформление книги».

Надо, правды ради, признать, что сам П. Смолик не всегда ставил перед оформлением книги такие радикальные требования. Как историк иллюстрации и экслибриса, он был гораздо более либерален, и — как известно — свои собственные книги украшал автокарикатурой сомнительной художественной ценности.

В этой связи следует упомянуть имя Владислава Стшеминьского, который дошел до крайних взглядов на полиграфию. Он отрицал всякое иллюстрирование книги, как противоречащее задачам печати. К 1935 г. Стшеминьский окончательно сформулировал свою концепцию «функциональной печати». «Функциональная печать» строилась по принципу контрастов (композиционное расположение текста, контраст прифтов, контраст белой бумаги и заполненной поверхности). Графическая композиция должна была идеально отражать содержание данного текста и тем самым облегчать его восприятие. Но случалось, что композиция представляла графическое искусство само по себе, часто с ущербом для читаемости текста.

Итак, теория «функциональной печати», которая получила довольно широкое распространение, вела к полному отрицанию традиционного оформления книги, и в том числе к отрицанию права существования экслибриса.

Только немногие лодзинские библиотеки отваживались в то время иметь собственный экслибрис. Скромным знаком была отмечена, например, библиотека лодзинского отделения «Свободного польского университета». Среди платных библиотек следует отметить «Читальню и библиотеку «АТЕНА», которая пользовалась несколькими вариантами наклеек. История сохранила книжные знаки, принадлежавшие армейским библиотекам. «Возникновение этого, как-никак библиофильского, движения было достаточно забавным: кому-то „наверху“ пришла по душе идея обозначения библиотек экслибрисами. Вопрос был решен радикально, по-армейски... приказом! Все

части, кроме рекомендации немедленно выполнять приказ, получили образец — знак „Центральной армейской библиотеки“ — вероятно, для того, чтобы библиотекари лучше поняли, что такое экслибрис. К сожалению, результат был малоинтересным: огромное количество библиотек отнеслось к этому образцу, как к обязательной схеме, произведя только замену надписи на наименование своей части. Именно так поступил, в числе прочих, и IV лодзинский полк тяжелой артиллерии. Однако, следует отметить, что на этом фоне некоторые армейские экслибрисы выделяются ярким пятном, например, „Армейская библиотека ДОК IV“ и «Лодзинская библиотека „Военная наука“» отнесли к приказу серьезно и заказали знаки у К. Хиллера».

Пришедшая на территорию Польши вторая мировая война не пощадила ни людей, ни книги. Немногие члены «ЛОБ» смогли пережить этот тяжелый период. В начале декабря 1939 г. был расстрелян Кароль Хиллер. Зигмунт Хайковский, филолог и библиофил, последний председатель «ЛОБ», погиб в Освенциме. Ян Августыняк в составе группы интеллигенции был арестован и депортирован. Систематический грабёж ценнейших произведений, находившихся в Городской публичной библиотеке и в частных собраниях, был санкционирован специальным документом от 13 декабря 1939 г. «О передаче всех польских библиотек и других собраний книг и журналов, находящихся на территории города, немецким властям». Началась официальная реквизиция всего, что имело отношение к польской культуре. Вначале книги сжигали на кострах, позднее стали доставлять прямо на бумажную фабрику. Такой была судьба книг из большинства филиалов Городской библиотеки и многих книжных собраний, оставшихся после убитых или выселенных жителей Лодзи.

Но и в это время в оккупированном городе было место, где иногда удавалось встречаться книголюбам. Из-за недостатка собственных рабочих фашистские власти допускали частичное использование на работе в книжных магазинах поляков. Естественно, что в большинстве принадлежавших немцам книжных магазинов владельцы резко демонстрировали свои антипольские настроения. Исключение составляла книжная лавка Шарлотты Зейпельт. Хозяйка не допустила уничтожения польских книг, которые она хорошо прятала. Здесь же работал известный книготорговец Ян Рогозиньский. Эта лавка была одним из немногих мест, где можно было безопасно встретиться, обменяться парой слов на польском и откуда иногда удавалось унести, тщательно укрытую полой пальто, польскую книгу.

* * *

С января 1945 г., после освобождения Лодзи, польская книга возвращается в город. Обнаруживались тома, спрятанные в книжных магазинах, в частных квартирах. Некоторые собрания нашли своих владельцев, другие оказались в общественных библиотеках и букинистических магазинах. Библиотекари стремились собрать и те книги, которые остались после убежавших оккупантов и изменников. Лодзинскому университету, например, была передана библиотека из Шлосс-Плятте в Поморье, которая принадлежала ранее роду Бисмарков.

В это время Лодзь стала главным центром исследования проблем, связанных с книгой. Университет открыл библиотечные курсы, где работали такие люди, как Хелена Радлинская, педагог, исследователь читательской аудитории, инициатор создания и руководитель «Курсов общественно-образовательной работы» в «Свободном польском университете», автор труда «Книга среди людей»; профессор Ян Мушковский, один из самых выдающихся исследователей и теоретиков библиотечного дела; доцент, доктор наук Адам Лысаковский, библиограф и теоретик науки о книге, первый директор библиотеки Лодзинского университета. Возник так называемый «Государственный институт книги» — научно-исследовательское учреждение, занимавшееся изучением библиотечного дела и смежных с ним областей.

В 1947 г. внезапная смерть прервала плодотворную жизнь П. Смолика. Неудача постигла и последнюю из написанных им книг, которая была посвящена истории иллюстрации. В те трудные годы кто-то принял решение о прекращении печатания этой книги — и несколько сот готовых клише было уничтожено. Уцелели только машинописный текст и пробные оттиски иллюстраций, которые и сегодня хранятся в университетской библиотеке.

В послевоенные годы в Лодзь переселились многие известные библиофилы, владельцы крупных библиотек, о чем свидетельствуют и экслибрисы. Среди них были: историк литературы Стефан Кавын, филолог Станислав Цывиньский, санскритолог и знаток библиотечного дела Ян Михальский, уже упомянутый Ян Мушковский, который, кстати, являлся обладателем собственного экслибриса уже в 1913 г. В Лодзи поселился также Тадеуш Вольский — старейшина польских коллекционеров и знатоков экслибриса. К несчастью, его бесценная коллекция, насчитывавшая около 1500 польских экслибрисов (среди которых был редчайший, первый в Польше книжный знак, принадлежавший архиепископу Мацею Джевицкому), погибла во время Варшавского восстания.

В городе поселились также многие художники-графики. Некоторые из них уже были известны как авторы экслибрисов. Появляются новые произведения малой графики. К наиболее удачным следует отнести экслибрис, который создал в двух вариантах — латинском и польском — известный художник Станислав Луцкевич.

На постоянное жительство в Лодзь переехал львовский график Людвик Тырович, хорошо известный перед войной как создатель экслибрисов. К тому времени он уже был автором более сотни книжных знаков, отличавшихся высоким уровнем как технического исполнения, так и стилистического решения. Тырович проявлял, кроме того, редкую заботу художника о возможно более точном и верном отражении в экслибрисе личности владельца библиотеки и его пристрастий. Лодзинский период жизни Л. Тыровича был необыкновенно плодотворен. Созданные им книжные знаки украсили библиотеки многих книголюбов. Лодзяне отдали дань таланту Тыровича. Еще при его жизни появилась прекрасно изданная, правда библиофильским тиражом, — всего 500 экземпляров — книга «Экслибрисы Людвика Тыровича». В «Магазине научной книги» была организована полная выставка экслибрисов Тыровича, созданных в 1931 — 1956 гг.

Некоторые ценные собрания, очутившиеся после войны в Лодзи, полностью или частично вошли в состав городской и университетской библиотек. Они сохранили собственные экслибрисы или были отмечены специальными знаками, напоминавшими об их происхождении. Теперь эти знаки являются ценным источником для исследователей, занимающихся историей книжных собраний. Например, специально заказанной двухцветной гравюрой были отмечены переданные университетской библиотеке книги из собрания Павла Хулки-Ласковского. В эту же библиотеку поступили остатки собрания книг по геральдике, которое принадлежало Франтишеку Камоцкому. Этот коллекционер отмечал свои книги оригинальной наклейкой в виде печати. В городскую библиотеку перешло ценное собрание произведений Выспянского, обозначенное экслибрисом Станислава Яворского. Это собрание было плодом многолетнего кропотливого труда скромного чиновника. Экслибрис для него создал в 1942 г. Юзеф Том.

В послевоенной Лодзи все более очевидной становится необходимость возрождения библиофильского центра. И вот, 10 апреля 1958 г. под председательством Я. Августыняка состоялось организационное собрание. «Эта дата является символом, потому что в этот же день, ровно 31 год назад, в Городской библиотеке и под руководством того же Августыня-

ка состоялось организационное собрание «Лодзинского общества библиофилов». Вряд ли следует добавлять, что возникшая секция «Общества польских библиотекарей», созданная в послевоенную пору, не могла уже мечтать о роскошных книгах, таких, какие в свое время издавало «ЛЮБ», тем более, что в кругу библиофилов не было еще таких индивидуальностей вроде Смолика. По вполне понятным причинам, группа организаторов состояла, главным образом, из библиотекарей и книготорговцев. Было принято скромное наименование: «Клуб любителей книги».

Эта организация вскоре выработала свои формы работы и традиции. У «Клуба» не было собственного помещения, а вся документация умещалась в портфеле председателя. Однако гораздо более существенной была атмосфера клубных встреч. Каждое собрание имело свою, строго определенную тему, так или иначе связанную с книгой. Говорили о литературе, книжной торговле, библиотечном деле, производстве бумаги. Не менее важной была также неофициальная жизнь клуба. Библиофилы постоянно обменивались информацией о разыскиваемых экземплярах, оказывали взаимную помощь в деле собирания коллекций и т. д.

Не сразу удалось наладить издание собственных книг. Однако с самого начала каждому, даже самому незначительному изданию (например, пригласительному билету), выходившему под знаком «КЛК», придавался, по мере возможностей, библиофильский вид. Так, это мог быть машинописный текст на старой бумаге, с водяными знаками, или отпечатки, сделанные фотоспособом. Естественно, это не могло удовлетворить стремление лодзинских библиофилов к издательской деятельности, которые подумывали о более значительной собственной публикации.

И вот однажды руководство обратилось к членам клуба с призывом пожертвовать ценные издания для аукциона, выручка от которого должна была пойти в книгоиздательский фонд.

Устроители аукциона правильно рассчитали, что почти у каждого книголюбителя в библиотеке найдутся издания, которые он приобрел в минуту слабости, по случаю, привлеченный их ценностью, но которые для него лично не представляют непосредственного интереса. С такими книгами книголюбитель, как правило, легко расстается. И они не ошиблись: в книгоиздательский фонд было передано 70 ценных изданий. Все пожертвованные книги были включены в «Каталог первого библиофильского микроаукциона». Этот аукцион состоялся 20 декабря 1959 г. в помещении букинистического магазина «Слово».

Каталог и экспонаты были украшены двумя экслибрисами, сделанными по проекту Конрада Кучиньского.

Все книги разошлись. Впрочем, по весьма умеренным ценам: библиофильского ажиотажа тогда еще не было. Только редчайшее разовое литературное издание «Лодзинская жизнь» (24 стр.) с опубликованным в нем ранним стихотворением Тувима, было приобретено за 240 злотых. Зато за единственный, известный в Лодзи, экземпляр «Каталога выставки современной польской книги и графики», изданного «ЛОБ» в 1930 г., было заплачено только 36 злотых; упоминавшееся уже издание «Экслибрисы Людвика Тыровича» было приобретено за 15 злотых...

На собранные средства уже в 1960 г. удалось подготовить библиофильское издание под маркой «КЛК». Им стала книга под названием «Водные знаки бумажной фабрики Мазовеша. 1750-1850», написанная Ядвигой Синярской-Чаплицкой. «КЛК» выпустил также «Историю лодзинского общества библиофилов», авторами которой были Витольд Вечорек и Януш Дунин. Это была последняя книга В. Вечорека (1928—1961), члена «КЛК», видного историка библиотечного дела. Уже после его смерти друзья на основе материала незавершенной им докторской диссертации подготовили труд «История Лодзинской публичной библиотеки. 1917—1957».

Очень важным результатом деятельности «Клуба любителей книги» было то, что в лодзинском обществе вновь пробудился интерес к экслибрису. Надо отметить, что после смерти Тыровича состояние этого рода малой графики было плачевным. Не находились художники, которых бы привлекал этот вид творчества. Появлявшиеся время от времени лодзинские книжные знаки не могли рассчитывать на широкое признание. Если кто-либо желал заказать солидный экслибрис, то искал художников за пределами Лодзи. Так, для библиотеки Хелены Радлинской, неутомимой пропагандистки книги, посмертно был заказан экслибрис у В. Боровчика, ченстоховянина, а популярный лодзинский кукольник Хенрик Рыль второй свой экслибрис заказал у известного чешского графика Войтеха Чинибулека.

Итак, вовсе не было случайностью то, что уже на первом заседании только что созданного клуба, помимо обсуждения организационных вопросов, велись разговоры об экслибрисах. Клуб побудил крупнейшие библиотеки Лодзи к замене своих старых знаков, которые, как известно, не принадлежали к числу шедевров графического искусства. В результате «Университетская библиотека» уже с 1960 г. начала использовать экслибрис, созданный по проекту лодзинского художника Яну-

ша Тусиньского. Его абстрактная геометрическая композиция, напоминающая иллюстрацию из учебника, серьезная и довольно строгая, подошла и хорошо служила библиотеке.

Однако чтобы заказать солидно исполненные экслибрисы, по-прежнему надо было обращаться к художникам из других городов. Известный торуньский график Тадеуш Кшипка удачно выполнил знак для Городской библиотеки им. Л. Варыньского, который первоначально использовался в форме оттисков с оригинального клише, а затем как цинкография.

Библиофилы из «КЛК» стремились привлечь к этому творчеству лодзинских авторов. Именно тогда был «открыт» Теофил Юзвяк. Этот скромный учитель рисования уже был автором нескольких гравюр, технически очень хорошо выполненных. Первые экслибрисы Юзвяка вызвали большой интерес у книголюбов. В 1964 г. созданные им книжные знаки уже экспонировались на X Международном конгрессе экслибриса в Кракове.

Но творчество Т. Юзвяка в области экслибриса было недолгим. Слишком рано обнаружили его ограниченные возможности как художника. И хотя знаки были сделаны технически необычайно точно, прямо-таки виртуозно, трудно было бы говорить о собственном стиле Юзвяка. Он выполнял заказы старательно, по принципу «каждому то, что ему хочется». Отсюда — разнородность композиций и стилей, которая заставляет усомниться в том, что все эти знаки вышли из-под одной руки. «Экслибрисы у Юзвяка появляются все реже, и все чаще они выполняются наспех, и только время от времени какой-нибудь знак может свидетельствовать о неиспользованных до конца возможностях этого художника».

Юзвяк не долго был монополистом. Экслибрис становится популярным в среде лодзинских библиофилов. Графики экспонируют свои работы на выставках, коллекционеры организуют демонстрации своих коллекций. Экслибрисы исполняют: в офорте — Галкевич, в цинкографии — Тусиньский. Линогравюры создает Ханна Станьская. «Художница охотнее всего пользуется рисунком —,негативом», не скрывает своих приемов, наносит эскизные мазки; работа „пятном“, размашистый рисунок, создают впечатление незавершенности. Эти экслибрисы имели своих сторонников и противников. Отсутствие духа миниатюризации каждой детали, которую мы привыкли требовать от экслибриса, компенсировал тот факт, что они по своей природе были более практичны, чем гравюры на меди, лучше „сидели“ в современной книге».

При бурном развитии библиофильского движения в Лодзи, рамки «Клуба любителей книги» стали слишком тесными. И

вот, 11 февраля 1965 г. было создано «Лодзинское общество друзей книги». Это общество сознательно продолжает традиции своих предшественников. В апреле 1967 г. в 40 годовщину возникновения «Общества библиофилов» в «Клубе зарубежной печати и книги», была торжественно открыта выставка «Из лодзинских библиофильских традиций», на которой были представлены достижения «ЛОБ» Смолика, «Клуба любителей книги», а также только что появившегося на свет «ЛОДК». Экспонировались книги, юбилейные издания, экслибрисы. Традиция не прервалась.

В появлении новой организации расширился круг как создателей, так и коллекционеров книжных знаков. Была основана даже секция экслибриса. Рядом с именами Юзвяка, Тусиньского, Станьской появляются новые. Среди них, прежде всего, следует назвать Лешека Рузгу и Хенрика Плуценника. Благодаря им лодзинский экслибрис начинает завоевывать награды на общепольских конкурсах.

Л. Рузга «... принадлежит к тому течению, которое набрало силу в искусстве 60-х гг., явившись реакцией на идеи абстрактного искусства и изысков всяких мастей. Этот род творчества питается литературой, а точнее поэзией. Мы можем увидеть здесь воплощенные в рисунок метафоры, аллегории, семантические противопоставления и другие приемы, заимствованные из поэтики, и при всем языке этой поэзии — искусство». Автора привлекает драматическая форма средневековых моралитэ: контраст красоты и уродства, добра и зла. «Мир поэтической метафоры всегда жил в искусстве экслибриса. И нет ничего удивительного в том, что Рузга занял место среди известнейших современных создателей книжных знаков». Художник экспонирует свои работы на выставках, в том числе и на международных. На V биеннале в Мальборке в 1971 г. он был награжден почетной медалью как создатель экслибрисов.

Известный художник-самоучка Хенрик Плуценник в своих работах противопоставляет драматическим образам Рузги. Работы Плуценника прославляют солнце, любовь, природу, и даже условные, абстрактные формы полны стихийной жизни. Плуценник, порой, приближается к границам предметного искусства, но никогда не переходит этих границ. «Любимая техника Плуценника — офорт, линогравюра и «автоцинкография», которая, если даже и не является оригинальной идеей художника, то, во всяком случае, он первый применил ее к искусству экслибриса. Эта техника достаточно сложна. Рисунок вырезается на покрытой асфальтом цинковой пластине, а затем вытравляется так же, как при офорте».

Работы Плуценника высоко ценятся польскими и зарубежными коллекционерами. Он трижды выставлял свои работы на биеннале в Мальборке, где в 1969 г. был удостоен медали. В Лодзи проходила выставка экслибрисов, созданных Плуценником, для которой был издан библиофильский каталог, включивший все 110 работ художника за 1965—1970 гг.

В 1966 г. начал свою деятельность как художник-экслибрисист Ежи Станецкий. Он по-прежнему находится в тесном сотрудничестве с «ЛОДК» и уже является автором 80 экслибрисов. Для потребностей «ЛОДК» он создал также несколько гравюр. Особенно интересен офорт — стилизованный под 20-е годы портрет Владимира Маяковского, вошедший как иллюстрация в библиофильское издание «Поэт — рабочий». Эта книга была издана в 1971 г. «ЛОДК» совместно с «Лодзинским издательством».

В своей работе Станецкий использует, прежде всего, образ и цвет. Часто надпись и рисунок можно увидеть только при внимательном рассматривании экслибриса.

Рузга, Плуценник и Станецкий составляют авангард лодзинских экслибрисистов. Их не слишком интересует функциональная роль книжных знаков. Скажем, экслибрисы, выполненные Плуценником, отвечают всем практическим требованиям, предъявляемым к экслибрису: они вполне соответствуют книге в ее современной форме. Однако следует отметить тот факт, что надпись в его гравюрах (часто, трудно читаемая) не играет самостоятельной роли, а является дополнением к рисунку и имеет чисто информационное значение. Дело в том, что Плуценник создает экслибрисы из внутренней потребности, а не на заказ. Как правило, заказчик выбирает уже готовый экслибрис, который затем дополняется соответствующей надписью.

Еще дальше идет Станецкий. Часто он вообще отказывается от надписи, или создает нечитабельные прифтовые композиции, наконец, выполняет книжные знаки ни для кого не предназначенные. В такой форме экслибрисы являются скорее своеобразной визитной карточкой художественного вкуса владельца и предметом обмена.

По-другому подходят к проблеме некоторые менее известные авторы. Так, линогравюры Малгожаты Руновской-Кулиговской отличаются большой практичностью. «Ее очень по-женски исполненные линогравюры — венки, птички, игрушки — задуманы не как украшения для коллекций экслибрисов; они могут идеальным образом выполнять свою роль обозначения библиотеки. Одноцветные, сделанные в одной плоскости, они не выглядят чужеродными элементами в книге».

Популярность лодзинских художников-графиков возросла настолько, что им стали поступать заказы из других городов Польши и даже из-за рубежа. Например, в Лодзи был сделан экслибрис для библиотеки итальянца — доктора Джанни Мантеро, многолетнего председателя Международной федерации обществ любителей экслибриса (FISAE).

В 1967 г. в Лодзи появилась секция любителей экслибриса. Наибольших успехов секция добилась в деле организации экспозиций. В проведении первой выставки — «Современный экслибрис за границей» — секция оказало помощь «Общество друзей искусства». Тогда об этой выставке (впервые о выставках такого рода) появилось сообщение в местной прессе, ею заинтересовался телевизионный центр, с этого и началось...

В том же 1967 г. Лодзинский музей современного искусства собирал материал для полной выставки произведений Кароля Хиллера. Члены секции оказали помощь организаторам, предоставив экспонаты из собственных коллекций, а также собрав документы по экслибрисологии.

В книжном магазине «Пегас» постоянно подготавливаются экспозиции современных советских экслибрисов. Весь этот цикл выставок опирается на коллекцию советских экслибрисов, имеющуюся в Лодзи, которую сегодня можно смело назвать самой богатой в Польше. В этом же помещении проводилась выставка экслибрисов варшавского художника Збигнева Доловского.

Поскольку в Лодзи постоянно не хватало места для проведения выставок, возникла мысль об организации их за пределами города. Так, в ноябре 1971 г. была открыта выставка в Пётркове Трибунальском, в залах древнего замка, приспособленного под музей. Это была одна из самых интересных экспозиций «ЛОБК». Она насчитывала более 300 экслибрисов. Выставка, правда, была посвящена современному книжному знаку, однако она представляла также историю малой графики в Польше, виды графики, с точки зрения технического исполнения, оборудование, литературу, почетные медали, библиофильские издания.

Книжный знак с каждым годом становится все более популярным в Лодзи. В 1971 г. экслибрисом отмечало свои собрания уже 15 лодзинских библиофилов. А руководительница 4-й районной детской библиотеки г. Лодзи Данута Карговская-Губец провела любопытный эксперимент. Она пробудила интерес к книжному знаку у самых юных читателей — и вот малыши, взявши в руки резец, выполняют линогравюры, которые имеют, пожалуй, весьма своеобразную художественную ценность.

«Экслибрисом в Лодзи заразили не только художников и книголюбов, найдены пути к прессе, к издательствам, даже к кино». В результате таких контактов в октябре 1971 г. в гостеприимных стенах Лодзинского Дома культуры состоялась премьера, похоже, самого первого в мире фильма о книжном знаке — «Экслибрисы с разных полок» (режиссер — Веслав Дрымер, оператор — Зигмунт Адамский). «Этот красочный современный киноэтиюд не только пытается дать ответ на волнующий многих вопрос — чем, собственно, является этот экслибрис, но и с большим чувством юмора представляет средь его страстных приверженцев, их своеобразный коллекционерский жаргон».

Авторы завершают свою книгу следующим заявлением: «Наша работа, может быть, доказала, что интерес к такому, с виду незначительному, предмету может привести в мир истории, рассказать о забытых коллекциях, книгах, людях... может приобщить к искусству. Пример лодзинских энтузиастов, называемых библиофилами, показывает, что популяризировать искусство можно и без больших затрат. Достаточно, чтобы совсем немного людей захотело приняться за этот нелегкий, но благородный труд.

Лодзь

Пьер де Ронсар

* * *

Не лей, о книга, слез!.. Знать, не желает рок,
Чтоб благосклонные мне улыбнулись Лары.
Как только я умру и тщетны будут чары,
Тогда заслуженный получишь ты венок.

Пройдут столетия. Пленный ритмом строк,
Захочет кто-нибудь и к берегам Лауры,
Как на Пермес, прийти. Увидев край мой старый,
«Так здесь,—воскликнет он,—поэт родиться мог!»

О книга, ободрись! Заслуга человека,
Покуда он живет, не признана до века.
Зато по смерти он, как божество, почтен.

Всех современников точило вероломство,
Но перед доблестью усопших враг смущен,
И честь без зависти воздаст тебе потомство.

Перевод с французского М. Талова

Библиотеки
и библиофилов

4.

1823 год был важной вехой в истории русского свободомыслия. Появилась первая книжка «Полярной звезды», которая, по образному выражению Белинского, открыла «альманачный период, продолжавшийся с лишком десять лет»¹. Комплект всех трех выпусков «Полярной звезды» сам по себе большая редкость, но у Губара он еще и чудо оформительского искусства. Альманах на 1823 г. вышел без иллюстраций. Он был великоват для карманного издания, хотя и назывался «карманной книжкой для любительниц и любителей русской словесности». Меньшим форматом издали книжки на 1824 и 1825 гг. и украсили их иллюстрациями. У Губара для всех выпусков один футляр с экслибрисом внутри. Полностью имитируя корешки, он придает разноформатным томикам вид единой серии. Только знатоку сразу ясно, что это еще не прославленные альманахи декабристов, а хитроумное изобретение владельца. Сами альманахи — в роскошных переплетах, украшенных золотой рамкой и золотым тиснением. Инициалы «МР» на корешках соответствуют надписям на титулах двух выпусков «М. Роговцин». Он и заказал затейливый и дорогой переплет.

Росла популярность «Полярной звезды», росли и тиражи. Впервые в истории русской литературы вторая книжка альманаха, изданная тиражом 1500 экземпляров, была распродана за три месяца.

Авторы третьей книжки в первый раз в истории нашей журналистики получили гонорар, что способствовало профессионализации писательского труда. Наиболее революционной по содержанию была книжка на 1825 г. Рылеев в отрывке из

* Продолжаем публикацию статьи А. Сигриста. Начало см.: Альманах библиофила, 1979, вып. 6.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т.—М., 1954. т. IV, с. 120.

поэмы «Наливайко» недвусмысленно предсказывал близость восстания и благословлял свой жребий борца и мученика за дело свободы. Читатель должен был обратить внимание и на гравированный титульный лист последней книжки, вышедшей за полгода до восстания. К ярко сияющей звезде подбираются черные тучи, заволакивающие весь горизонт. Через 29 лет после казни пяти декабристов «Полярная звезда» возродилась в Лондоне с пушкинским эпиграфом «Да здравствует разум!» и с профилями пяти повешенных декабристов на обложке. Герцен писал в связи с этим: «Тучи проходят, звезды — остаются»². В собрании Губара декабристские звезды остались в первоизданной красоте, как будто только что вышли из типографии.

Полным заводом в 1200 экземпляров печаталась в 1824 г. «Мнемозина», полуальманах-полужурнал В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского. Издательский картонаж повторяет рисунок фронтисписа. Комплект Губара прекрасно сохранился. В последнем выпуске, вышедшем уже в 1825 г., рядом со стихотворением Пушкина «К морю» напечатана статья В. Кюхельбекера «Олимпийские игры», написанная им в 1822 г. Большое участие в «Мнемозине» принимал А. С. Грибоев. Он не только помог материально, но и выступил в первом томе с программным тираноборческим стихотворением «Давид».

Единственным альманахом декабристов, успевшим до восстания выйти дважды, была «Русская старина» на 1825 г. историка и члена Южного Общества А. О. Корниловича. К его статьям Пушкин обращался, работая над «Арапом Петра Великого». Губар приобрел первое издание «Русской старины».

Три первенца русских революционных альманахов открывают небольшой, но исключительно ценный раздел коллекции, посвященный истории печатного подцензурного и бесцензурного революционного русского слова. В этот раздел вошли альманахи и сборники, вышедшие как внутри страны, так и за пределами царской России.

В 1861 г. появился второй и последний «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне» с предисловием Герцена в издании Трюбнера. Здесь помещены были материалы А. П. Ермолова о Павле I и воспроизведен «Высочайше подтвержденный 19 декабря 1849 г. доклад генерал-аудиториата о титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском и других лицах», приговоривший шестерых, в том числе и Достоевского, к смертной казни. Герцен видел в

² Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т.—М., 1961, т. 25, с. 252.

этом докладе документ, обличающий «гораздо больше черной души и не меньше белой горячки в Николае»³, который за присутствием при чтении письма Белинского к Гоголю подписывал приговоры на ссылку. Герценовский «Исторический сборник» встречается редко⁴. Он пропущен в библиографии Н. П. Смирнова-Сокольского, но в хорошей сохранности сбережен Губаром.

Ноябрь 1877 г... В России процесс 193-х. А в Женеве в типографии газеты «Работник» печатается и затем быстро проникает на родину поэтическое обвинение царизму с примечаниями, где названы фамилии следователей и их «художества». Это — «Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих „суда“». Тираж — 1000 экземпляров. В книге 69 стихотворений 14 авторов, большинство — подсудимые по процессу 193-х, все подписи — псевдонимы. В предисловии Герман Лопатин с гордостью писал: «...русский революционер плохой классик, но римское изречение „Homo sum et nihil humanum a me alienum puto“⁵ он усвоил хорошо и произносит его сознательно»⁶. Тургенев, о «Нови» которого Лопатин отзывался здесь отрицательно,⁷ признавал: «...во всех этих стихотворениях столько правды, горькой жизненной правды»⁸. Здесь мы находим «Тюремные видения» Н. А. Морозова, его первое печатное стихотворение, которое он начал писать спичкой на стене камеры в Московской Тверской части, а закончил в петербургской тюрьме. Сборника нет в библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского, и описан им по библиографиям. Тем дороже для нас экземпляр Губара как документ истории революционной поэзии.

В 1878 г. после выстрела Веры Засулич резко усилился цензурный гнет. Тогда М. Е. Салтыков-Щедрин с болью писал А. М. Жемчужникову: «Правду сказала Хвоцинская: бывали

³ Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. 1861. Кн. вторая, с. VII; или: Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т.—М., 1958, т. 14, с. 350.

⁴ Во вступительной статье к факсимильному изданию этих сборников (М., 1971) указан тираж второго выпуска — 1067 экз. и подчеркнуто, что сами они теперь «хранятся как ценнейшие музейные экспонаты в считанном количестве экземпляров».

⁵ Я человек и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

⁶ Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих «суда». — Женева, 1877, с. XXVI.

⁷ Там же, с. XXV.

⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28-ти т. Письма.—М.—Л., 1966, т. 12, кн. 1, с. 245.

времена хуже, подлее — не бывало. Да, не бывало — клянусь, так! Что-то похожее на бешенство наступило»⁹. В эти дни на рассмотрение петербургской цензуры поступила крамольная «Вятская незабудка» на 1878 г. — третий альманах, подготовленный к печати ссыльным рыцарем книгоиздательского дела для народа Флорентием Федоровичем Павленковым. Номинальным издателем «Незабудки» числился поэт и журналист Н. С. Курочкин, брат редактора «Искры» поэта В. С. Курочкина.

Альманах бесстрашно разоблачал беззакония властей, начиная с губернатора, названного «дергуном» и «Колюшкой-дурачком», и кончая рядовыми чиновниками и деятелями губернского земства. По смелости и бескомпромиссности павленковская «Незабудка» — редкое явление в подцензурной печати. К ней прилагался даже именной указатель всех упоминаемых в тексте служебных воров и грабителей разных рангов. В статье «Реальное дерьмо» на одной из страниц с пометами министра внутренних дел А. Е. Тимашева утверждалось: «Махровый цветок хищничества только на одной почве и может расти — на почве „молчать и не рассуждать“»¹⁰. В предисловии высмеивалась лакейская философия А. С. Суворина и говорилось о необходимости появления других местных сборников, подобных «Вятской незабудке».

Следующий том был обещан в сентябре, но перепуганный Комитет министров поспешил уничтожить арестованную в феврале предыдущую «Незабудку». Летом на картонажной фабрике в Петербурге 2075 экземпляров альманаха были превращены в бумажную массу, но 25 избежали казни. В коллекции Губара девятый известный ныне уцелевший экземпляр. Это единственный музейный, остальные восемь в библиотеках Москвы, Ленинграда и Кирова. Губар оказался счастливым владельцем неразрезанного томика «Вятской незабудки» с сургучной гербовой печатью «инспектора типографии и т-л (типо-литографских — А.С.) заведений в СПб» на мягкой издательской бумаге. «Храбрая “Вятская незабудка” не забыта»¹¹, писал о ней и губаровском экземпляре в «Правде» В. И. Молчанов в статье, приуроченной к столетию замечательного произведения революционной публицистики.

Уникальный томик сохранился у Губара в «девственном виде», как любил в таких случаях отмечать в своем каталоге

⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20-ти т. — М., 1976, т. 19, кн. 1, с. 74.

¹⁰ Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1878 год (Неофид. изд.). — СПб., 1878, с. 369.

¹¹ Молчанов В. И. Не забыта «Незабудка». — Правда, 1978, 17 марта, с. 6.

пунктуальный коллекционер. Немного только пострадала обложка. А старый прогноз знатока вятских изданий Е. Д. Петряева оказался неоправданно пессимистичным. В 60-е гг. он писал, что «редкие и уже ветхие томики» уничтоженной «Незабудки» вне больших библиотек могут обнаружиться «лишь по великой случайности... в каком-нибудь старцевском амбаре»¹². Но судьба экземпляра из амбара свердловского книгопродавца Д. И. Старцева до сих пор неизвестна, а свою «Незабудку» свято сберегли вятичи Машковцевы, сберег и Губар. Не исключено, что и в других частных коллекциях и библиотеках еще обнаружатся томики дорогой нам казенной, но выжившей павленковской «Незабудки».

В 1879 г. в Лейпциге вышло пятое издание «Лютни», история которой до сих пор полностью не ясна. Здесь перепечатывались многие стихотворения из «Полярной звезды», «Колокола», «Русской потаенной литературы» и других изданий Герцена и Огарева. Тут «Кинжал» и «Послание к Чаадаеву», «Ура, в Россию скачет...» и «В Сибирь» Пушкина, ответ на послание Пушкина «В Сибирь» А. И. Одоевского и «На смерть поэта» Лермонтова. Не обошлось и без грубых ошибок. «Не слышно шуму городского» Федора Глинки приписано Рылееву, А. А. Бестужеву — опубликованное в третьем выпуске «Полярной звезды», без подписи автора, «4 августа» («Как четвертого числа нас нелегкая несл») Л. Н. Толстого. Эти стихи, которые дважды цитировал Ленин, серьезно подпортили автору послужной список офицера русской армии. Издатель Эразм Каспрович не затруднял себя проверкой текстов по первым публикациям. Все же «Лютня», выходящая с 1869 по 1897 г. сыграла свою роль в истории вольной поэзии, и пятое ее издание в коллекции Губара дополняет и его пушкиниану и сборники революционной поэзии.

Широко известно, что в 1848 г. в наступивший «век книгоненавидения», как смело было сказано в «Современнике»¹³, запретили и не вышел в свет отпечатанный «Иллюстрированный альманах, изданный И. Панаевым и Н. Некрасовым». Он был объявлен как бесплатное приложение к «Совре-

¹² Петряев Е. Д. Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли. — Киров, 1966, с. 24.

¹³ Фраза «Нынче решительно век книгоненавидения» была специально вставлена редакцией в одну рецензию, опубликованную в № 10 «Современника» за 1849 г., чтобы объяснить читателям исчезновение обещанного альманаха и ухудшение содержания журнала, в котором в 1848 г. не было пропущено 6 повестей и большой роман Э. Сю. Эти слова чуть не повлекли запрещения журнала и ареста Некрасова и Панаева. — См.: Евгенийев-Максимов В. Е. Некрасов-журналист. — Лит. наследство, т. 49—50 (Н. А. Некрасов) М., 1946, с. 104.

меннику» на 1848 г. и украшен остроумными восемью карикатурами Н. А. Степанова, иллюстрациями А. А. Агина, П. А. Федотова и других художников. Особый гнев цензоров вызвали две карикатуры. Это — «Типографские превращения», изображавшие Белинского, не узнающего свою статью после цензорских купюр, и «Некрасов и Панаев». Они вырывались из альманаха по особому указанию еще до запрещения всего сборника, но уцелели в редакторском экземпляре И. И. Панаева с его автографом. Этот экземпляр со всеми 20 листами иллюстраций вне текста хранится в библиотеке И. Н. Розанова. У Губара два экземпляра «Иллюстрированного альманаха». Один — со всеми восемью карикатурами в начале книги, со срезанными надписями «Типографские превращения» и «Генеральная репетиция». Второй, уже изувеченный — с выдранными листами «Типографские превращения» и «Некрасов и Панаев». Для реконструкции судьбы всех уцелевших экземпляров этого альманаха оба губаровских экземпляра, и особенно первый, очень ценны.

Конечно, в коллекции есть и «Литературный сборник с иллюстрациями», который подписчики «Современника» получили в следующем году взамен «Иллюстрированного альманаха». В него вошло немногое из запрещенного альманаха, карикатуры Степанова, естественно, не попали, но зато был напечатан «Сон Обломова» — первый фрагмент из написанного позднее знаменитого романа.

Среди книг XIX в. есть очень редкий экземпляр (№ 13) из нумерованного тиража (100 экземпляров) суворинского издания 1888 г. «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Тираж первого издания «Путешествия» — около 650 экземпляров, но книга была сожжена, и до наших дней дошло всего около 15 экземпляров. Самый ценный, с автографом Пушкина, побывал в Тайной канцелярии и хранится в Пушкинском Доме. Ни Смирнов-Сокольский, ни Губар не смогли достать эту многострадальную книгу в первом издании, но оба стали владельцами первого легального издания, разрешенного Суворину по баснословной цене от 25 до 45 рублей в зависимости от формата и сорта бумаги (слоновая и японская). При печатании исказили инициалы Радищева и пришлось делать второй титульный лист. У Губара книга в роскошном, работы Мейера, переплете темнокрасной кожи с затейливой рамкой, золотым тиснением и с муаровой подкладкой. На форзаце вытеснены фамилии владельца В. И. Ключкова и переплетчика. Несмотря на баснословную по тем временам цену, тираж был раскуплен в два дня, и только многолетние связи с В. И. Ключковым сделали Губара обладателем суво-

ринской копии «Путешествия» на слоновой бумаге, продававшейся за 45 рублей.

1599 из 2000 — таковы цифры еще одного тайного сожжения книг, устроенного в недрах Главного управления цензуры в 1853 г. Речь идет об уничтожении конфискованной части тиража второго выпуска «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Издатель — Н. С. Кириллов, редактор — М. В. Бутаевич-Петрашевский. Словарь — остроумная и очень смелая в условиях николаевской реакции форма пропаганды идей утопического социализма. Он вынужденно обрывался на букве О, так как через полтора месяца после выхода второй части изымался из типографии, у издателя и книгопродавцев. Обе части встречаются очень редко, но к Губарю они попали из синягинского собрания в кожаном владельческом переплете.

Издатель первого полного собрания стихотворений А. И. Одоевского, декабрист Андрей Евгеньевич Розен был автором «Записок декабриста». Впервые они изданы на немецком языке в его сокращенном переводе в Лейпциге в 1869 г. На следующий год издатель А. С. Гиероглифов без ведома и согласия автора сделал обратный перевод с немецкого, и книга печаталась в Петербурге тиражом в 1800 экземпляров без предварительной цензуры. По личному распоряжению Александра II на книгу был наложен арест в типографии, и последний лист Донесения следственной комиссии по делу декабристов, помещенный как приложение, успели отпечатать лишь в десяти экземплярах.

Книга Губара из синягинской библиотеки. Она не разрезана, владельческий темно-зеленый марокен — с золотым тиснением и золотым орнаментом, нет последнего листа. Текст обрывается посередине фразы. Это запрещенное в России издание сохранилось в крайне незначительном количестве. Оно есть только в двух библиотеках страны: в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Нет его ни у Н. П. Смирнова-Сокольского, ни у С. Н. Голубова, у которого есть два других издания «Записок» на русском языке.

В 1875 г. Розен предложил Некрасову опубликовать «Записки» с дополнениями того, «что в течение последних 5 лет было доставлено от товарищей, от вдов их и родных»¹⁴. В 1876 г. в «Отечественных записках» были опубликованы две

¹⁴ Письмо А. Е. Розена к Н. А. Некрасову 28 мая 1875 г. Архив села Карабихи; Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. — М., 1916, с. 165.

части «Записок барона Андрея Евгеньевича Розена». В 1907 г. они полностью были изданы П. Е. Щеголевым. Попытка Гиероглифова издать «Записки» и утолить голод на правдивую информацию о декабристах не увенчалась успехом, равно как и попытка самого автора в 1883 опубликовать в собрании сочинений А. И. Одоевского послание Пушкина декабристам «Во глубине сибирских руд...» и ответ Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...»

Спустя более полувека после восстания правда о декабристах, правда об отношении к ним Пушкина была невозможна в подцензурной печати и оставалась достоянием заграничных вольных изданий. Сбереечь их было необходимо для истории русской литературы и русского освободительного движения, что в меру своих сил и делал Губар.

5.

Автографы писателей на книгах всегда ценились истинными книжниками. Но автограф автографу рознь. Иногда это отписка или шутка, а бывает, что и существенный факт биографии или даже какая-то новая грань творчества, особенно, если автограф — целое стихотворение. На книгах Губара есть и то, и другое. Вот «Опыты в антологическом роде, или Собрание кратких басен и сказок, нравственных мыслей, надписей, мадригалов, эпиграмм, эпитафий и других мелких стихотворений Алексея Илличевского». «Друг Олёсенька» лицеиста Пушкина, посредственный поэт Алексей Демьянович Илличевский — автор одной книги. На форзаце его рукой: «Почтеннейшему сослуживцу Степану Ивановичу Савич-Канивецкому в знак уважения и привязанности от сочинителя». Книга с экслибрисом Савич-Канивецкого. Факт любопытный, но не столь значительный.

Летучее издание 1831 г. — брошюра В. А. Жуковского «Русская слава». Вещь редкая. Но у Губара — вдвойне. Его восьмистраничная «Русская слава» — часть владельческого конволюта. Другая — В. А. Жуковский «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года». Тоже брошюра в 16 страниц, и ее нет ни у Смирнова-Сокольского, ни у Розанова. На немых издательских обложках «Славы» и «Воспоминания» автографы Жуковского, адресованные близкому ему во второй половине жизни Александру Михайловичу Тургеневу, которому Жуковский много помогал. Автографы подтверждают необычные и теплые обращения в письмах: «мой милый Александринус»¹⁵.

¹⁵ Цит. по ст.: Сумцов Н. Ф. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. — В кн.: Харьковский университетский сборник в память В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Харьков, 1903, с. 96.

На «Славе»: «Любимому свату Александру Михайловичу Турганеву от Жуковского». На «Воспоминании»: «Любимому другу Александру Михайловичу Турганеву от Жуковского». Надписи короткие, но важны, они делают более объемными наши представления о круге друзей Жуковского, о степени близости к нему еще одного его современника.

Особый интерес представляет автограф Алексея Константиновича Толстого на авторском конволюте 1870 г.—его трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Второе издание «Бориса» сплетено вместе с двумя другими трагедиями. На форзаце надпись «Ивану Александровичу Гончарову. В знак самого искреннего сочувствия и признательности за его дружбу». Затем — три четверостишия. Прежде чем привести это стихотворение, уже вошедшее со ссылкой на этот конволют в собрание сочинений А. К. Толстого¹⁶, вспомним, почему Толстой подавал руку и сочувствовал Гончарову именно в это время. Дело в том, что в 1869 г. «поправевший» писатель и цензор Гончаров опубликовал в «Вестнике Европы» роман «Обрыв», вызвавший огромный интерес читателей и острую полемику в прессе. В 6-м номере «Отечественных записок» с анонимной, резкой, но справедливой статьей «Уличная философия (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв»)» выступил Салтыков-Щедрин. Защищая демократическую молодежь от антиингилистической критики, великий сатирик показал, что большому художнику Гончарову изменил такт, и образом Волохова он сознательно бросил камень в революционных демократов «за то только, что они ИЩУТ» (выделено Щедриным — А. С.), совершив тем самым «неловкий и несвоевременный подвиг»¹⁷. Гончаров не пожелал прислушаться к голосу Щедрина и стал уверять в письмах, что Щедрин ничего не понимает в искусстве. Другие рецензенты из демократического лагеря еще резче критиковали «Обрыв». И вот в такой ситуации А. К. Толстой пишет на своей книге Гончарову полемические стихи:

Не прислушивайся к шуму
Толков, сплетен и хлопот,
Думай собственную думу
И иди себе вперед!

¹⁶ См.: Толстой А. К. Собр. соч. В 4-х т.—М., 1963, т. 1, с. 198, 747; Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений.—Л., 1937, с. 186, 735.

¹⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20-ти т.—М., 1970, т. 9, с. 95.

Владеу Александровичу
Губарову
В душе твоей неземное — светлое,
и безраздельное — за твою судьбу.
До других тебе нет дела,
Ветер, туман и лебедушка,
В душе — содрогание души
И ага — сама судьба!
До других тебе нет дела,
Ветер, туман и лебедушка.
Что в душе твоей созрело —
«До других тебе нет дела»!
Тучи черные нависли —
Пусть их виснут — черта с два!
Для своей живи лишь мысли,
Остальное трын-трава!
С. Смирнов

Автограф А. К. Толстого
на форзаце авторского конволюта его трилогии

До других тебе нет дела.
Ветер пусть их носит лай!
Что в душе твоей созрело —
В ясный образ облакай!

Тучи черные нависли —
Пусть их виснут — черта с два!
Для своей живи лишь мысли,
Остальное трын-трава!

Конволют Губара позволил не просто добавить еще одно стихотворение в собрание сочинений А. К. Толстого, но очень важное, во многом эстетически программное. Владелец подобной книги, естественно, не мог жить по принципу «до других тебе нет дела». Стихотворение это впервые было опубликовано в 1937 г.

Велика научная ценность двух губаровских экземпляров первого русского издания «Горя от ума» 1833 г. Многие читатели не мирились с произволом цензуры, оставившей в тексте одно горе после хирургических ампутаций многих монологов и отдельных фраз. Подлинный текст в той или иной степени был известен по тысячам списков, ходивших по Руси.

Один из экземпляров имеет штамп библиотеки Екатеринбургского пехотного полка. У него владельческий переплет

«Во», сохранилась издательская обложка. На 13-ти страницах — маргиналии, исправляющие текст от цензурных искажений. Так, во 2-м явлении II-го действия на странице 46 напечатано:

Фамусов. Вот что он вздумал проповедать,
Он ничего не признает.

Чернилами восстановлен грибоедовский текст:

Он вольность хочет проповедать,
Да он властей не признает.

Второй экземпляр — особый. В каждой книге 167 страниц печатного текста, но вторая в два раза толще. Ее владелец заново переплел свой экземпляр, и в нем лист печатного текста чередуется с листом чистой бумаги. На них вписаны изъятые цензурой монологи и реплики, немало исправлено и в самом тексте. Этот экземпляр предоставляет исследователю возможность сличить все исправления с подлинным текстом и установить разночтения. Он обогащает наше представление и о комедии, и о русском читателе пушкинского времени.

6.

Миниатюрные издания — не просто изящные образцы высокой книжной культуры и предмет библиофильской охоты. Они говорят об уровне полиграфии, искусства книги, расширяют возможности книголюбов иметь хорошую, но не громоздкую библиотеку классиков прошлого и современности.

Губар всю жизнь собирал такие книги. В послеблокадном Ленинграде он приобрел подготовленную отделением Воениздата при Ленинградском фронте «Россию» А. А. Прокофьева (размер 55×75 мм). Самая маленькая среди его миникниг — это «Городок в табакерке» В. Ф. Одоевского, изданный в Петербурге в 1895 г. в серии микроскопической библиотеки (размер 26×40 мм) с портретом автора на фронтиспise. Есть у него и «Демон» М. Ю. Лермонтова, напечатанный в Киеве известной фирмой Ф. А. Иогансона в 1891 г. (размер 55×75 мм), во владельческом ледеринном переплете.

Альманах «Букет цветов» 1839 г. (60×88 мм) рекомендует-ся на титуле как «золотой подарок для юных читателей». В нем 25 листов иллюстраций, причем каждая в трех экземплярах на бумаге разных цветов и поясняет одну из 25 тем. В главе о Москве привлекает внимание живописная панорама окрестностей города, открывающаяся с Воробьевых гор: «... внизу под крутым берегом, сквозь листья кустарников вид-

ны чистые воды Москвы-реки, которая, извиваясь поперек города, объемлет полукружием... луг»¹⁸. Статьи о Карамзине и Крылове с портретами. О последнем с гордостью сказано, что он «сделался сам образцом для иностранцев, которые с жадностью переводят его басни, чтоб познакомить соотчичей с игрой ума Русского»¹⁹. В том же году и в той же типографии Сахарова вышел в свет «Розовый букет, составленный из лучших цветков русской поэзии» (размер 60×85 мм) тоже с 25-ю листами иллюстраций. Он был приобретен Губаром из синягинской библиотеки в отличной сохранности с изящной обложкой и золотым обрезом.

Миниаритеты Губара вносят небольшие поправки в наши знания о репертуаре и количестве русских дореволюционных миниизданий. В библиографическом указателе П. Д. Почтовика и С. И. Захаровой учтены 234 издания. Оказывается, их было больше.

Первая поправка относится к 1816 г. Тогда в известной типографии Семена Иоанникеевича Селивановского был напечатан «Дамский альбон, или Увеселительная гадательная книжка для увеселения и забавы» (55×65 мм). В нем 30 нумерованных страниц. «Альбон» Губара в переплете темной кожи с золотым обрезом и с чистыми листами в конце, на которых рукописные записи «для памяти».

В 1839 г. книгопродавец Василий Петрович Поляков выпустил шестое издание «Басен и сказок» Александра Измайлова. Экземпляр Губара во владельческом переплете и по размеру (69×100 мм) оказывается миниатюрным. Когда в 1854 г. окончился срок литературной собственности на произведения А. С. Грибоедова, то сразу вышло семь изданий комедии. Одно из них, отпечатанное в типографии Якова Третьяка с портретом Грибоедова на фронтиспise было миниатюрным (размер 70×99 мм). Один экземпляр был приобретен Синягиным у антиквара В. И. Ключкова и затем попал к Губару.

Две последние книги прошли «искус» владельческого переплетения. И их миниатюрность требует дополнительных доказательств, тем более, что одно издание из коллекции наглядно подтверждает такие опасения. У Губара два экземпляра 7-го издания басен и сказок А. Е. Измайлова 1862 г. Один во владельческом переплете миниатюрен (68×100 мм), другой в издательской литографированной обложке оказывается малоформатным (70×110 мм). Смирнов-Сокольский глухо

¹⁸ Букет, составленный из прозаических сочинений лучших русских писателей.— Спб., 1839, с. 63—64.

¹⁹ Там же, с. 96.

называет это издание «оформленным по типу глазуновских и смирдинских миниатюрных изданий»²⁰.

Миниатюрное издание столь специфично, что азарт собирателя не дал Губару сил расстаться ни с одним из трех экземпляров «Горя от ума», отпечатанного в столичной Военной типографии в 1839 г. (67×100 мм). Для нас более интересны дублеты минииздания «Басен» И. А. Крылова 1848 г. (62×88 мм). Один без маргиналий, но с экслибрисом П. А. Ефремова. Другой с экслибрисом ветеринара А. Измайлова и с любопытными приписками-комментариями к басням. Интересна, например, приписка к «Обозу» (с. 97): «Медлительность Баркляя де Толля и Кутузова в 1812». Обычно здесь видят противопоставление тактики Кутузова и поспешности, которой требовал от него император, оскандалившийся, следуя ей под Аустерлицем²¹. Миниатюрные книги и маргиналии — вещи, казалось бы несовместные в библиофильской практике. Слишком редки эти издания, чтобы позволить себе на них какое бы то ни было сотворчество. Но жизнь реальной книги, как видим, опровергает умозрительную схему.

Библиографический труд Н. П. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв.» создавался, как известно, не только на основе его собрания, но и учитывались издания в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Губаровские альманахи и сборники кое в чем дополняют и этот фундаментальный труд.

В 1844 г. Белинский неоднократно высмеивал выходившую «пятками» «книжку для доброго народа русского» под названием «Воскресные посиделки». В 1844 г. вышло 6 пятков, у Губара конволют с четырьмя пятками. Тут и слащавая «Быль про русского мужичка Ивана Сусанина», и рассуждения «про хорошие книжки Ивана Бывалина», и вирши «Картошка, харч благословенный». «Самая нелепая, дикая, бездарная и вместе с тем самая назойливая»²² из книг для народа — так справедливо писал о ней Белинский. Но Белинский прекрасно понимал, что среди Петрушек в барских передних «Посиделки», издаваемые В. П. Бурнашевым, могут пользоваться успехом. Белинский уличил издателя в беззастенчивой, без ссылок, перепечатке статей из «Деревенского зеркала» 1798 и 1799 гг.

²⁰ Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека. Библиографическое описание. В 2-х т.—М., 1969, т. 1, № 736, с. 307.

²¹ См.: Крылов И. А. Басни.—М.—Л., 1956, с. 366.

²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 247.

и ряда басен из книг Хемницера и даже Крылова²³. Так что Бурнашев, не стесняясь, подражал Хлестакову, «автору» «Юрия Милославского». Этот скандално известный сборник несомненно «имеет право» на подобающее ему место в истории коммерческой альманашной литературы XIX в.

Заслуживают упоминания орловский сборник 1824 г. «Зеркало любопытства» с указателем статей и большеформатная «памятная книжка на каждый день» под названием «Дума за думой», изданная в 1885 г. Вольфом в Петербурге. Здесь подобраны стихи на каждый день.

Самое же интересное таит в себе большой художественный альбом в коленкоровом переплете «Голодному на хлеб». Он издан в Петербурге редакцией газеты «Русская жизнь» в пользу голодающих в 1892 г. На 40 страницах здесь факсимильно воспроизведены автографы писателей, художников, артистов и общественных деятелей. Высказывания Гоголя и Льва Толстого, рисунки Айвазовского и Верещагина, ноты Чайковского и Сарасате. Среди них — анкета И. С. Тургенева, которая не вошла в его Полное академическое собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Ее текст, опубликованный в альбоме, не был известен позднейшим исследователям. Публикация ее в «Красной панораме» (1928, № 30) и перепечатка в «Литературной России» (1975, № 37) неполны и неточны. В «Красной панораме» глухо сказано, что анкета хранилась у внуков Полины Виардо, и петербургские друзья просили «у него (т. е. у Тургенева — А. С.) разрешения напечатать эту анкету в одном из сборников в пользу голодающих». На самом деле она была факсимильно воспроизведена через девять лет после смерти автора. Ответы, за небольшим исключением, на французском языке. Анкета является вариантом (на один вопрос больше) широко распространенной на Западе анкеты, на которую в 1865 г. отвечал К. Маркс, — его ответы известны под названием «Исповедь»²⁴. Тургенев отвечал на анкету дважды — в 1869 и в 1880 гг., и ответы во многом отличаются друг от друга. Ответы 1880 г. носят подчас шутливый характер. Так, на вопрос о любимой героине в 1869 г. он отвечает: «Джульетта», а в 1880 явно в шутку по-русски пишет: «г-жа Коробочка»²⁵. Или ответ на вопрос: «Кого вы больше всего презираете из исторических личностей?» В первом случае он называет Наполеона и Торквемаду, а во

²³ Там же, с. 362—366.

²⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. В 2-х т. — М., 1957, т. 2, с. 577.

²⁵ Голодному на хлеб. — Спб., 1892, с. 31.

втором уходит от ответа по существу: «Тех, кто мешает мне спать». На вопрос: «Ваше любимое занятие?» Тургенев ограничился в 1869 г. одним словом: «охота», а в 1880: «нюхать табак». В публикациях в «Красной панораме» и «Литературной России» пропущены ответы на 10-й вопрос и ответ 1869 г. на вопрос: «Ваш любимый девиз» — «Пусть идет, как идет». Вполне серьезны оба ответа на первый вопрос анкеты: «Ваша любимая добродетель». В 1869 г. великий реалист пишет: «искренность», а в 1880 г. указывает на недостижимую уже для него пору жизни — «молодость».

* * *

Вторая жизнь коллекции Губара в стенах Государственного музея А. С. Пушкина только начинается. Приходит вторая молодость к книгам библиофила: в доме поэта они — предмет серьезного изучения. Глубоко символично, что дому, где супруги Губар прожили более полувека, где бывал Пушкин в кондитерской Вольфа и Беранже и откуда он вместе с секундантом поехал к месту роковой дуэли, возвращен облик пушкинской эпохи. А книги этой эпохи, собранные Губаром, теперь там, где Пушкин и его издания — всегда наши современники.

Москва

ОБ ОДНОЙ БИБЛИОТЕКЕ В ДОМЕ НА ВОЛХОНКЕ

«Недалеко от Каменного моста, на дороге к Пречистенке, находится Колымажный двор,—сообщал читателям в 1872 г. „Новый путеводитель по Москве, ее окрестностям и указатель ее достопримечательностей“,—... в настоящее время там устроен пересыльный тюремный замок... на месте бывшего Алексеевского девичьего монастыря сооружается громадный и грандиозный храм во имя Христа Спасителя... почти напротив его дом кн. Голицына... В этом доме теперь находится музей, посещаемый публикою».

Давно уж нет Колымажного двора и пересыльной тюрьмы: на занимаемой когда-то ими площади более шестидесяти лет стоит здание, где разместился Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, а на месте бывшего храма открыт плавательный бассейн... Дом же известного московского вельможи князя С. М. Голицына, подъезд к которому как раз был со стороны Колымажного двора, сохранился. Мало кто знает, что за музей находился в этом доме (теперь Волхонка, № 14), какая была при нем библиотека и какие книжные сокровища в ней хранились.

Владелец этого дома умер бездетным в 1859 г., оставив свое состояние в наследство любимому племяннику— М. А. Голицыну, который пережил дядю всего лишь на один год.

Родившись в Москве в 1804 г., почти всю жизнь Михаил Александрович прожил за границей и последние годы был послом России в Испании. Умер он после тяжелой болезни в 1860 г. в Монпелье. С юных лет М. А. Голицын увлекался искусством, но особую любовь питал к книгам. Во время коротких приездов в Россию он непременно посещал библиофильские круги Москвы и Петербурга, был знаком с библиофилом и владельцем прекрасной библиотеки С. Соболевским, с «архивным юношей», автором дневниковых записок об

А. С. Пушкине В. А. Мухановым, с братьями Карамзинными, с поэтом Ф. Тютчевым.

«У князя были благородные вкусы,—вспоминает о нем В. А. Муханов,—он любил картины, статуи, старинную мебель, но особенною страстью была у него любовь к книгам. Когда библиоман наш приобретал какую-нибудь маленькую книжку, с виду незначительную, но в его глазах ценную, он становился вполне счастлив и даже плакал от радости. Книжку эту (последнее приобретение) клал он себе в карман, от времени до времени вынимал оттуда, рассматривал с какою-то нежностью и вскоре прятал от всех, кто не в состоянии был оценить это сокровище»¹.

М. А. Голицын мечтал открыть в Москве в доме на Волхонке музей и сделать его общедоступным. Но он не успел.

Через пять лет после его смерти—26 января 1865 г., выполняя волю отца, Сергей Голицын в торжественной обстановке открыл музей. В память основателя он был назван Голицынским.

В пяти великолепных светлых залах второго этажа разместились его богатейшие коллекции; специальное помещение было отведено библиотеке. Еще за год до открытия музея, Григорий Геннади в «Указателе библиотек в России» (Спб., 1864, с. 18) отметил, что библиотека покойного князя Голицына замечательна «инкунабулами и роскошными и редкими изданиями».

В № 4 за 1865 г. «Современной летописи», воскресном приложении к «Московским ведомостям», в статье «Голицынский музей в Москве» она была охарактеризована так: «Библиотека князя Голицына вполне заслуживает название классической. В ней имеется превосходное собрание сочинений по богословию, юриспруденции, положительным наукам и изящным искусствам, истории, географии и преимущественно же сочинения классической литературы Греции, Рима и Франции, а также лучших классиков Англии и Италии в отличных и редких изданиях... Но что делает эту библиотеку одним из украшений Москвы,—это драгоценное собрание типографических редкостей».

Под статьей стояла подпись: К. Гюнсбург.

Карл Магнус Маркович Гюнсбург (или Гюнцбург) со времени открытия и до конца существования музея был хранителем сокровищ. Роль, которую он сыграл в истории музея и библиотеки, стóит того, чтобы остановить внимание

¹ Из дневниковых записок В. А. Муханова. 1860—Русский архив, 1896, № 12, с. 566.

читателей на его личности. Скажем сразу, что его профессия не имела никакого отношения ни к музейному, ни к библиотечному делу. Родился он в 1816 г. в Кротингене, окончил в 1841 г. Виленскую медико-хирургическую академию со степенью лекаря второго отделения. Служил у князя Радзивилла, затем у Кочубея, занимался практикой в Арзамасе, а с 1855 г. поступил младшим врачом в Московский воспитательный дом, где дослужился до чина коллежского советника. Он был приглашен в качестве домашнего врача к М. А. Голицыну, а после его смерти оставлен для систематизации художественной коллекции и библиотеки, из которых и возник Голицынский музей.

Петр Иванович Шукин, известный собиратель предметов русской старины, основатель и владелец музея, подаренного им в 1905 г. Москве, вспоминал, что Гюнцбург «был человек очень начитанный, философски образованный, знавший немецкий, русский, латинский, древнегреческий, французский и английский языки»². В 70-х годах он преподавал еще и педагогику в Московском Елизаветинском училище и написал «Нравственную педагогику, или Общепонятное изложение основных начал нравственного воспитания» (М., 1876); остались после него и рукописи, среди которых была уже подготовленная к печати «Иммануил Кант и Огюст Конт»³.

Гюнцбург ежегодно, вплоть до 1869 г., издавал каталоги музея с подробными комментариями и сведениями о новых поступлениях. В 1866 г. вышел в свет составленный им на французском языке, на основании записок и помет, оставшихся после М. А. Голицына, каталог библиотеки под таким названием: *Catalogue des livres de la bibliothèque du Prince Michel Galitzin, ci-devant Ministre Plenipotentiaire près de la Cour de Madrid, rédigé d'après ses notes autographes par Ch. Gunzbourg. Moscou, à l'imprimerie de l'institut Lazareff des langues orientales, 1866*. Он был выпущен тиражом 234 экз. двумя форматами и разослан в виде дара в крупнейшие библиотеки Франции, Англии, Германии, Италии⁴, как публичные, так и частные.

В этом же году «Бюллетень библиофила» во Франции (с. 624) и в следующем «Библиофил Бельгии» (1867, с. 112)

² Шукин П. И. Из воспоминаний.—Русский архив, 1912, № 2, с. 83.

³ Дмитровский И. К. М. Гюнцбург. (Биографический и библиографический эскиз).—Н.-Новгород, 1890.

⁴ Бокачев Н. Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бокачева.—Спб., 1890, с. 119; Смирнов Н. П. Библиографические материалы. Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова.—Спб., 1898, с. 519.

поместили критический разбор каталога, а в 1879 г., по свидетельству В. С. Иконникова, Поль Лакруа издал в Париже «Каталог библиотеки кн. Голицына»⁵. Было ли это самостоятельное издание или перепечатка (полная или частичная) каталога, составленного Гюнцбургом, неизвестно. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранятся три экземпляра этого каталога, причем два — в Музее книги Отдела редких книг.

На одном из них, в коричневом кожаном переплете, с светло-бежевым муаром на форзаце, с гербом Голицыных, напечатанном разными красками и золотом, наклеен экслибрис: «*Ex bibliotheca Sobolewskiana*», а на титульном листе, в правом нижнем углу — круглая резиновая печатка: «Библиотека П. П. Шибанова» с рисунком сапога, пронзенного стрелой. Книжный знак С. Соболевского здесь совсем не случаен. В конце обширного предисловия, написанного К. Гюнцбургом также по-французски, выражена глубокая благодарность «нашему ученому библиофилу»⁶ Сергею Соболевскому, советы которого очень помогли автору при составлении этого каталога. Каталог был подарен Соболевскому, и последний закрепил его за собой владельческим знаком. Упомянутая резиновая печатка — лишнее свидетельство о «путешествии» этой книги: от музея до известного библиофила и книжного торговца Павла Петровича Шибанова. В Библиотеку им. В. И. Ленина этот экземпляр поступил не из Румянцевского музея, а куплен 18 ноября 1944 г. у частного лица за 400 руб.

Два других экземпляра каталога, находящиеся в Отделе редких книг, переплетены по-разному. Один — в коричнево-фиолетовом кожаном переплете, тисненном золотым гербом, с светло-бежевым муаром на форзаце, имеет на чистом листе, сверху, размашистую надпись чернилами:

«Николаю Васильевичу Исакову⁷ в память посещения Голицынского Музея 13 сентября 1871 года» с подписью С. Голицына.

⁵ Иконников В. С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892, т. 1, кн. II, с. ССІХХХ.

⁶ Catalogue des livres de la bibliothèque du Prince Michel Galitzin. М., 1866, с. IV.

⁷ Н. В. Исаков — генерал-адъютант, член Государственного Совета. Окончив военную службу после Крымской войны, работал в Министерстве внутренних дел и был попечителем Московского учебного округа. Он организовал перевод в Москву Румянцевского музея и размещение в нем коллекций и библиотеки. Понятен его интерес к Голицынскому музею, открытому через три года после Румянцевского. Видимо, и для С. Голицына Исаков был дорогим и высоким гостем: в честь посещения им музея Сергей Михайлович преподнес ему каталог.

Второй—более скромный, в составном переплете стоял когда-то на полке графини Бобринской, о чем свидетельствует экслибрис в левом верхнем углу оборота форзаца: «Bibl. Bobrinskoï. Division № IX, № du volume 8470, Armoire 3».

Все три каталога напечатаны с одного набора, имеют разные поля, 492 нумерованные страницы. В конце вклеены семь литографий—образцы из некоторых особо интересных книг, указанных в каталоге, рисунки, а также и текст «Манифеста императора Фридриха III» (1461 г.) на немецком языке готическим шрифтом.

Предисловие каталога автор посвятил основателю музея М. А. Голицыну. В коротенькой биографической справке о нем он подчеркнул его необычайную любовь к прекрасному, которая в зрелые годы переросла в любовь к книге. Владелец большого состояния, Михаил Александрович солидную его часть тратил на приобретение книг, преимущественно первых изданий, произведений классических авторов, редких, единственных, прекрасных изданных и т. д. Он начал сам составлять каталог своих книг, но смерть помешала завершить начатое. Гюнцбург пишет, что «скромность князя Михаила не позволила ему поставить свое имя под двумя публикациями» — «Некоторые мысли» (Париж, 1846) и «Командор» (Париж, 1850), навеянные, как полагает автор, чтением книг по оккультизму, которых в библиотеке было изрядное количество. Обе эти книжки отсутствуют в Библиотеке им. В. И. Ленина, но в Отделе редких книг есть небольшая, всего в 9 страниц книжечка, которая вновь соединяет имена М. Голицына и С. Соболевского. Она выпущена также на французском языке и имеет такое название: «Две ксилографии из библиотеки покойного князя Михаила Голицына, полномочного посла России при Мадридском дворе, описанные им самим» (М., 1864). Эти два редчайших ксилографических издания XV в., находившихся в библиотеке М. А. Голицына, были подробно описаны владельцем в «Заметке о двух ксилографиях, неизвестных библиографам», которая и стала основой упомянутой книжечки. Оба произведения — «Искусство умирать» и «Страдания Спасителя» — написаны на немецком языке и представляют собой эстампы к тексту, напечатанному догутенбергским способом — с неподвижных деревянных пластин с вырезанными на них буквами.

Как видно из выходных данных, девятистраничная книжечка вышла в Москве через четыре года после смерти М. А. Голицына. Ее издателем был С. Соболевский, который в коротеньком предисловии на французском языке писал:

«Заметка, которую мы воспроизводим, в настоящее время

находится в Бюллетене библиофила, опубликованном Тешнером в 1858 году, страницы 836—843; в 1859 году, страницы 276—279.

Настоящее издание отпечатано в двух экземплярах, оба на пергамене, один преподносится в подарок сыну⁸, сегодняшнему обладателю ксилографий, описанных отцом, другой предназначен для моей библиотеки.

Сергей Соболевский

Москва,
Апрель, 1863».

Кроме этого уникального (2 экземпляра!) издания, С. Соболевский отпечатал еще несколько. Н. Бокачев, например, описывает известный ему оттиск за тот же 1864 г., с приложением четырех литографий, в кожаном переплете, со следующим автографом С. А. Соболевского:

«М. П. Полуденскому от издателя С. С. НВ. Издано 2 экземпляра на пергамене и не более 8-ми на бумаге, все для подарков»⁹. Значит, всего 10.

Как истинный библиофил М. А. Голицын справлялся о приобретенных им книжных сокровищах во всех доступных ему библиографических указателях и был опытным собирателем. Сведения о цене, месте и истории покупки он тщательно записывал, поэтому каталог книг его библиотеки, составленный К. Гюнцбургом на основании этих записок, получился полным и подробным. Гюнцбург сохранил неприкосновенными все ремарки М. А. Голицына и помечал их в каталоге буквами: «P. M. G.» (т. е. «Князь Михаил Голицын»), а также классификацию книг, сделанную владельцем библиотеки для каталога, который он намеревался составить сам. Каталог изобилует и очень интересными подробными комментариями К. Гюнцбурга.

Какие же разделы, следуя каталогу, имела библиотека, насчитывавшая через год после открытия около 20 000 томов? Теология, философия, мораль, юриспруденция; науки и искус-

⁸ Имеется в виду сын М. А. Голицына—Сергей.

⁹ Бокачев Н. Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бокачева.— Спб., 1890, с. 118.

Михаил Петрович Полуденский—известный библиограф, один из основателей журнала «Библиографические записки», активный член Общества любителей российской словесности. Он имел много печатных трудов, работал над составлением «Словаря русских писателей». Свою библиотеку он завещал Публичной Рязанской и частично Черниговской библиотекам. Такой, далеко не полный, «послужной список» легко объясняет причину знакомства, а может быть и дружбы двух библиофилов—С. Соболевского и М. Полуденского, ставшего одним из обладателей этой книжечки.

ства; оккультные науки; изобразительное искусство; грамматика, риторика, ораторское искусство; поэты греческие и латинские; поэты итальянские, испанские, португальские, французские и английские; театр; романы; эпистолярное наследие; история (сюда подразделами вошли: астрономия и география; путешествия; древняя история; современная история; полиграфия, библиография) и, наконец, дополнения. Всего в нем 1930 названий.

Учитывая вкусы, интересы, подход к книгам М. А. Голицына, легко заключить, что неинтересных или незначительных изданий в его библиотеке не было. Тем труднее определить, какие из них заслуживают большего или меньшего внимания. У. Г. Иваск так описывал это собрание: «В библиотеке кн. Голицына немало старинных рукописей с миниатюрами, фигурными буквами и заставками, редчайших инкунабул и первопечатных книг, почти полное собрание Эльзевиров и Альдов, роскошные издания в экземплярах, напечатанных на пергамене, иллюстрированные сочинения конца XVIII ст., в которых вместо обыкновенных гравюр знаменитых художников Гравело, Кошена, Эйзена и др., помещены пробные оттиски, или оттиски *avant la lettre*, и даже самые рисунки, служившие оригиналами для гравюр. Большая часть книг замечательна, кроме того, по изяществу переплетов, из которых некоторые, с оттиснутыми на них гербами и шифрами, свидетельствуют, что книги принадлежали некогда герцогу Филиппу Орлеанскому, маркизе Помпадур и другим знаменитостям...»¹⁰

Здесь была почти вся библиотека дальнего родственника М. А. Голицына А. М. Дмитриева-Мамонова, отдельные книги из библиотеки М. П. Голицына (двоюродного дяди Михаила Александровича), проданной с аукциона в Париже в 1825 г.¹¹, из библиотеки Власова¹², Головкина и др. Здесь были представлены такие издатели, как Дидо, Фуст и Шеффер, Баскервиль и Джунта, Плантены и Бодони, Крапле, Барбу, Этьенны...

Были в библиотеке издания, некогда разрозненные и случайно воссоединенные, о чем с искренней радостью пове-

¹⁰ Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков. *Ex-Libris*.— М., 1905, вып. 1, с. 111—113. Эти же сведения см. в «Русском библиофиле», 1911, № 6—статья У. Г. Иваска «Частные библиотеки в России».

¹¹ Известны два каталога его библиотеки— за 1816 и 1820 гг., на франц. яз.

¹² Его библиотека после смерти владельца была также частично распродана на аукционе в Москве, частично разыграна в лотерею.

ствуует на страницах каталога его составитель. Например, на 431-й странице он рассказывает:

«У нас не хватало, как мы уже упомянули на стр. 144, третьей части «Речей Цицерона» (издания Альдов 1559 года). Это было чрезвычайно досадно!! По правде сказать, можно было отыскать третий том, но как облечь его в этот замечательный переплет из красного маррокена, мастерски сделанный, может быть, даже самим Гасконом? Как найти идентичный том, пропавший до 1821 года (о чем свидетельствует каталог библиотеки Власова, второе издание), каковы шансы присоединить его к этим двум братьям после пятидесятилетней разлуки!

И тем не менее их объединение произошло! Кто мог бы с большим правом воскликнуть: *Nabent sua fata libelli*, чем мы...

В благословенном 1865 году один незнакомец посетил Голицынский музей; казалось, издания Альдов его интересовали особенно, и мы ему показали все, которые имели. Когда же он подошел к двум томам Цицерона, на его лице появилось выражение крайнего удивления:

— Я недавно купил на развале подобный томик и покажу Вам его в ближайший же день,—сказал он.

Признаемся, что эти слова не произвели на нас никакого впечатления, так как невозможность даже питать надежду по этому поводу давно укоренилась в нашем сердце!

И, однако, через несколько дней посетитель пришел и протянул *mirabili dictu*¹³ томик, который у нас отсутствовал, и не просто подобный, а именно тот, идентичный нашим, совершенно «свежий» внутри и чуть-чуть «усталый» снаружи вследствие скитаний в течение полувека по прилавкам букинистов на улицах.

Позволим себе прибавить, что господин Дюмушель (так зовут нашего любезного незнакомца) пожелал подарить музею найденный том...»

Находились в библиотеке книга Аврелия Августина Хиппона, изданная Эльзевирами в единственном экземпляре в 1675 г.¹⁴, персидская рукопись Джамии «Меджнун и Лейла» на разноцветной шелковой китайской бумаге, подаренная дяде М. А. Голицына, в доме которого был открыт музей, персидским принцем Хозрев-Мирзой в 1829 г., первое издание Геродота на греческом языке—Альдов в 1511 г., эстампы и гравюры Дюрера, Хоггарта, Рафаэля, Раймонди, Рембрандта, Крюгера, Денуайе, Бартолоцци, Древе, Стюарта и др.

¹³ Странно сказать, удивительно (лат.).

¹⁴ Факт, подтверждаемый Питерсом в «*Annales des Elzevier*», с. 238.

Двадцать лет просуществовал Голицынский музей и его богатая библиотека. В 1886 г. князь Сергей Голицын продал их императорскому Эрмитажу за 800 000 рублей. Для организации вывоза коллекций и библиотеки в Москву был направлен старший хранитель Эрмитажа по отделу картин, рисунков и гравюр, редактор журнала «Вестник изящных искусств» и газеты «Художественные новости», отец известного художника А. И. Сомов. Прием библиотеки занял много времени: помимо книг, указанных в каталоге, оказалось еще «свыше 1000 томов сочинений, для которых не имелось ни печатного, ни рукописного каталога. Надо было проверить том за томом, книги, внесенные в печатный каталог, привести в порядок некаталогизированную часть библиотеки и составить опись этой части. Такого рода кропотливая библиографическая работа тянулась с лишком месяц, и для ее ускорения пришлось пригласить на некоторое время в Москву еще одного из Эрмитажных хранителей...», — сообщали «Художественные новости».¹⁵ Без малого два месяца ушло на подготовку всего собрания к перевозке и, наконец, 11 ноября 1886 г. коллекция и библиотека прибыли в Петербург.

Часть книг осталась в Эрмитаже — это были инкунабулы, рукописи, редкие издания, другая же передана Публичной библиотеке. В 1890 г. эта библиотека опубликовала Отчет за 1887 г., в котором в разделе «Приобретения Библиотеки» сообщалось, что: «Императорским Эрмитажем передано в Библиотеку 926 сочинений в 2959 томах, входивших в состав библиотеки, приобретенной Эрмитажем от наследников князя М. А. Голицына... поступление книг из собрания князя М. А. Голицына в Императорскую Публичную Библиотеку обогатило ее ценными экземплярами отборных старинных изданий Западной Европы, приобретение которых в такой полноте представлялось бы в настоящее время почти невозможным. Должно притом заметить, что почти все сочинения, поступившие из библиотеки князя М. А. Голицына, являются в отличном виде, отпечатанными на лучшей бумаге и переплетенными в красивые и дорогие переплеты, работы лучших мастеров»¹⁶. Далее перечислялись заслуживающие особого внимания книги Голицынской библиотеки. Среди них, например, отмечены сочинения П. Корнеля, изданные в Париже Лефевром в 1824 г. с 16 гравюрами Дезеня, Деверия, Жироде

¹⁵ Голицынский музей и перевозка его в Петербург.—Художественные новости, 1886, № 24, с. 682.

¹⁶ Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1887 год.—Спб., 1890, с. 12—13.

и др., «экземпляр, отпечатанный на бумаге с очень большими полями; такие экземпляры ценятся от 200 до 250 франков»¹⁷, первое издание сочинения Дионисия Афра 1512 г. «Самым же ценным приобретением из библиотеки князя Голицына (по отделу философии—*Е. М.*)... должно считать редчайшее издание, напечатанное под следующим заглавием: «*De tribus impostoribus*»¹⁸, 1598, in—12, без означения места печати и типографии». Упоминается это атеистическое сочинение еще в XIII в. «В настоящее время,—говорилось в отчете,—известно только три экземпляра означенного издания; за поступивший в Библиотеку экземпляр, принадлежавший князю Голицыну, было заплачено им 474 франка»¹⁹.

Здесь же отмечено и одно из самых редких эльзевировских изданий «Французский пирожник» (1655), хотя и незначительное по содержанию. Было известно только девять экземпляров этого издания, и поступившее из Голицынского музея стало вторым в Публичной библиотеке.

Из инкунабул, изданий Альдов и Эльзевиров поступило всего 126 сочинений, в том числе 27—первопечатных, 70—Альдов и 29—Эльзевиров²⁰. Наиболее замечательные перечисляются.

В 1975 г. в «Трудах Государственного Эрмитажа» появилась статья О. Н. Гомзиной «О некоторых редких книгах библиотеки Эрмитажа», где говорится о нескольких книгах, принадлежавших М. А. Голицыну. Одна из них, относящаяся к инкунабулам,—«Большая греческая этимология» Захарии Каллизэргоса (1499)—лучший образец раннего типографского искусства. Гравированные на дереве заставки, инициалы и все заглавные буквы (в тексте) выделены в ней красной краской.

Отмечена здесь и книга «Эклоги Феокрита», вышедшая в 1495 г. в Венеции из типографии Альда Мануция-старшего, которая является одним из самых ранних его изданий, отличающихся четкостью и красотой шрифта. Книга эта дошла до нас в нарядном переплете (правда, более позднем) красного сафьяна с мозаичным тиснением и голубым шелковым форзацем. На первом листе—печать кн. М. А. Голицына. Как образец английского типографского искусства О. Н. Гомзина упоминает книгу Вергилия «Буколики», напечатанную Джоном Баскервилем в Бирмингеме в 1757 г.,

¹⁷ Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1887 год, с. 15.

¹⁸ «О трех обманщиках» (*лат.*).

¹⁹ Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1887 год, с. 21.

²⁰ Там же, с. 21.

имеющую тоже печать библиотеки М. А. Голицына на титульном листе.

Приведенные характеристики, оценки, отзывы о библиотеке Голицынского музея в целом и об отдельных ее книгах не охватывают полностью всех богатств, которые в ней хранились, да и вряд ли это возможно сделать в рамках небольшой статьи.

Заканчивая разговор о библиотеке М. А. Голицына, заметим также, что она была не единственной в старом доме на Волхонке: здесь, начиная с 1877 г., снимали квартиры драматург А. Н. Островский, профессор Б. Н. Чичерин, поэт и публицист И. С. Аксаков, зоолог С. А. Усов — и все они имели интересные библиотеки (описана из них пока только одна — А. Н. Островского). И в наше время «библиотечные» традиции живы: в одном из залов бывшего Голицынского музея сейчас находится библиотека и читальный зал Института экономики АН СССР.

Москва

Поиски

и находки

ЖИЗНЬ ВЕЛИКОЙ ЭПОПЕИ
Сверка печатного текста с рукописями
«Войны и мира»

«Война и мир» — классический образец неукладывающегося в каноническую форму произведения. Серьезные толкователи литературы часто называют «Войну и мир» просто книгой, великой книгой и никак иначе. Наверное, это точнее всего. Подобно тому, как многообразные, непредвиденные, часто резко противоречащие, разумно-неразумные формы действительности, не найдя им исчерпывающего объяснения, мы называем одним таинственным словом Жизнь.

Но если даже отвлечься от глубины содержания этой книги, а говорить лишь о единственно возможном, выверенном до конца во всех подробностях тексте ее, то и в этом случае вряд ли найдется человек, который сможет совершенно точно сказать, что он прочел во всей полноте именно тот текст, который до последнего слова строго определен самим Львом Толстым. Значит, и в этом смысле «Война и мир» нам по сей день до конца не известна. Вот как обстоит дело.

Еще при жизни Льва Николаевича существовало четыре так или иначе разнящихся печатных текста «Войны и мира». Прежде всего в этом сказалось постоянно живущее в Толстом беспокойное желание переделывать даже оконченное, опубликованное, завершенное. Это беспокойное желание, можно сказать, физическая жажда совершенства соединялась в Льве Николаевиче с обостренной искренностью и почти детской необходимостью делиться своими сомнениями с другими людьми. Готовя к печати третье издание «Войны и мира» (в своем собрании сочинений), писатель испытал неожиданное чувство стыда и раздражения, стал «вымарывать лишнее», править; иногда ему даже казалось, что опубликованный текст — всего лишь подмалевка, и он стал испытывать желание «вновь писать по этой подмалевке». Стал переводить весь французский текст на русский язык, решая, что «лучше без французского». Просил Н. Н. Страхова внимательно просмотреть свою

правку и т. д. Но тут вступали в действие воля и вкус людей, которым доверял Лев Николаевич, и они уже по своему усмотрению начинали стилистически править Толстого. Возникло немалое количество разночтений. Наконец, в пятом, прижизненном издании «Войны и мира» восстановлен французский текст (шестое, удешевленное, издание опять без французского).

Обо всем этом подробно рассказано в статье Э. Е. Зайденшнур и в ее исследовании «Война и мир» Л. Н. Толстого» (М., 1966). Много вольных и невольных ошибок оказалось в многократно переиздаваемом тексте гениального произведения. Это и механические ошибки и пропуски, сделанные переписчиками, *потом как бы узаконенные печатным словом*. Это и «стилистическое причисывание» прозы Льва Толстого, которое делали подчас из самых искренних и лучших побуждений люди, близкие к писателю, и в том числе Софья Андреевна Толстая. Зайденшнур приводит примеры нарушения «характерности речи персонажей, нарушения особенностей толстовского стиля, ошибки, приводящие к бессмыслице, к появлению так называемых «темных мест». Софья Андреевна, например, «вмешивалась» в стиль Толстого, исправляя простонародные слова и выражения. Она же порой правила построение фразы, делая ее «дистиллированной». И тогда исчезало художественное видение, объемность, свежесть выражения образной мысли. Вот один из многочисленных примеров, приводимых Зайденшнур: «В сцене приезда Наташи на бал фразу «Зеркала по лестнице отражали дам в белых, голубых платьях с бриллиантами, жемчугами, открытыми шеями и руками». С. А. Толстая, которая по просьбе Толстого «одевала» его героинь, изменила: в белых, голубых, розовых платьях, с бриллиантами и жемчугами на открытых шеях и руках. Чуткий читатель немедленно почувствует здесь разрушение толстовского стиля.

Или, скажем: выражение «полицейские *оттаптывали* надвинувшихся слишком близко» при переписке превратилось в «отталкивали надвинувшихся...» и т. д.

Приглаживанием стиля Толстого занимался и Н. Н. Страхов, литературному вкусу которого Лев Николаевич очень доверял.

Все эти вольные и невольные искажения толстовского текста так или иначе нарушают живую гармоническую целостность, пластичность и даже в какой-то мере внутренний закон гениального произведения, нанося ему вред и оскорбляя наше эстетическое чувство. Поэтому новейшие издания «Войны и мира» не могли быть осуществлены без учета рукопис-

ных источников. И в этом смысле никаким нынешним концептуальным работам не сравниться по своему значению с колоссальной и кропотливой многолетней работой текстологов, занимающихся сверкой печатного текста с рукописями «Войны и мира».

Вот уже 54 года работает Эвелина Ефимовна Зайденшнур в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве. Жизнь отдана внимательному, пристальному чтению и разбору рукописей величайшего писателя. Многие часы, многие дни, многие годы разглядывание текста, трудно разбираемого убористого почерка Льва Николаевича. Часто в руках у текстолога увеличительное стекло — такая работа требует укрупнения. На столе даже днем — зажженная лампа. Седовласая маленькая женщина склоняется над рукописью. Она продолжает замечательное, быть может, не очень заметное со стороны дело. Эта колоссальная незаметная работа может быть определена как подвиг текстолога. Получив в 1963 году новое издание «Войны и мира» в двадцатитомном собрании сочинений Толстого, далеко не каждый читатель обратил внимание на то, что в романе было исправлено 1855 ошибок, которые присутствовали даже в юбилейном издании (девяностотомном). Таков был результат текстологического анализа «Войны и мира».

Зайденшнур совершенно справедливо считает, что без работы над рукописями невозможно воссоздать историю того или иного толстовского произведения. «Когда видишь рукопись,—говорит Эвелина Ефимовна,—читаешь больше, чем там написано... Проникаешься духом, настроением Толстого, запечатленным на бумаге, живущим в рукописи». Так же думал и муж Эвелины Ефимовны, выдающийся текстолог и толстовед Владимир Александрович Жданов, еще в молодости опубликовавший работу «Любовь в жизни Л. Н. Толстого» (в двух книгах), высоко оцененную Иваном Алексеевичем Буниным.

Пока был жив Владимир Александрович, они работали вместе. Константин Александрович Федин, далеко не безразличный к толстовской теме, внимательно следил за всеми публикациями этих замечательных текстологов. Нащупывая главную, сокровенную суть работы текстолога, К. А. Федин писал в письме к Зайденшнур: *«Есть что-то поэтическое в отношении к изучаемым текстам Толстого у его исследователя Жданова. Я бы сказал: это любовь к текстам, какая-то способность их оживлять, какая-то литературная хирургия, под ножом которой текст не умирает, а — исцелившись, воскресает к жизни. Исследователь идет не следом за изучаемым Толстым, а с ним сопутно»* (28 апреля 1971 г.).

И в другом письме, уже по отношению к самой Зайденшпур: *«Труд Ваш не позабудется в литературоведении, в истории русских текстологических работ имя Ваше будет сохраняться и повторяться так сказать, курсивом, либо с красной строки. Труд Ваш для меня поучителен чрезвычайно...»*

Как важны и нужны такого рода раскрытия художественных тайн на примерах, подобных «Войне и миру» (28 ноября 1963 г.).

Это упомянутое Фединым «исцеление» текста — очень важное явление в жизни литературы. В. А. Жданов и Э. Е. Зайденшпур освободили от позднейших «наслоений» и искажений многие страницы великих произведений. Следует назвать и роман «Анна Каренина», в котором ими было исправлено 900 ошибок, и «Воскресение», в котором исправлено 500 ошибок. (Тут надо заметить, что, в отличие от «Войны и мира» и «Анны Карениной», «Воскресение» продолжает переиздаваться со всеми этими пятьюстами ошибками. Тогда как подготовленный к печати и исправленный вариант многие годы лежит без движения.)

Сейчас, напряженно работая над рукописями, Эвелина Ефимовна заканчивает подготовку к печати ранней редакции «Войны и мира», которая в полном виде еще никогда не публиковалась. Общий объем этой рукописи составляет примерно 60 авторских листов. Ранняя редакция, как известно, имела «благополучный» конец. И Петя Ростов, и Андрей Болконский оставались живы... В одном из писем Толстого к Фету даже промелькнуло возможное название книги с таким «благополучным» концом — «Все хорошо, что хорошо кончается». Но такая мысль лишь промелькнула, ибо, когда ранняя редакция была закончена, уже возникло название «Война и мир» (для точности следует указать, что в начале написано было «Война и Мир», через і, т. е. в значении: «Война и весь народ, весь свет»).

Размышляя над различными разночтениями в тексте «Войны и мира», над черновыми вариантами, вольно или невольно приходишь к мысли: для того, чтобы ощутить во всей полноте мощное дыхание толстовской эпопей и хоть как-то проникнуться толстовскими поисками живой формы для воплощения замысла, нужно собрать это все воедино. Именно исходя из такого понимания проблемы известный литературовед Евгений Осетров, доктор исторических наук Ольга Туганова и автор этих строк обратились с предложением в юбилейный комитет — рассмотреть вопрос о возможности отдельного академического издания «Войны и мира», которое включило

бы в себя кроме окончательной — раннюю редакцию книги, сохранившиеся пятнадцать вариантов начала, и, наконец, в качестве приложения — три главы «Декабристов», которые как бы явились истоком великой эпопеи. Такое научное, хорошо прокомментированное, сверенное с рукописями издание «Войны и мира» имело бы огромное значение для писателей, исследователей, литературоведов, для всего научного мира. Перед нами явился бы живой процесс колоссальной работы гения, борения его духа, сама «каменоломня», в которой создавалось совершенное произведение.

Сам метод совершенствования своих произведений у Л. Н. Толстого иной, чем, скажем, у И. А. Бунина или Гюстава Флобера. Толстовский феномен состоит еще и в том, что перед нами не законченное, остановленное, точно замороженное собственным совершенством произведение, а творение, которое продолжает жить (хотя и относится к разряду как бы законченных) и имеет дальнейшие возможности совершенствоваться — некий неисчерпаемый запас этих возможностей. Литературный процесс остается как бы незаконченным, хотя само произведение, а в данном случае «Война и мир», принято за образец художественного творчества. Такова особенность работы и стиля Толстого, приближающая его книги к жизни самой природы.

Аналитическая работа над рукописями не только уточняет частности (столь важные для целого), но и правильно освещает основные проблемы произведения, связанные с историей его создания. Так, именно работа над рукописями развеяла легенду о том, будто Лев Николаевич задумывал свое крупнейшее художественное произведение как семейную хронику. Э. Е. Зайденшнур старается привить своим ученикам высокое уважение и любовь к рукописям великого писателя. Работа текстолога как бы соприкасается с глубинным огнем, живущим в этих рукописях. И поэтому каждое открытие в этой работе, каждая публикация — драгоценны.

Предлагаем вашему вниманию отрывок из черновой редакции «Войны и мира», ранее не публиковавшийся. Рукопись расшифрована, подготовлена к печати и прокомментирована Э. Е. Зайденшнур.

ОТРЫВОК ИЗ ЧЕРНОВОЙ РЕДАКЦИИ
РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

*Публикация и комментарий
Э. Е. Зайдешнур*

«В настоящем художественном произведении — стихотворении, драме, картине, песне, симфонии — нельзя вынуть один стих, одну сцену, одну фигуру, один такт из своего места и поставить в другое, не нарушив значение всего произведения, точно так же, как нельзя не нарушить жизни органического существа, если вынуть один орган из своего места и вставить в другое». Это суждение Толстого можно отчасти применить и к публикации разрозненных отрывков из черновых редакций его произведений. Установился метод публикации отрывков чаще всего вне связи их с творческим процессом создания произведения. Обычно для публикации выбирают выделенные из контекста большие или совсем малые отрывки, либо отличающиеся от завершенного произведения, либо исключенные из него. Как бы интересны они ни были сами по себе, они утрачивают свое главное значение: раскрыть последовательность работы автора над произведением от замысла до его воплощения. Только систематизированный в хронологической последовательности свод черновых редакций может выполнить эту роль, «не нарушив» творческой истории произведения. Но такой свод возможен лишь при академическом издании сочинений Толстого. Осуществление такого издания, вероятно, возможно в достаточно далеком будущем. Интерес же к черновым вариантам сохраняется. Поэтому надо стремиться, публикуя отрывок, раскрыть, по мере возможности, хотя бы творческую историю его создания. С таким намерением публикуем отрывок о Пете Ростове.

В самом начале работы над задуманным художественным произведением о «славной для России эпохе 1812 года» Толстой испытал затруднение, так как возникла «необходимость, — как он писал, — выдумкою связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою» родились в нем. Тогда же Толстой составил перечень «полувымышленных» и «вымыш-

ленных» персонажей, которые будут участниками этой «выдумки». Среди этих персонажей: «Толстые», все семейство, фамилия которого впоследствии переменится на: Ростовы. Перечислены все члены семьи, и каждому дана краткая характеристика. Последним назван «Саша. Меньшой брат, ребенок 13 лет, добрый пузан». Первоначально действие романа начиналось не в 1805, а в канун 1812 года,—этим и обусловлен возраст Саши, вскоре он будет переименован в Петю. Роль Пети постепенно уяснялась Толстому при создании ранней редакции произведения. В одном из конспектов, который почти исключительно посвящен Пьеру, его увлечению масонством, неожиданно врывается запись: «Маленький Петя 16 лет идет на войну» (16 переделано из 14).

Доведя раннюю редакцию до событий 1812 года, Толстой развил цитированную запись конспекта. Создал сцену в доме Ростовых, куда приходит Пьер и приносит манифест и воззвание Александра I к народу. Пьера встречает в зале «красивый, румяный широколицый 15-летний мальчик, похожий на Nicolas. Это был Петя. Он готовился в университет, но в последнее время с товарищем своим Оболенским тайно решили, что пойдут в гусары», и Петя просил Пьера «узнать, примут ли его в гусары». Во время чтения вслух возвания Петя встал и махал «сам для себя сжатыми кулаками», а после чтения он заявил: «Ну теперь, папенька, я решительно скажу,—маменька тоже, как хотите, я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и все...»

Пете было отказано.

Далее следует ранний текст сцены на Красной площади в день приезда государя, к встрече с которым Петя готовился. Лишь с некоторыми изменениями сцена дошла до завершеного текста. Затем собрание в Слободском дворце, и старый граф Ростов, взволнованный речью государя перед дворянами, вернувшись домой, «тут же согласился на просьбу Пети и сам поехал записывать его».

Когда, работая над ранней редакцией, Толстой довел действие до занятия французами Москвы и описания дальнейших событий, появился конспект, в котором уже определено участие Пети в партизанском отряде. «Денисов, Петя. Выручка Пьера»—так намечено в конспекте. Несколько позднее появился новый конспект, озаглавленный «К партизанам»; в нем запись: «Петя в Гродно, влюблен в Денисова и видит в нем Наполеона. Петя восхищается Кутузовым». В черновых заметках к действиям партизанской партии Денисова все более уточняется и поведение Пети Ростова. «Петя робел,

приглядывается, прислушивается. Петя достает и пробует оружие».

По мере приближения к окончанию произведения, в его ранней редакции становится все меньше законченных сцен, некоторые даны писателем эскизно, для других создавалась только развернутая канва. Довольно большое место уделено партизанским отрядам, которые «брали по 10 тысяч пленных, не теряя 100-й доли людей». Хоть и кратко, но уже сказано, что «Денисов был партизаном и у него в партии был Петруша Ростов, непременно желавший служить с Денисовым, к которому он получил страстное обожание еще со времени приезда его в 1806 г. в Москву».

В процессе переработки законченной ранней редакции повествование о партизанах передельвалось и заново писалось много раз, и постепенно как бы подготавливалась роль Пети как одного из центральных героев. Появилось описание его внешности. «Петрушка с своим широким и добрым лицом и худыми отроческими плечами». И далее: «Петя был одет в серый мужицкий армяк с нашитыми на груди патронами и синие кавалерийские рейтузы». Он вместе с партией Денисова участвовал в «удачном розыске» по Смоленской дороге и «привел с собой 16 человек отдавшихся французских солдат», в числе пленных был «15-летний мальчик барабанщик». Глубоко тронутый тем, что его герой — Денисов, который был «храбрее и благороднее всех людей», обласкал пленного мальчика, Петя почувствовал, что он должен «позаботиться о том, чтобы мальчика покормили», «не обидели бы его». Денисов понял настроение Пети и «успокоил его, что ничего не будет недостойного его солдатского звания».

Вновь и вновь перерабатывались главы о партизанской войне, вводились авторские рассуждения о характере и значении этого рода войны, и в каждом новом варианте рассказ о Пете наполнялся подробностями. Написана предыстория его поступления в партию Денисова: Петя был ординарцем генерала, командовавшего важной частью. «Поступив в действующую армию, Петя испытывал то тяжелое чувство не столько разочарования, сколько недовольства собой, которое испытывают все искренние и пылкие молодые люди, испытывая на деле войну, о которой, благодаря ложному ходячему мнению, у них составилось совершенно противоположное понятие. Это разочарование и недовольство. Это разочарование и недовольство собой бывает всегда тем сильнее, чем способнее молодой человек к военному делу. Петя был одарен огромным самолюбием, здоровыми нервами и способностью крови вступать ему в голову так, что он ничего не понимал и не видел, когда

разгорячался. Кроме того, он был почти ребенок. И поэтому он был то, что называется безумно храбр, и поэтому тоже он, вступив в действующие войска и участвовав два раза в деле под Тарутиным и под Вязьмой, испытывал тяжелое чувство разочарования и недовольства собой... Когда в 20-х числах октября его генерал, командовавший отдельным отрядом, пожелал послать кого-нибудь к Денисову, бывшему одним из партизанов в то время, Петя просил, чтобы послали его». Стремление найти настоящее «геройское» привело Петю в партизанский отряд. «Может быть партизаны, в особенности Денисов, которого он помнил еще с 1806 года, был самым героем. И, боясь пропустить что-нибудь геройское в то время, как он будет в отлучке, и надеясь, что там-то у Денисова он найдет случай отличиться, он поехал к партизанскому отряду Денисова».

Публикуем один из черновых вариантов о приезде Пети в отряд Денисова и поездке с ним «высматривать» французов и «встречать» Долохова.

Был осенний дождливый день¹. Неба не было видно. Та же жижка, которая была² на земле, та же цвета мутной воды жижка стояла и над головами. То моросил мелкий туман, то припускал косой <гонимый ветром> крупный дождь, смешивающийся с каплями, сбиваемыми ветром с ветвей деревьев³. Партия Денисова, состоявшая из гусар и казаков, везя с собой отбитые две фуры и одного пленного, молчаливо тянулась по раскиснувшей изъезженной в разные стороны лесной дороге. Впереди всех ехали два казака, за ними шел, разъезжаясь своими лаптями по грязи, шлепая по лужам, маленькой мокрый мужичек проводник. За ним ехал Денисов, казачий эсаул, главный сотрудник Денисова, как бы начальник штаба, и молодой офицер с калмыцким лицом, это был адъютант Денисова. Лошади их с струившимся с них дождем поднимали уши и набок сворачивали головы от хлеставших капель; и седла, и поводья и верхние одежды седоков были так промочены и пропитаны дождем, что вода лила с них⁴.

¹ Вместо «Был~день» было: День был туманный, мокрый.

² Далее было: на платях, в сапогах.

³ Вместо «мелкий туман~деревьев» было: мелкий дождичек, то вдруг припускали крупные капли с ветром, хлестали в лицо людям. Точно сыпались капли с веток от порыва ветра; то эти капли, обещавшие пройти, сейчас хлестали так иногда по целому часу.

⁴ Вместо «Партия Денисова~лила с них» было: Партия Денисова шла по лесной дороге, по которой вел их маленький мокрый мужичок, шлепавший впереди их своими лаптями по мокрым листьям. Партия состояла из казаков, гусар и сборных пехотинцев, из мушкетеров и солдат. Между кавалерией и пехотой на впряженных казачьих лошадях везли две отбитые фуры. <около> которых <между которыми> Один из казаков вез сзади их взятого в плен барабанщика. Партия, где по 4, где по 3 человека, разъезжалась по изъезженным дорогам, молчаливо тянулась по лесу.

Денисов был одет в папаху, с висящим на его лице вымытым дождем длинным курпеем, в чекмень, на котором висела короткая бурка, закрывавшая ему только спину и из-под которой виднелся большой образ висевший у него на груди, и в высоких, порывежших от дождя сапогах, над которыми виднелись I [нрзб] широкие штаны⁵. Лицо его очень изменилось. Кроме черной бороды, обросшей теперь его исхудавшее лицо, его черные⁶ агатовые глаза имели <теперь> новое задумчивое степенное обозначенное выражение. Подкорчив мускулистые ножки и бочком сидя на седле, он, морщась от бившего ему в лицо дождя⁷, присматривался впереди и хмурился.

Лошадь под ним была большая, породистая и очень худая.

Эсаул Ловский, третий сотрудник Денисова, был длинный, плоский, как доска, белолицый, белокурый человек с узкими светлыми глазками и спокойно самодовольным выражением и в лице и в посадке.

Несмотря на то, что он был второе лицо в партии, что он был ниже чином и беднее Денисова, под ним лошадь была гораздо лучше, сытее и сам он был гораздо лучше одет. Сверх чекменя на нем был ергак, аккуратно застегнутый, и на голове на шапке у него как бабий платок была надета завязанная попона. Длинные ноги, около одной из которых висела в чехле длинная пашка, были в натянутых новых сапогах. Все движения его были сдержанны и тихи. Рука, которой он правил лошадь, не шевелилась, ноги покачивались, чтобы притронуться слегка к паху лошади. Лошадь была золотистая, круглая с породистой головой и небольшим кадьюком. Крупный донец с кованными, тонкими и на коротких бабках ногами. Седло и сбруя с мелким серебряным набором. За седлом был маленький вьюк. Нельзя было сказать, в чем была особенность убора лошади и седака, но чувствовалось при первом взгляде на эсаула, несмотря на его бабий платок, что это не человек, который сел на лошадь, а что этот человек вместе с этой лошадью одно увеличенное двойною силою существо.

Впереди⁸ адъютанта ехал офицер немного сзади на худой тонкой низкой лошадежке с огромным хвостом и гривой и с продранными в кровь губами. На офицере была синяя французская шинель и французская сабля.

Лошадь Денисова⁹, обходя лужу, которая была на дороге, потянулась в сторону и толкнула его коленкой о дерево.

— Э, чорт! злобно вскрикнул Денисов¹⁰ и, оскаливая зубы, плетью раза три ударил лошадь, забрызгав себя и товарищей грязью. Денисов был не в духе. Это видел эсаул и особенно светло шурил глазки, глядя на своего

⁵ *Далее начато:* а. Он сидел, опустив голову и подкорчив; б. Он казался недовольным; в. Он казался похудевшим; г. Лицо его совершенно; д. Лицо его очень изменилось и от

⁶ *Далее начато:* как смо[ла]

⁷ *Далее начато:* беспрестанно оглядывался

⁸ *Далее начато:* офицера с калмыцким лицом

⁹ *Далее начато:* перед

¹⁰ *Вместо «злобно~Денисов» было:* вскрикнул Денисов, взвизгнул от злости.

начальника¹¹. И дождь и голод (с утра никто ничего не ел) и, главное, то, что от Долохова до сих пор не было известий—злило Денисова. Едва ли будет другой такой случай как нынче напасть на транспорт, а одному ему нападать слишком рискованно, а отложить до другого дня, из-под носа захватят добычу кто-нибудь из больших партизанов. Денисов беспрестанно взглядывал вперед себя, ожидая увидеть ожидаемого посланного от Долохова. Выхав на просеку, по которой видно было далеко направо, Денисов остановился.

— Видите,—сказал он,—кажется он.—Эсаул посмотрел по направлению, указываемому Денисовым.

— Едут двое,—сказал он.—Офицер и казак. Только¹² не предположительно, чтобы был сам Долохов,—сказал эсаул, любивший употреблять неизвестные казакам слова.

Хавшие, спустившись под гору, скрылись из вида¹³. Через несколько минут они опять показались. Впереди усталым галопом, погоняя ногойкой, ехал молодой офицер в казачьей форме, за ним, стоя на стремянах, рысью казак. Молоденький офицер в мокрой шинели¹⁴ и потерявшей от дождя форму фуражке подскакал к Денисову и подал ему приготовленный видно вперед конверт.

Денисов не узнал в первую минуту офицера, но не мог не улыбнуться, глядя на это широкое румяное счастливое лицо¹⁵, очевидно промокшего до костей, не больше, как 16-летнего мальчика офицерика.

— От генерала,—сказал офицерик, ударяя на ра и решительно подергивая поднятой кверху головой, очевидно играя еще в генерала и адъютанта.— Вот говорили вы, что опасно, опасно,—обратился офицерик к эсаулу, который тоже улыбаясь смотрел на посланного.—А я так отлично доехал. Впрочем мы с Комаровым (это мой казак) приготовились. У нас по два писто... Он, не договорив, уставился глазами на мальчика француза барабанщика, который сидел за казаком.—Это что же,—спросил он,—пленный. Вы уже в сраженьи были¹⁶. Ах, как досадно, я опоздал. Можно с ним поговорить¹⁷. Ден[исов], не слезая с лошади читавший переданную ему бумагу, вдруг весело вскрикнув, оборотил свое лицо к посланному:

— Ростов! Петя!—крикнул он.— Да как же ты не сказал, кто ты. Где же тебя узнать. Ведь я тебя в рубашечке видел,—и Денисов с просиявшим лицом протянул руку счастливо улыбающемуся Пете.— Да как же ты стало быть при этом франте состоишь?

¹¹ Вместо «на своего начальника» было: на Денисова.

¹² Далее начато: едва

¹³ Далее начато: Когда же они выехали в 100 шагах от Денисова из-под горы, Денисов узнал, что это был]

¹⁴ Далее начато: и кивере и весь мокрый от

¹⁵ Далее было: офицерика, которому, несмотря на его серьезный торжественный вид, нельзя было дать больше 16 лет.

¹⁶ Далее было: а. Захватили кое-что,—сказал калмыцкий офицер, отвечая на вопрос; б. начато: Да, натолкнулись

¹⁷ Далее начато: сказал посланный, указывая на французского барабанщика. Но в это время

— Имею честь находиться на ординарцев при его превосходительстве,— торжественно и обиженно и вместе весело проговорил Петя.

— Ну как я рад тебя видеть. Только привез ты мне известие скверное,— сказал он. Лицо Денисова приняло опять озабоченное выражение.

— Михаил Феоклитгч,— обратился он к эсаулу.— Можете себе представить, ведь это опять от немца. Он при нем состоит.— И Ден[исов] рассказал эсаулу, что содержание бумаги, привезенной сейчас состояло в повторенном требовании от ген[ерала] немца <при котором Петя состоял ординарцем> присоединиться <к нему> для нападения на транспорт.— Ежели мы его завтра не возьмем, они у нас из-под носа вырвут,— заключил он.

В то время как Денисов говорил с эсаулом, Петя не переставая краснел и переменил посадку, стараясь иметь вид как можно воинственнее¹⁸.

— Будет какое-нибудь приказание от вашего высокоблагородия,— сказал он Денисову, приставляя руку к козырьку, или должен я оставаться при вашем высокоблагородии¹⁹.

— Что ж, я не виноват,— сказал Петя²⁰.

— Какие же я могу известия дать,— сказал Денисов.— Вот заберем транспорт, тогда и ты привезешь самые верные известия. Да ты²¹ можешь остаться до завтрашнего дня.

— Понимаете, мне хочется оставаться здесь,— сказал Петя.

— Оставайся,— сказал Денисов.— Завтра вечером я тебя отпущу. Да ты измок как!

— Ничего, я привык.

— Но как тебе именно велено от генерала,— сейчас вернуться,— спросил Денисов.

— Да он ничего не велел. Я думаю, можно,— сказал он вопросительно. Денисов ничего не ответил и обратился к своему адъютанту²²: «Поезжайте опять к Дол[охову] и узнайте, намерен ли он или нет, и что я жду его в карауле. А мы теперь взглянем еще на них.— Ну, борода,— обратился он к мужику,— веди опять к Шамшеву.

¹⁸ Вместо «В то время~воинственнее» было: Петя, отделившись от своих родных при выезде из Москвы, поступил в свой казачий полк и скоро оттуда был взят ординарцем тем самым немцем генералом, который предписывал Денисову присоединиться к нему. Из всего того, что говорил Денисов, Петя понял только то, что то сражение, в котором он надеялся отличиться при своем генерале, теперь произойдет завтра у Денисова, и что поэтому ему надо пристроиться у Денисова.

¹⁹ Далее было:— Да ты оставайся до завтра, коли хочешь,— сказал Денисов.

²⁰ Далее начато: как хочешь

²¹ Далее начато: или узнать верно

²² Вместо «Ничего, я привык~адъютанту» было:— Ничего, я привык. Но вот, что, как вы думаете. Это ничего, что я останусь, потому, что, ежели вы возьмете транспорт, так и не нужно.

— Да, разумеется, только как он тебе велел но как тебе именно велено от генерала.

Петя покраснел. Он вспомнил, что, когда генерал пускал его, он сказал ему: «Одно, ни в каком случае не смейте там участвовать ни в каких набегах.

Офицер повернул свою лошадь, тронул ее, и она, задрвав голову, как бешеная полетела по лужам вдоль по просеке.

Денисов, Петя и эсаул, сопутствуемые казаком, везшим пленного, поехали влево по просеке к опушке леса. У опушки неподвижно стояли два гусара.

Далее, как и в завершенном тексте, Петя присутствует при разговоре Денисова с Долоховым о необходимости узнать, каково положение французского отряда, на который они готовились напасть и отбить находившихся там русских пленных. Петя вместе с Долоховым, переодетые в французские мундиры, едут ночью за цепь французов. Ко времени создания этой сцены у Толстого еще не было мысли о гибели Пети, и приезд Долохова с ним в неприятельский лагерь Толстой изобразил посредством впечатления Пети. «Петя был храбрый мальчик, но он никогда во всю свою жизнь не забыл тот ужас и болезненное замирание сердца, которые он пережил в те полтора часа, во время которых Долохов проводил его по французскому лагерю. Проходя к первому солдатскому костру, Долохов кликнул солдата и, когда солдат не скоро встал, он строго разбил его, спрашивая где командир и офицеры. Петя помнил то замирание сердца, которое он испытал, когда слез с лошади, следуя примеру Долохова, и отдал лошадь французскому солдату, и все это усиливавшееся замирание, по мере продолжения разговора Долохова с офицерами. «И дальше опять». «Петя помнил после эту минуту сомнения, когда Долохов встал и сказал: «Подадут или нет лошадей?» Он помнил потом, как Долохов долго садился и вернулся еще к костру и закурил трубку. Петя радостно вздохнул, когда они стали отъезжать от костра, и шопотом проговорил: «Они, кажется, догадались». И в конце вписанного отрывка было: «Петя помнил всю свою жизнь эти страшные, пережитые им минуты». Затем кратко о том, как на рассвете этого дня он вместе с казаками «вскакал» в деревню, французы бросали оружия, а русские пленные «слезно радостными криками приветствовали своих спасителей», и эти минуты «были одними из самых радостных в его жизни».

Я вас теперь знаю. Генерал намекал этим на подвиг, как думал Петя, совершенный им под Вязмой и состоявший в том, что, когда генерал послал его с приказанием в авангард, Петя поскакал за цепь, подскакал к французской цепи и выстрелил в них из своих двух пистолетов. «Я вас знаю теперь. А мне за вас отвечать перед родными». Петя покраснел.—Василий Федорович, можно.—Ах, голубчик, как я рад и как я вас люблю,—сказал он вдруг, неожиданно соскакивая с форменного почтительного тона, к которому он привык как говорил. Денисов засмеялся и обратился к калмыцкому офицеру.

Намечен был и конспект «Эпилог. Nicola догонял армию, чтобы благодарить главнокомандующего за соединение его с Петей... Петя—милый, живой, счастливый, восторженный юноша, еще с переменами детского мужского голоса... Смотри. Ты сер, а я, брат, сед, и захлипал, а Петя еще больше. Ура! 100 тысяч голосов». Так и закончилась ранняя редакция «Войны и мира». При прощании с войсками Кутузов говорит: «Из 500 тысяч нет никого, и Наполеон бежал. Благодарю вас, бог помог мне. Ты, Бонопарт, волк, ты сер, а я, брат, сед». И далее: «100 тысяч голосов» гремело: Ура! и «Петя орал неистово «ура», и слезы радости и гордости текли по его пухлым, детским щекам».

Так задумал Толстой. Однако развитие событий изменило авторский замысел. Он должен погибнуть. Толстому пришлось переработать соответствующий текст, на листе одной из последних рукописей, в которой шел рассказ о состоянии Наташи после смерти князя Андрея, появилась конспективная запись: «Известие о Пете». Толстой написал новую главу о получении Ростовыми известия о смерти Пети.

Москва

«ЛИШЬ СЛОВУ ЖИЗНЬ ДАНА...»

(И. А. Бунин и старая книга)

Старую книгу читаю я в долгие ночи
При одиноком и тихо дрожащем огне...

Так начинается стихотворение молодого Бунина «Ночь и день». Удивительно проникновенные и трепетные строки, посвященные старинным русским книгам, найдем мы и в других стихотворных и прозаических произведениях писателя. Бунина трудно назвать «библиофилом» — в узком, конечно, значении этого слова; труднее, может быть, чем любого другого из крупных писателей его времени. До 1923 г. (а в то время ему уже было 53 года), пока он не нашел более или менее постоянного пристанища в Грассе, на юге Франции, у него не было своей библиотеки, если не считать нескольких любимых книг, которые всегда возил с собой.

Удивительная тяга к путешествиям, «охота к перемене мест», постоянные скитания по России и по всему миру, «взрывная» эпоха, в которую ему довелось жить и творить,— все это слишком мало способствовало собиранию, тем более, сохранению книг. Юношей расставшись с отчим домом, Бунин редко жил более двух-трех месяцев на одном месте: то он у родных в деревне, то в знаменитой в начале века литераторской гостинице «Лоскутной» в Москве, часто выезжал в Ялту—к Чехову, в Одессу—к своим друзьям-художникам. Затем начинается полоса длительных путешествий на Восток, в Средиземноморье, в страны Западной Европы. Однако и в последнее тридцатилетие своей «оседлой» жизни Бунин, как свидетельствуют мемуарные источники, не проявлял особой страсти к собиранию книг: его библиотека была весьма скромной, рабочей, как у нас принято говорить. И в то же время, внимательное прочтение бунинских произведений позволяет обнаружить в них целый пласт старой русской книжности.

Тема «Писатель и книга», особенно когда речь идет о таком большом и оригинальном художнике, как Бунин, очень богата оттенками и сложна. Сюжет этой статьи—старая книга в жизни и творчестве Ивана Алексеевича Бунина.

* * *

Первой книгой детства, по которой Бунин выучился читать, была «Одиссея» Гомера¹ и, может быть, ветер странствий, которым овеяно это бессмертное произведение, в какой-то мере повлиял на его дальнейший жизненный путь. Книга очень рано вошла в мир Бунина. Правда, на хуторе Бутырки, в имении отца в Елецком уезде Орловской губернии, где прошло детство будущего писателя, книг было немного: остатки некогда большой родовой библиотеки конца XVIII — начала XIX в. Книги этой эпохи найдут яркое и полное отражение в творчестве писателя. «Читал я в детстве мало,—вспоминал он,—и не скажу, чтобы уж так жаждал книг, но, вероятно, прочитал почти все, что было у нас в доме и что еще не пошло на сигарки тем приживальщикам, прежним слугам-друзьям отца, что иногда гостили у нас, и до сих пор еще помню, как читал я «Английских поэтов» Гербеля², «Робинзона», затасканный том «Живописного обозрения»³, кажется, за 1878 год, чью-то книгу с картинками под заглавием «Земля и люди»⁴... Суть того чувства, что вызывали во мне эти книги, и до сих пор жива во мне, но ее трудно выразить. Главное заключалось в том, что я видел то, что читал—впоследствии даже слишком остро,—и это давало какое-то особое наслаждение» (IX, 258).

Гимназические годы оставили в Буinine мрачные воспоминания, ощущение скуки, серости и казенщины. Поступив в 1881 г. в Елецкую гимназию, он в 1885-м ушел из четвертого класса, к «великому», как он писал сам, «счастью» для себя. Позднее, в 1898 г., как удалось мне установить, отсутствие «нужного образовательного ценза» привело Бунина к весьма курьезному столкновению с цензурой: на этом основании ему было запрещено издавать и редактировать одесскую газету «Южное обозрение»⁵. И это—Бунину, который к тому времени уже 12 лет сотрудничал в ведущих русских журналах, автору

¹ Бунин И. А. Собр. соч.—М., 1967, т. 9, с. 257. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте (римская цифра—том, арабская—страница).

² Английские поэты в биографиях и образцах. Изд. Н. В. Гербеля.—Спб., 1878.

³ Еженедельный иллюстрированный журнал «Живописное обозрение стран света». Издавался в Петербурге с 1872 по 1905 г.

⁴ Под таким названием в конце XIX в. выходил в России перевод многолетнего труда французского географа и общественного деятеля Элизе Реклю. Параллельно издавались и популярные переработки.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 12, 1896, д. 72, л. III. Подробнее об этом эпизоде см.: в моей статье «Цензура о раннем Буinine».—Русская литература, 1970, № 3, с. 131—136.

нескольких книг, в том числе блистательного перевода «Песни о Гайавате», впервые вышедшем в Орле в 1896 г.

Возвратившись в Бутырки, пятнадцатилетний Бунин усиленно занимался чтением, самообразованием. Не только природа средней России, которую он чувствовал и понимал по-особому чутко и остро, не только встречи с людьми, разговоры и наблюдения, но и книги стали подлинными «университетами» юного Бунина. Помог и случай: как раз к тому времени, когда он ушел из гимназии, в имение родителей был сослан под надзор полиции старший брат Юлий, принимавший участие в студенческом революционном движении. В. Н. Муромцева-Бунина пишет в своей книге: «Юлий уже стал читать Ване лекции, даже некоторые университетские курсы: по политической экономии, истории и философии, стал его чувствовать по развитию почти равным себе, а по поэтической одаренности — выше»⁶. Братья вели нескончаемые разговоры о книгах, выписывали некоторые современные, опубликованные в них. Три года продолжалась эта привольная жизнь, давшая юноше так много впечатлений, что Бунин вспоминал о них до конца своих дней. «...в ту пору мне все казалось очаровательно: и люди, и природа, и старинный с цветными окнами дом бабки, и соседние усадьбы, и охота, и книги, один вид которых давал мне почти физическое наслаждение, и каждый цвет, каждый запах...» (IX, 259). Читал он все, что попадалось под руку: старинные журналы, «...и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского... Потом пришла настоящая любовь к Пушкину...» (там же). Ни с чем не сравнимое наслаждение вызывал у него один вид старинных книг и журналов с их почерневшими переплетами, рыхлой синеватой или желтоватой бумагой, наивными и милыми сердцу виньетками и гравюрами. Вот как проникновенно и поэтично писал он о том удивительном чувстве своеобразной «сопричастности», которое овладевает каждым любителем и знатоком книги, каждым библиофилом при виде любимых строк в первых изданиях русских классиков: «В старых журналах нахождение любимых стихов, давно знакомых по сборникам, но тут напечатанных впервые, давали великую радость: тут эти строки имели особенную прелесть, казались гораздо пленительнее, поэтичнее по их большей

⁶ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. — Париж, 1958, с. 39. См. также: Вабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии. (С 1870 по 1917). — М., 1967, с. 15—16.

близости к жизни их писавшего, по представлениям о том времени, когда он только что передал в них только что пережитое, по мнимому очарованию тех годов, когда жили, были молоды или в расцвете сил Герцен, Боткин, Тургенев, Тютчев, Полонский... и вот это время воскресало,—я вдруг встречал как бы в самую пору сознания это знакомое, любимое...» (IX, 360, 361).

В 1889 г. Бунин покидает вконец разорившееся родовое поместье: начинается жизнь, исполненная странствий... Начав работать в «Орловском вестнике», он обнаруживает в Орле интересную губернскую библиотеку, которую спустя почти полвека так ярко опишет в «Жизни Арсеньева». В том же городе в 1891 г. выходит в свет его первая книга стихов, с которой, если не считать нескольких ранних журнальных публикаций, и начинается долгая литературная жизнь Бунина.

В годы скитаний он не упускает случая порыться на книжных развалах Никольской улицы в Москве, побывать у букинистов, с упоением вдыхая запах старинных книг. «В Москве,—вспоминал он,—была лавка горбатого старика-букиниста. Помню: зима, лавка ледяная, пар от дыхания. Сидя на корточках в углу, перед грудой сваленных на полу книг, неловко роюсь в них, чувствуя на своей спине острый взгляд хозяина, сидящего в старом кресле и отрывисто отхлебывающего из стакана кипяток, жидкий чай» (IX, 277). Между ними завязывается любопытный разговор, несколько неожиданный для Бунина. Узнав о том, что перед ним начинающий писатель, букинист дарит на память тоненькую книжечку— «Гюлистан» Саади, в которой есть «истинно золотые слова». «У всякого клада лежит стерегущий оный клад стоглавый змей». Клад, по словам старого букиниста, нельзя взять голыми руками,— «и пусть это будет напутствием вам на литературном поприще... Тут борьба не на живот, а на смерть. Вечная и бесконечная, до гробовой доски. И знаете, кто высказал эту мысль именно в связи с вышеприведенными словами Саади? Сам Александр Сергеевич Пушкин. Слышал же я это все от букиниста Богомолова, его современника и приятеля. Торговал с ларька у Лубянской стены...» (IX, 278). Если рассказ этот и относится к области легенд, то он все-таки представляет большой интерес.

Своеобразный мир букинистов и библиофилов, по видимому, привлекал Бунина, вызывал у него неподдельный, живой интерес. Как вспоминает таллинский журналист Ю. Шумаков, встречавшийся с писателем в 1938 г., в Тарту Бунин посетил старинную университетскую библиотеку, любо-

вался хранящимся в ней первопечатным «Апостолом» и другими редчайшими книгами. Запах старинных книг, тот «винный» запах, который, по мнению Бунина, всегда исходит от них, вызывает в нем воспоминания о посещении Горького на Капри, когда они «...на спор определяли по запаху (и с достаточной точностью) время издания тех или иных книг». Тогда же Бунин рассказал об одном своем неосуществленном замысле. Сюжет рассказа таков: студент влюблен в дочь крупного букиниста-антиквара, но тот не согласен на «мезальянс» — юноша очень беден. Но студенту посчастливилось: он находит уникальнейшую книгу, «голубую мечту» всех библиофилов, которую тщетно всю жизнь разыскивал старый букинист, и это смягчает его сердце.

Тесная дружба связывала Бунина с Н. А. Пушешниковым, его племянником, — молодым, страстным библиофилом. Они часто «колдовали» над новыми приобретениями и находками; именно Пушешникову обязан писатель «книжным сюжетом» рассказа «Грамматика любви».

Стремясь понять прошлое, Бунин во время странствий часто посещал памятники русской старины — загородные усадьбы, дворцы, монастыри, древние церкви... Позднее, оторванный от России, он создал замечательный цикл очерков «Странствия». Посетив один из монастырей (к сожалению, он не называет его, как в других очерках), писатель заинтересовался монастырской библиотекой. Его провели в часовню, к ней была пристроена «особая келья». «Я пошел туда, постучал в дверь, — продолжает Бунин рассказ. — Вышла высокая мужественная монахиня с черными внимательными глазами, с белой коленкоровой наколкой на голове. Выслушав меня, она помолчала, потом ввела в келью. Я увидел две маленьких комнатки, необыкновенно чистых, весело озаренных солнцем. В одной топилась печка и горела на столике розовая лампадка, было необыкновенно уютно, пахло чем-то приятным. Другая была заставлена книжными шкапами, там стояли два стола для чтения и фисгармония. Монахиня дала мне каталог, сама села на подоконник, все продолжая следить за мной серьезными и даже пронзительными глазами. Я выбрал историю монастыря. Монахиня, найдя ее, подала мне и вышла. Я, невольно стараясь быть как можно скромней и тише, сел читать и делать выписки возле раскрытого окна, за которым светило солнце и шел ровный лепет зеленой древесной листвы...»⁷ Я не случайно привел этот довольно большой фрагмент из «Странствий». Может быть, именно там, в

⁷ Литературное наследство.— М., 1973, т. 84, кн. 1, Иван Бунин, с. 99.

монастырской библиотеке, Бунину бросились в глаза пронзительные строки, которыми он, спустя много десятилетий, начнет одно из лучших своих произведений — роман «Жизнь Арсеньева»: *«Вещи и дела, аще не написаннии бывають, тмою покрываються и гробу беспамятства предаются, написаннии же яко одушевленнии...»* (VI, 7).

Несомненно, эти строки, так точно и образно передающие сокровенный смысл и значение письменной культуры человечества, могли бы стать украшением любой антологии, посвященной Книге. Поскольку эта цитата не раскрыта и не прокомментирована в собраниях сочинений И. А. Бунина, выскажу некоторые предположения об источнике ее происхождения. Просматривая рукописи и печатные древние книги в одном из монастырей, писатель мог натолкнуться на рукописное сочинение крупного поморского проповедника начала XVIII в. Ивана Филиппова «История краткая и ответов сих...» Оно начинается словами, очень близкими к зачину «Жизни Арсеньева»: *«Вещи и дела, бывшая и бывающая, великая и малая, веселая и печальная, аще неписана бывають, тмою неизвестия покрываються и гробу беспамятства предаются, и у самех делающих ис памяти прехождением времени исходят и мрачно сливаются: написанная же яко одушевленна вещають»*⁸. Работая над «Жизнью Арсеньева», Бунин, по-видимому, использовал старые записи, несколько сократив текст. Эта фраза вполне могла бы стать эпитафией к роману — она точно и образно передает его идею.

Говоря о книжных интересах Бунина, нужно напомнить об одном любопытном эпизоде в его биографии, когда он сам в течение двух лет пытался выступить на поприще книжного дела. В начале 90-х гг., работая в полтавском земстве в должности статистика и библиотекаря, Бунин на некоторое время становится толстовцем. Он берет на себя миссию распространителя книг издательства «Посредник», организованного Л. Н. Толстым, становится его комиссионером. Дела Бунина-книготорговца шли неплохо: как свидетельствует неопубликованная переписка между ним и руководителем издательства И. И. Горбуновым-Посадовым, только за один год Бунину удалось распространить среди крестьян Полтавской губернии свыше 10 тысяч экземпляров книг «Посредника»⁹.

⁸ ОР ГПБ I, № 1075, л. 108 об. Пользуюсь случаем поблагодарить одного из крупнейших специалистов в области древнерусской книжности, доктора филологических наук Николая Николаевича Розова за помощь в уточнении источника бунинского текста.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 56. Книга исходящих бумаг издательства «Посредник», лл. 3, 389 и др.

Вскоре, однако, разочаровавшись в толстовстве, он прекращает свою книготорговую деятельность. В книге «Освобождение Толстого» Бунин описывает ее в довольно иронических тонах. «Да, как это ни странно, я когда-то торговал, когда-то в Полтаве была лавочка, внутри которой очень хорошо пахло новыми тесовыми полками и лежащими на них книжками и брошюрками, а над входом висела вывеска: «Книжный магазин Бунина». Но, как вспоминает писатель, он тщетно ждал там покупателей, «жаждущих толстовского просвещения». Более успешной была его деятельность в роли «интеллигентного офени», разносившего книги по деревням и ярмаркам, за которую он был приговорен к трем месяцам тюрьмы (IX, 58—59).

Я коснулся лишь нескольких «книжных» эпизодов в биографии Бунина. Их было больше, но многие факты утеряны, многое хранится в эпистолярном наследии, еще не опубликованном. Тема книги как бы изнутри пронизывает творчество Бунина, придавая многим его произведениям особую и неповторимую тональность. Об этом и пойдет речь.

* * *

Бунин обладал поразительным по силе чувством истории. По выражению Д. С. Лихачева, отнесшего Бунина к числу истинных «исторических писателей» — не по тематике, а по внутреннему ощущению, — интерес к истории «поглощает его целиком»¹⁰. В ряде его произведений запечатлена старинная русская книга, причем не в качестве «исторической детали» или музейного атрибута, а как яркий художественный образ, позволяющий с огромной силой осветить духовный мир героев, создать настроение, вызвать тот особый «звук», которым всегда так дорожил Бунин. Во многих произведениях молодого Бунина звучит подлинный реквием по разоряющемуся и уходящему со сцены истории мелкопоместному дворянству. Устойчивый некогда быт рушился на глазах, ветшали усадьбы и люди — их владельцы. В чуланах и на чердаках догнивали остатки некогда прекрасных библиотек XVIII в.¹¹ Книги все больше становятся редкостью, место старинных журналов заступает «Нива», любимая обывателем... В старых книгах отражался ушедший мир. С болью в сердце смотрел на них Бунин...

¹⁰ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е.—Л., 1971, с. 243.

¹¹ Подробнее об этом см.: Блом А. В., Мартынов И. Ф. С. Р. Минцлов и его библиофильская повесть.—Альманах библиофила. М., 1975, вып. 2, с. 201—206.

Целые страницы, посвященные книгам, встречаются в «Антоновских яблоках» — наиболее идиллическом произведении Бунина: «Потом примешься за книги, — дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках. Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги с своей пожелтевшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то приятной кисловатой плесенью, старинными духами... Хороши и заметки на их полях, крупно и с круглыми мягкими росчерками сделанные гусиным пером. Развернешь книгу и читаешь: «Мысль, достойная древних и новых философов, цвет разума и чувства сердечного»... И невольно увлечешься и самой книгой. Это — «Дворянин-философ», аллегория, изданная лет сто назад иждивением какого-то «кавалера многих орденов» и напечатанная в типографии общественного призрения...» (II, 189). Бунин очень точен: действительно в 1796 г. в Смоленске, в типографии Приказа общественного призрения, вышла замечательная в своем роде антиклерикальная книга-памфлет Ф. И. Дмитриева-Мамонова под таким названием.

Далее автор видит в библиотеке «сатирические и философские сочинения господина Вольтера»¹², а перейдя от XVIII в. к «романтическим временам», т. е. к первой четверти XIX-го, — альманахи, «сентиментально-напыщенные и длинные романы» типа «Тайна Алексиса», «Виктор, или Дитя в лесу»¹³. «И замелькают перед глазами любимые старинные слова: скалы и дубравы, бледная луна и одиночество, привидения и призраки, «ероты», «розы и лилии», «проказы и резвости молодых шалунов», лилейная рука, Людмилы и Алины... А вот журналы с именами Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина» (II, 190). Бунин тонко чувствует и улавливает аромат ушедшего времени, очень точно рисует круг чтения провинциального помещичьего дворянства конца XVIII — начала XIX в., тот «типовой набор», который так характерен для библиотеки помещика средней руки. Не случайно в перечне мелькнули сочинения Вольтера наряду с двумя романами Дюкре-Дюминилия — одного из самых модных авторов того времени, книги первых русских романтиков, альманахи, столь распро-

¹² По-видимому, Бунин был знаком с книгой, изданной И. Рахманиновым под названием: «Аллегорические, философские и критические сочинения г. Вольтера. Переведены с французского языка И <ваном> Р <ахманиновым>». Спб., 1784.

¹³ Книги французского писателя Ф. Дюкре-Дюминилия. Под «Тайнами Алексиса» подразумевается, очевидно, его роман «Алексис, или Домик в лесу» (М., 1794). Второе название указано точно (М., Университетская типография, 1799—1800). Романы этого автора издавались неоднократно и в начале XIX в. — в столицах и в провинции.

страненные в тот период, который современники называли «альманачной» эпохой. Примерно тот же круг книг отражен в дошедших до нас описях и каталогах помещичьих библиотек, эти же книги читал и «Багров-внук» из семейной хроники С. Т. Аксакова.

Воспоминания о книгах овеяны дымкой мягкой грусти; с книгами Бунин, очевидно, познакомился в дни своего детства и отрочества в доме родителей или в соседних усадьбах. Ничто не проходит бесследно... У Бунина прошлое незримо присутствует в настоящем, связь времен продолжается...

Совсем по-иному, с оттенком горечи и безысходности, звучит книжная тема в рассказе Бунина «Грамматика любви», написанном спустя 15 лет после «Антоновских яблок» (1915). Ивлев, от лица которого ведется рассказ, случайно попадает в разорившуюся усадьбу, хозяин которой — помещик Хвоцинский — умер незадолго до этого. Ивлев уже наслышан об этом уездном чуде, который в свое время, в молодости, подавал большие надежды, слыл за редкого умницу, как вдруг обрушилась на него любовь, ставшая единственным содержанием всей жизни. После смерти своей возлюбленной, горничной Лушки, Хвоцинский буквально заживо похоронил себя, более 20 лет просидел в усадьбе, никому не показываясь и никого к себе не допуская. Эта история, которая под пером менее даровитого писателя превратилась бы скорее всего в «уездный анекдот», приобретает у Бунина трагическое звучание. Невзрачный молодой человек, наследник Хвоцинского, показывает приезжему старую помещичью библиотеку. Пройдя по комнатам, усыпанным сухими пчелами, они попадают в маленькую каморку; возле одной стены стояли два шкапчика карельской березы.

«— Это и есть библиотека? — спросил Ивлев, подходя к одному из них.

И молодой человек, поспешив ответить утвердительно, помог ему растворить шкапчик и жадно стал следить за его руками.

«Престранные книги составляли эту библиотеку! Раскрывал Ивлев толстые переплеты, отворачивал шершавую серую страницу и читал: «Заклятое урочище»... «Утренняя звезда и ночные демоны»... «Размышления о таинствах мироздания»... «Чудесное путешествие в волшебный край»... «Новейший сонник»... А руки все-таки слегка дрожали. Так вот чем питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась от мира в этой каморке и еще так недавно ушла из нее... Но, может быть, она, эта душа, и впрямь не совсем была безумна? «Есть бытие, — вспомнил Ивлев стихи Баратынского, — есть бытие, но

именем каким его назвать? Ни сон оно, ни бденце,— меж них оно, и в человеке им с безумием граничит разуменье...» (IV, 304).

Внимание Ивлева вдруг привлекла стоявшая на средней полке «очень маленькая книжечка, похожая на молитвенник» — «это была крохотная, прелестно изданная почти сто лет тому назад «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым». Была ли действительно книга, о которой рассказывает Бунин? Ведь он мог придумать ее, как придумал и действующих лиц. Тем более — Бунин, блестящий стилист, великолепный знаток русского языка. Пожалуй, ему бы не составило особого труда создать тонкую стилизацию под язык начала XIX в., который звучит в приведенных им выдержках из «Грамматики любви». Опуская детали довольно сложного библиографического поиска¹⁴, скажу лишь, что описание «Грамматики любви» было найдено благодаря «Систематическому реестру русским книгам с 1831 по 1846 г.», составленному известным библиографом И. П. Быстровым по библиотеке для чтения книготорговца М. Д. Ольхина (Спб., 1846). Вот оно: «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым. Перевод с французского С. Ш. М., в типографии Лазаревых Института Восточных Языков, 1831 г. Сочинение г. Мольера». Но книга, как выяснилось, вовсе не принадлежала перу великого французского комедиографа XVII в. Издатель (или переводчик) «скромно» опустил первый слог «де» в фамилии автора,— не «дворянскую приставку», а именно слог,— в надежде на то, очевидно, что книга под именем Мольера разойдется быстрее. Подлинный автор «Грамматики любви» — плодовитый французский писатель Ипполит Жюль Демольер (1802—1877), издавший ее в Париже под названием «Code ole Yamoig».

И первое французское оригинальное издание, и единственный перевод книги на русский язык в 1831 г. очень редки. Русское издание, сокращенное по сравнению с французским примерно в три раза, представляет собой маленькую (формат 70×130 мм) изящную книжечку, украшенную тонкими, прекрасно выполненными гравюрами, несколько стилизованными под XVIII в. По-видимому, «Грамматика любви» пользовалась в России большим успехом. Интересно, что вскоре был сделан перевод ее на грузинский язык, но издана книга в Грузии не была и перевод остался в рукописи¹⁵.

¹⁴ Они подробно освещены в моей статье «Грамматика любви». — Наука и жизнь, 1970, № 9, с. 60—63.

¹⁵ См.: Орловская Н. К. Об уточнении описания одной рукописи. — Труды Тбилисского гос. ун-та, 1976, т. 177, с. 261—269.

Чтение этой книги делает понятным, почему она привлекла внимание Бунина. Она резко отличается от несколько фривольных, гривуазных книг такого рода, которые были очень распространены в XVIII в. (например, книжка Глеба Громова с похожим названием: «Любовь, книжка золотая». Спб., 1798), благородством, чистотой, какой-то особой свежестью. Конечно, у современного читателя сентенции и размышления автора вызвали бы, пожалуй, улыбку, но когда-то эту книгу читали со всей серьезностью, а «пораженный», «ошеломленный» любовью герой рассказа Бунина не расставался с ней ни на минуту до самой смерти.

Итак, книга «Грамматика любви», давшая название рассказу Бунина и являющаяся по сути «главным героем» произведения, действительно существовала. Более того — Бунин был ее владельцем, о чем он сам свидетельствует в очерке «Происхождение моих рассказов»: «Мой племянник Коля Пушешников,— пишет Бунин,— большой любитель книг, редких особенно, приятель многих московских букинистов, добыл где-то и подарил мне маленькую старинную книжечку под заглавием «Грамматика любви». Прочитав ее, я вспомнил что-то смутное, что слышал еще в ранней юности от моего отца о каком-то бедном помещике из числа наших соседей, помешавшемся на любви к одной из своих крепостных, и вскоре выдумал и написал рассказ с заглавием этой книжечки <...>» (IX, 369).

И другие книги, найденные Ивлевым в библиотеке Хвощинских, имеют под собой вполне реальную основу. Правда, книг с точно такими же названиями, которые приводит Бунин в рассказе, разыскать не удалось. Но вспомним, что «Грамматика любви» была у Бунина, и, скорее всего, лежала перед ним на столе, когда создавался рассказ, в то время как другие, упомянутые им мельком, он мог видеть в далекой юности, предположим, в библиотеке своей семьи, и потому точные названия могли не сохраниться в его памяти. Они очень напоминают книги, которые были распространены в начале XIX в. и хранились чуть ли не в каждой помещичьей библиотеке. Так, например, «Запятое урочище» и «Утренняя звезда и ночные демоны» напоминают заглавия книг необычайно популярной в России того времени английской писательницы «славной госпожи Анны Радклиф» (1764—1823), создавшей целую серию «романов ужасов»: «Пещера смерти в дремучем лесу» (М., 1806), «Ночные видения» (М., 1811), «Полночный колокол» (Спб., 1802), «Видения в Прирейском замке» (Орел, 1823) и многие другие. «Размышления о таинствах мироздания», в свою очередь, напоминают заглавия

многочисленных переводов на русский язык сочинений английского философа и писателя Эдуарда Юнга, того самого Юнга, из которого так любил по ночам делать обширные выписки гоголевский почтмейстер в «Мертвых душах» (см., например, «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии»).

Во многих произведениях писателя встречаются упоминания о старинных книгах, журналах, библиотеках. Герой Бунина обращается к ним в минуты элегически-грустного, поэтического настроения, или напротив — в минуты душевного смятения, в трагические, переломные моменты своей жизни. Тщетно дожидаясь ответа от своей возлюбленной Кати, смутно предчувствуя трагический финал своей любви, герой повести «Митина любовь» уходит в себя и в старые книги: «Он реже стал ходить на деревню, ездить в поле. Он сидел в библиотеке, перелистывая журналы, уже десятки лет желтевшие и сохнувшие в шкафах. В журналах было много прекрасных стихов старых поэтов, чудесных строк, говоривших почти всегда об одном, — о том, чем полны все стихи и песни с начала мира, чем жила теперь и его душа, и что неизменно он мог так или иначе отнести к самому себе, к своей любви, к Кате. И он по целым часам сидел в кресле возле раскрытого шкафа и мучил себя, читая и перечитывая:

Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад!

Люди спят, одни лишь звезды к нам глядят...» (V, 204)¹⁶

Тем же чувством пронизан фрагмент из бунинской «Несрочной весны». Герой рассказа пишет своему другу: «Ты знаешь мою страсть к книгам, а там, в этих сводчатых залах, книгохранилище. Там прохладно и вечная тень, окна с железными толстыми решетками, а сквозь решетки видна радостная зелень кустов, радостный солнечный день, все такой же, такой же, как и сто, двести лет тому назад. Там устроены в стенах ниши с полками, и на этих полках мерцают тусклым золотом десятки тысяч корешков, чуть ли не все главнейшее достояние русской и европейской мысли за последние два века. В одной зале огромный телескоп, в другой гигантский планетарий, а на стенах снова портреты, редчайшие гравюры. Развернул я как-то один из прелестнейших томиков начала прошлого столетия, прочитал на шершавой бумаге строки:

Успокой мятежный дух
И в страстях не сгорай,
Не тревожь меня, пастух,
Во свирель не играй,—

¹⁶ Первые строки стихотворения А. Фета.

и долго стоял очарованный: какой ритм и какая прелесть, грация, танцующий перелив чувств!» (V, 124—125).

Буквально пронизан старой русской книжностью и единственный роман Бунина — «Жизнь Арсеньева». В его основу положены жизненные впечатления и наблюдения Бунина. В какой-то мере роман автобиографичен, но ставить знак равенства между автором и Алешей Арсеньевым — совершенно несправедливо (на этом настаивал и сам Бунин). Очень верно и поэтично сказал о романе К. Г. Паустовский: «Это не автобиография. Это слиток из всех земных горестей, очарований, размышлений и радостей»¹⁷.

Книги, которые читает в детстве и юности Алеша Арсеньев, неотделимы от жизни, составляют с ней единое и нерасторжимое целое. Они, наряду с первыми впечатлениями, радостями и горестями, образовали, как выразился Бунин словами Гоголя, «жизненный состав» героя (VI, 38). Память прошлого постоянно живет в нем: она запечатлена в рассказах древних стариков-крестьян, памятниках древнерусской книжности, в старинных томиках дедовских книг. Детское чтение Бунина и его героя очень схожи. Алеша читает упомянутые в автобиографии Бунина книги: «Земля и люди», «Дон-Кихота», «Робинзон Крузо», только вместо «Живописного обозрения» — журнал «Всемирный путешественник». Затем он открывает для себя Пушкина, поразившего колдовским прологом к «Руслану», волшебный и таинственный мир раннего Гоголя и других великих русских писателей.

Одновременно большое и неизгладимое впечатление производят на Алешу лубочные книжки и картинки, развозившиеся по селам и ярмаркам вездесущими офенями. В ранней редакции «Жизни Арсеньева» он вспоминает себя «...тем милым, жалким ребенком, который, в своей первой, новенькой гимназической шинельке, покупал здесь <на базаре> Гуака, Бову Королевича, Атамана Епанчу, «Истинную повесть» под заглавием: «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа»..., вспоминает о торговле «...теми копеечными книжками и пахучими, липкими, цветистыми литографиями, которые миллионами расходились в те времена по всей деревенской Руси...» (VI, 308). Мальчика привлекали необычная красочность и праздничность этих книжек и картинок — это ощущение осталось у него навсегда.

Поразил его вид старинной библиотеки в усадьбе двоюродной сестры в Васильевском. Алеша получил «полную возмож-

¹⁷ Бунин И. А. Повести, рассказы, воспоминания.—М., 1961, с. 13.

ность распоряжаться той библиотекой», которая собрана была владельцами за долгий век: «Там оказалось множество чудеснейших томиков в толстых переплетах из темно-золотистой кожи с золотыми звездочками на корешках — Сумароков, Анна Бунина, Державин, Батюшков, Жуковский, Веневитинов, Языков, Козлов, Баратынский... Как восхитительны были их романтические виньетки, — лиры, урны, шлемы, венки, — их шрифт, их шершавая, чаще всего синеватая бумага и чистая, стройная красота, благородство, высокий строй всего того, что было на этой бумаге напечатано! С этими томиком я пережил все свои первые юношеские мечты, первую полную жажду писать самому, первые попытки утолить ее, сладострастие воображения. Оно, это воображение, было поистине чудодейственно» (VI, 101). Один вид старых книг пробуждал в Алеше жажду творчества, они навсегда вошли в «жизненный состав» Арсеньева.

Как безоблачно, романтично и таинственно выглядит в глазах юноши эта первая встретившаяся в жизни старинная библиотека... Но ушли безвозвратно детство и юность, на глазах изменился весь уклад жизни, Алеша узнает горечь ранних утрат, сомнений и разочарований. Алексей Арсеньев, сотрудник провинциальной газеты, часто уединяется в стенах губернской библиотеки (как некогда и сам Бунин), и совсем по-иному, с каким-то шемящим душу чувством едкой грусти глядит на старые книги и журналы. «Это была старая, редкая по богатству библиотека, — пишет Бунин. — Но как уныла была она, до чего никому не нужна! Старый, заброшенный дом, огромные голые сенцы, холодная лестница во второй этаж, обитая по войлоку рваной клеенкой дверь. Три сверху донизу уставленных истрепанными, лохматыми книгами залы». Арсеньев встречает «неприветливо тихая заведующая в чем-то черненьком, постном, с худыми, бледными руками, с чернильным пятном на третьем пальце», здесь же «запущенный отрок в серой блузе, с мягкой, давно не стриженной мышинной головой, исполняющий ее приказания»... В кабинете для чтения, «круглой, пахнущей угаром комнате, с круглым столом посередине, журналы „Епархиальные ведомости“, „Русский паломник“». За столом сидел, перелистывая толстую книгу, «один неизменный читатель, — тощий юноша, гимназист», читавший «нечто для гимназиста совершенно дикое — о „Сошном письме“». Алеша спрашивал „Северную пчелу“, „Московский вестник“, „Полярную звезду“, „Северные цветы“, „Современник“ Пушкина. Брал, впрочем, и новое — всякие „Биографии замечательных людей“: все затем, чтобы в них искать какой-то поддержки себе, с завистью сравнивать себя с

замечательными людьми... «Замечательные люди!» Какое несметное количество было на земле поэтов, романистов, повествователей, а сколько уцелело их? Все одни и те же имена во веки вечные! Гомер, Гораций, Вергилий, Данте, Петрарка... Шекспир, Байрон, Шелли, Гете... Расин, Мольер... Все тот же „Дон-Кихот“, все та же „Манон Леско“... В этой комнате я, помню, впервые прочел Радищева — с большим восхищением. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала!» (VI, 231, 232).

Как разнятся между собою описания этих двух библиотек! На смену наивному очарованию и любованию книгами приходят глубокие размышления молодого писателя.

Образ книги с большой художественной силой запечатлен и в поэтическом наследии И. А. Бунина. Во имя художественной правды и достоверности поэт вводит иногда в высокий строй поэтической речи обыденные, бытовые детали. Так, стихотворение, начинающееся словами «Бегут, бегут листы раскрытой книги, бегут, струятся к небу тополя...», в котором рисуется покойная и ленивая жизнь помещика, заканчивается такой очень точной деталью:

И тени штор узорной легкой сеткой
По конскому лечебнику пестрят (I, 212)¹⁸.

Бунина снова преследует неотступный и непередаваемый аромат старинных книг:

Люблю неясный винный запах
Из шифоньерок и от книг
В стеклянных невысоких шкапах,
Где рядом Сю и Патерик.

Люблю их синие странички,
Их четкий шрифт, простой набор,
И серебро икон в божничке,
И в горке матовый фарфор (I, 262).

Бунин тонко изображает пестроту усадебной библиотеки, в которой мирно соседствуют замечательный памятник древнерусской литературы «Киевско-Печерский патерик», исполненный, по словам А. С. Пушкина, «прелести простоты и вымысла», и модный роман середины XIX в. (скорее всего, «Парижские тайны» Эжена Сю).

Человечество впервые осознало себя благодаря Слову. Эту мысль Бунин проводил во многих поэтических произведениях.

Он преклонялся перед могущественной, бессмертной силой запечатленного Слова, видел в нем смысл человеческой

¹⁸ Помещик читает, очевидно, старую книгу, скорее всего, XVIII в., когда часто издавались сочинения подобного рода: «Опытный конский лечебник», «Карманный коновал» и т. п.

истории. Эта идея замечательно выражена в стихотворении, которое так и названо — «Слово»:

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена (I, 369).

* * *

Перед нами прошли некоторые «книжные» сюжеты в творчестве Бунина. Книги, особенно старые русские, органически входят в художественную ткань многих его произведений, по-своему окрашивая их, создавая неповторимое настроение, придавая им обаяние и прелесть, а иногда — чувство трагического одиночества и печали. Бунин очень точен в своих книжных реалиях. Историк книги и библиофильства почерпнет в произведениях Бунина немало ценного материала для воссоздания круга чтения и состава частных библиотек конца XIX в., а также книжного и читательского репертуара второй половины XVIII — первой трети XIX в.

Бунин был библиофилом в высоком значении этого слова: он был человеком, глубоко знавшим, понимавшим, чувствовавшим книгу, человеком, любившим ее до конца своих дней.

Ленинград

Дела

и движения

ЗАРУБЕЖНЫЕ НАХОДКИ*

В 1935 г. Институт книги, документа и письма Академии наук СССР выпустил в свет сборник «Иван Федоров первопечатник». Он был подготовлен по материалам торжественного заседания, посвященного 350-летию со дня смерти первопечатника; заседание состоялось 18 декабря 1933 г. Открыл его президент Академии А. П. Карпинский.

— Заслуга Ивана Федорова, — сказал он, — лишь сейчас, когда наша страна гигантскими шагами идет по пути культуры и выходит на первое место по численности и характеру своей книжной продукции, — лишь сейчас заслуга Ивана Федорова может быть оценена в полной мере и по достоинству.

В сборнике много интересных работ, но наше внимание привлечет лишь одна — «Материалы для библиографии Ивана Федорова. 1564—1933 гг.». Составила их Александра Петровна Лебедевская (1889—1965). В течение долгих лет она работала в Государственном артиллерийском музее в Ленинграде. Изучала историю Пушкарского приказа, труды и дни замечательных мастеров, работавших здесь.

К сожалению, большинство работ А. П. Лебедевской остались в рукописи. Она не умела «продвигать» их в печать.

Среди неопубликованных трудов — исследования о мастерах Пушкарского приказа Андрее Чохове и Анисиме Михайлове Радипевском. Анисим Михайлов был учеником Ивана Федорова. Может, именно поэтому А. П. Лебедевская заинтересовалась первопечатником.

«Материалы для библиографии Ивана Федорова» увидели свет, и это большое счастье для исследователей. Александра Петровна описала 523 книги и статьи, посвященные первопечатнику. Где только не публиковались они — в Москве и Киеве, в Варшаве и Праге, в Париже и Берлине...

Открывается указатель разделом, в котором перечислены предисловия и послесловия к книгам, напечатанным Иваном Федоровым. Всего указано семь изданий: московские — «Апостол» 1564 г., «Часовник» 1565 г.; заблудовские — «Учительное евангелие» 1569 г.; «Псалтырь с Часословцем» 1570 г.; львовский «Апостол» 1574 г. и острожские — «Новый завет» 1580 г. и «Библия» 1580—1581 гг.

К семи изданиям, названным А. П. Лебедевской, нужно добавить еще два, которые уже были известны к 1933 г. Александра Петровна знала о них, но не упомянула, ибо в изданиях не было послесловий.

О первом из них узнали еще в 1817 г., когда Петербургская Публичная библиотека приобрела собрание книг и древностей «господина обер-берггауптмана 5 класса Фролова». В собрании нашлась брошюра в 53 листа с

* Мы завершаем публикацию отрывков из повести «По следам первопечатника» (см. вып. 4—6).

прѣтча • омыта ѿ фарѣ •

ПѢСНІИ И СВЯТАГО ДУХА

И МНОГИ БЖИТВЕНЬ ПИСАНИИ . ГЛАМАЖ ШАРХИ
 БРѢЖА ИЗЪОУСТЪ ВОБЛАКЮ ПЛЮ , НА ПОУЧЕНІЕ
 ХРІСТОИМЕННЫМЪ ЛЮДЕМЪ , ИЛИ ПРОЧИТАЕМА .
 ТАКОЖЕ И НА ГЬСКИА ПРАЗНИКИ • ОМЫТАРИ •
 И ФАРСЕН • ЕУЛІЕ , ШАДКИ • СЛОВИ • А •

ПѢСНІИ И СВЯТАГО ДУХА ПРИТЧА И БИНА,
 ЯКО ПОУЧЕНІЕ НЕ БІКОЕ И ПОДВИЖЕНІЕ ОУ
 МЫШЛЕНО БЫСТЬ ГЬТЫМИ ШЦЫ , НОУТИ
 НЕНО ПЬТНЕСА И ПРОЧИТАТНЕСА ВСІЮ НЕДЕ
 ЛЮ , ЯКО ДА НАПРАВЛЯЕМА И ГОТОВИСА НА
 ДХОВНЫА ПОДВИГИ ПОСТА • СЕГО РАДИ И ПРОВО,

длинным названием: «Книжка собрание вещей нужнейших въкратце скорого ради обретения в книзе Новаго завета, по словесем азбуки всем благочестно верующим в святую живоначальную Троицу отца и сына и святого духа зело есть полезна». Так было оттиснуто в верхней части титульного листа. А ниже, под узорными винетками, стояло: «Напечатана в богоспасеаеом граде Остроге Иоанном Федоровичем». На первом листе книги указан автор — Тимофей Михайлович, и год издания — 1580-й.

«Книжка собрание вещей нужнейших» — алфавитно-предметный указатель, первый в истории русской библиографии и документалистики.

Вторым изданием, не названным А. П. Лебедеванской, была «Хронология» Андрея Рымши. Имени Ивана Федорова здесь нет, но указана дата — 5 мая 1581 г., и место издания — Острог. В Остроге в это время работал Иван Федоров. Уникальный экземпляр этой листовки хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Приобрел его — где и когда неизвестно — собиратель старых книг А. И. Кастерин. Впервые описал это издание в 1848 г. библиограф Вукол Михайлович Ундольский.

«Хронология» — это перечень 12 месяцев года с указанием их латинских, еврейских и украинских названий.

Девять изданий Ивана Федорова — это все, что было известно к 1933 г. В те годы и предполагать никто не мог, что спясок будет пополнен. Между тем одна из находок — самая сенсационная за всю историю изучения жизни и деятельности Ивана Федорова — уже была сделана.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА

28 ноября 1975 г. в Монте-Карло открылся аукцион, на который съехались любители книги со всего света. Продавалась библиотека Дягилева-Лифаря. Фирма «Сотби», проводившая аукцион, выпустила превосходно иллюстрированный каталог, в котором описаны 826 печатных книг и рукописей.

Каких только редкостей не было здесь! Первые издания «Бориса Годунова», «Графа Нулина» и «Полтавы» А. С. Пушкина, один из томов собрания сочинений И. С. Тургенева с его автографом.

За 12 листов нотной рукописи Стравинского заплатили самую высокую цену на аукционе (97 000 франков). Вторым по стоимости (62 000 франков) был «Апостол» 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца — хорошо сохранившийся комплектный экземпляр. С. П. Дягилев отыскал его в Риме в 1926 г.

На аукционе от нашей страны присутствовал доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн. Он приобрел отдельное издание 5-й главы «Евгения Онегина» с дарственной надписью великого поэта. Привез в Москву и другие редчайшие издания.

К сожалению, на аукционе не было, пожалуй, самой ценной книги из собрания Дягилева...

Расскажем сначала о владельце библиотеки.

Сергей Павлович Дягилев (1872—1929) был одним из организаторов и руководителей группы художников и искусствоведов, которые в конце XIX в. объединились вокруг журнала «Мир искусства». Журнал выходил под его редакцией в 1899—1904 гг. Человек широко образованный и обладавший практической хваткой, Дягилев в 1909 г. организовал гастроли русского балета в Париже. Собранный им труппа, в которую входили А. Павлова, Т. Карсавина, В. Нижинский, М. Фокин, С. Лифарь, во многом способствовала всемирной славе русского балета.

Октябрьской революции С. П. Дягилев не понял и не принял. Он остался за рубежом и до самой смерти (умер в Венеции) не возвращался на Родину.

Пожалуй, именно тоска по отчизне заставила его — за три года до кончины — заняться коллекционированием редких русских книг. В короткий срок он собрал свыше 1000 томов.

В сентябре 1927 г. Дягилев отправился в Рим специально для того, чтобы пополнить свою библиотеку. «В Риме все было удачно... — писал он из Флоренции своему другу Сергею Лифарю. — Нашел чудную, потрясающую русскую книгу и кое-что еще».

Книгой этой было издание Ивана Федорова, о котором ранее никто не знал. Можно представить себе, как волновался Дягилев, когда он на лотке уличного римского букиниста раскрыл небольшую книжку и прочитал: «Выдруковано во Львове, року 1574». Чуть выше помещались две гравюры: герб Львова и хорошо известная Дягилеву типографская марка Ивана Федорова.

В 1939 г. в Париже, а еще через год в Нью-Йорке вышли в свет мемуары Сергея Лифаря «Сергей Дягилев и с Дягилевым». На одной из страниц Лифарь мимоходом упомянул о римской находке своего друга. Историки книги этих публикаций не заметили. Уже шла вторая мировая война; людям было не до старопечатных редкостей.

Большая часть библиотеки Дягилева — свыше 1000 томов — перешла к С. Лифарю. 135 книг и несколько автографов взял секретарь Дягилева Б. Е. Кохно. Это был меркантильный и необразованный человек, меньше всего думавший о культурной ценности попавших в его руки книжных сокровищ.

Неизвестное издание Ивана Федорова, к сожалению, оказалось в руках Кохно. Он долго пытался сбыть книжку в Париже, но никто здесь не заинтересовался ею. И издание было продано в Америку за 300 долларов.

Так «Азбука» 1574 г. попала в библиотеку Гарвардского университета.

ПЕРВАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ «АЗБУКА»

Медлил ты,
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи урча.

Это — из «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» Владимира Маяковского.

По-разному складываются судьбы людей.

Дипкурьер Теодор Нетте погиб, героически защищая от белогвардейских бандитов советскую дипломатическую почту.

Владимир Маяковский, талантливейший поэт Советской эпохи, умер в апреле 1930 г., не дожив до 40 лет.

Приятель их — Роман Осипович Якобсон, родившийся в Москве в 1896 г., жив по сей день. Он — профессор Гарвардского университета в США, всемирно известный ученый, один из основоположников структурализма.

К Якобсону и попало поступившее в Гарвардский университет неизвестное издание Ивана Федорова. Ученый тут же определил, что издание это — «Азбука».

До того времени считалось, что первая русская «Азбука» напечатана в 1634 г. в Москве типографом Василием Федоровичем Бурцовым.

Всеславноу десницею , вѣшнаго
бга . оумышленіем и промыслѣ
ніемъ . Благочиннаго князя Кнѣ
стпальстна , Консепталинновича
Княжати Острожскаго . Боебоды
Кіевскаго . Шаршалака Земан во
лыньское . Старосты Володымерь
скаго . Поклебшхъ емъ , оустро
ипти домъ надѣло кнѣ печатныхъ .
Ктомъ же еще домъ и дѣтскимъ
кѣмъ оученію . втвоемъ шѣнѣ ,
и славно итѣ градъ Острожь . еже
есть лежати , втземан во льнѣ
етем . и иже бравши мѣжемъ , въ
бжтвенномъ писаніи иже вѣныхъ ,
встрѣческомъ іакъицѣ , и влатинно
скомъ . паче же и вѣрскою . и при
стпавихъ дѣтницомъ оучилцихъ
иже радвинны . напечатана сіа
кнѣжка . Погреческѣи , альфа ,
кнѣта . ѿпорѣскѣи , ѿзѣ , вѣки .
Перваго ради оученія дѣтскаго .
Цного грѣшныиъ , іоанномъ де
одоровичемъ .

Продана въ 1778 году
въ Петербургѣ въ книжномъ
магазинѣ у П. П. Соловьева
и у П. П. Соловьева

Р. О. Якобсон тщательно изучил «Азбуку» Ивана Федорова и в 1955 г. опубликовал в «Бюллетене Гарвардской библиотеки» хорошо документированную статью, снабдив ее полным факсимиле замечательного издания.

Работа эта сразу же была замечена в нашей стране. Еще до выхода в свет гарвардского «Бюллетеня» находку прокомментировал на страницах «Советской культуры» член-корреспондент АН СССР Алексей Алексеевич Сидоров.

В 1956 г. в майском номере журнала «Новый мир» была опубликована большая рецензия на работу Р. О. Якобсона. Написал ее академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). «Факсимильное воспроизведение букваря,— писал он,— впервые вводит в научный оборот памятник, крайне интересный и замечательный. Это большой и ценный вклад в историческую науку, обогащающий наши познания в области истории культуры СССР и мировой культуры».

Мы не будем подробно рассказывать о первом русском учебнике. Ему посвящено большое количество работ. О нем писали такие известные советские книговеды, как Т. А. Быкова, В. И. Лукьяненко, Г. И. Коляда, В. С. Люблинский, Я. Д. Исаевич, А. П. Запаско... Более того, «Азбуку» Ивана Федорова поставили на полки своих личных библиотек многие любители книги, так как киевское издательство «Дніпро» дважды выпускало «Азбуку» в факсимильном воспроизведении — в 1964 и 1974 гг. Тираж первого издания — 1500 экземпляров, второго — 15 000. Разошлись они моментально. А-московское издательство «Просвещение» выпустило два сувенирных — с большим уменьшением — издания «Азбуки»: в 1974 и 1977 гг.

Познакомившись с львовской «Азбукой», ученые с полным основанием стали утверждать, что Иван Федоров был не только типографом, издателем и редактором, но и талантливейшим педагогом. Последовательно, шаг за шагом, вводит он ребенка в величественный храм древнего и могучего языка, познание которого делает человека счастливым. В послесловии книги Иван Федоров говорит о том, что нелегкий труд был предпринят им для «возлюбленного честного христианского русского народа... ради скорого младенческого научения».

Книга открывается 45 буквами кирилловского алфавита. На обороте листа буквы перечислены в обратном порядке — от «аз» до «з», а затем даны вразброд. Мы можем представить сейчас, как ученики древней школы водили пальцами по строкам и произносили «ба», «ва», «га», и затем уже — «бра», «вра», «гра». Далее — сложнее. Ученик знакомился с примерами спряжения глаголов, с премудрой системой ударений и «придыханий», со склонением существительных и прилагательных.

Заключала книгу краткая хрестоматия — тексты для закрепления и развития навыков чтения и письма, подобранные таким образом, что создавали нечто вроде свода этических норм и правил: «Не сотвори насилия убогому», «Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай», «Послушая отца твоего, иже ты родил».

Мы не знаем сейчас более древних учебников грамоты, ни рукописных, ни печатных, чем «Азбука» Ивана Федорова. Трудно сказать, составил ли ее Иван Федоров во Львове сам, или же он имел в своем распоряжении какие-то московские или украинские образцы.

Рецензию в «Новом мире» М. Н. Тихомиров закончил следующими словами: «Залежи печатных книг лежат в провинциальных музеях и архивах, и никто ими не занимается, никто их даже не разбирает. А ведь букварь 1574 г., наверное, не был издан в единственном экземпляре. Не следует ли его поискать в наших библиотеках».

С того времени прошло 20 с лишним лет. Положение с изучением старопечатной книжности коренным образом изменилось. Книги эти в настоящее время бережно хранят и тщательно изучают. Провинциальные фонды в

большинстве своем разобраны. В них нашли немало изданий Ивана Федорова — «Апостола» 1564 и 1574 гг., «Острожской Библии». Но дягилевский экземпляр «Азбуки» 1574 г. так и остался единственным.

Со временем были найдены и другие «Азбуки».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМАСА ХОТРИ

24 августа 1553 г. корабль английского мореплавателя Ричарда Ченслора «Эдуард — Благое Предприятие» бросил якорь в устье Северной Двины у монастыря святого Николая. Англичане искали северо-восточный путь в Индию, а заплыли в Белое море. В ноябре, когда установился санный путь, путешественники отправились в Москву, где были радушно приняты царем Иваном IV.

Два года спустя корабль Ченслора снова появился в устье Северной Двины. На этот раз он представлял торговую «Московскую кампанию», созданную в Англии в феврале 1555 г. Среди купцов, отправившихся в Москву, был человек по имени Томас Хотри. Он остался в России и пробыл здесь до 1568 г., затем возвратился в Англию.

Английские библиографы Джон Барникот и Джон Симмонс нашли подпись Хотри на русской «Азбуке», которая еще в 1592 г. поступила в библиотеку колледжа «Тринити» в Кембридже. Ни времени, ни места издания в книге обозначено не было. Но библиографы рассудили, что получить русскую книгу после 1570 г. Хотри вроде бы не мог.

Вместе с печатной «Азбукой» была переплетена и рукописная, а также — польский букварь. Но ни рукопись, ни польская книга также не были датированы.

На чистом листе в конце книги библиографы заметили список английских книг, которые Хотри оставил в Москве некоему Вильяму Смиуту. Этот моряк вместе с Хотри упомянут в одном из документов 1568 г. Вел он беспокойную жизнь. В 1565—1566 гг. путешествовал в Персию, в 1572 г. торговал в Ярославле. В июне 1573 г. корабль Смиута был потоплен казаками на Каспийском море. Но сам Смит уцелел. Впоследствии он стал капитаном судна «Габриель». На этом корабле он и погиб 30 августа 1577 г.

Список книг, оставленных Томасом Хотри Вильяму Смиуту, — лишнее доказательство того, что кембриджский экземпляр «Азбуки» напечатан до 1568 г., то есть, до того как Хотри навсегда оставил Россию.

Английские библиографы, кроме того, проанализировали сведения о 17 книгах, упомянутых в списке, и установили, когда они могли быть напечатаны. Это как будто подтверждало их выводы.

Но до 1568 г. в Москве работали лишь Анонимная типография и типография Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Английские исследователи решили, что книга напечатана Иваном Федоровым.

Ташкентский исследователь Георгий Иванович Коляда, напротив, решил, что «Азбука» напечатана в Анонимной типографии.

И в том и в другом случае мы имели дело с первым русским учебником.

Состав книги тот же, что и в львовской «Азбуке» 1574 г. Правоммерно было предположить, что оба издания печатал Иван Федоров.

Антонина Сергеевна Зернова не согласилась с этим выводом. В 1958 г. она опубликовала статью «Книги кирилловской печати, хранящиеся в зарубежных библиотеках и неизвестные в русской библиографии», где доказывала, что кембриджская «Азбука» напечатана не в Москве, а в Остроге и не Иваном Федоровым, а кем-то из его учеников. Доводы Зерновой были весомы и убедительны. Но, строго говоря, вопрос остается открытым по сей день.

И еще об одной «Азбуке».

О ней стало известно в 1956 г. со слов датских библиотекарей, посетивших Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Вскоре в Отдел редких книг прислали из Копенгагена микрофильм. Изучала его А. С. Зернова.

По сравнению с дягилевским экземпляром в копенгагенской «Азбуке» было важное дополнение — сказание об изобретении славянского алфавита Кириллом и Мефодием. Выходных сведений в книге не сохранилось. А. С. Зернова предположила, что книга напечатана Иваном Федоровым в Остроге в 1580—1581 гг.

«Второе издание Букваря Ивана Федорова» — так назывался ее доклад, прочитанный в декабре 1958 г. на расширенном заседании Ученого совета Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, посвященном 375-летию со дня смерти первопечатника. Датируя копенгагенский экземпляр, Зернова ошиблась всего на два года.

На том же Ученом совете с докладом «Иван Федоров — художник и просветитель» выступил А. А. Сидоров. Он предложил ежегодно, в середине декабря, отмечая память первопечатника, проводить «Федоровские чтения».

Первые «Федоровские чтения» состоялись 22 декабря 1959 г. Автора этих строк попросили сделать доклад «Документальные материалы львовских архивов о последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова».

Речь шла о новых документах, найденных мною в Центральном государственном историческом архиве УССР во Львове.

«ОТЕЦ ЛЕОНТИЙ ЗАНЕДУЖИЛ...»

Впервые я попал во Львов ранней осенью 1958 г. Желтизна только-только тронула каштаны. Солнце сияло над городом. Я взобрался на Замковую гору и с упоением дышал вечерней прохладой, в которой мне чудился горький привкус старины. Очертания города угадывались за башней Латинского собора. Храм стоял здесь и при Иване Федорове. А вот башню Корнякта — колокольню Успенской церкви — в те годы только начинали строить. Прямо под горой — Онуфриевский монастырь. Здесь похоронен первопечатник. Дверь в галерею надвратной церкви была забита. Я пробирался во двор монастыря кружным путем. Ходил, рассматривал надгробные плиты, вмурованные в стены.

На другой день с раннего утра направился во Львовский архив. Я не обольщал себя надеждой найти новые документы об Иване Федорове. До меня здесь работали Станислав Львович Пташицкий, Петр Скобельский, Фердинанд Бостель...

И все же мне повезло. Я нашел два очень интересных документа.

Это было большой удачей. С 1926 г., когда киевский историк В. Романовский опубликовал акт лужцкого городского суда — доверенность Ивана Федорова другу и сотруднику своему Тимофею Михайловичу на получение долга с некоего Якова Максимовича в Вильне, — с того времени ни одного нового архивного документа, имеющего хоть отдаленное отношение к первопечатнику, найти не удалось.

В тот же день вечером я позвонил в Москву директору института Александру Николаевичу Чернышеву, рассказал ему о находке и просил продлить командировку. Чернышев разрешил мне задержаться во Львове, хотя поиски мои не имели прямого отношения к тематике Научно-исследовательского института полиграфического машиностроения, в стенах которого я проработал 22 года.

Находка моя — увы! — оказалась единственной. Но я разыскал немало документов о людях, так или иначе соприкасавшихся с первопечатником.

Среди них — русский художник Лаврин Пилипович, который, возможно, принимал участие в создании гравюр для львовских изданий Ивана Федорова; Иван Бильдяга, богатый купец, в доме которого хранилось типографское имущество первопечатника; Федор Антипоркович, шурин Ивана Друкаревича, сына типографа.

Что же касается главных находок, то это, в первую очередь, была запись о сходке львовских меццан, которые в мае 1579 г. пришли в монастырь святого Онуфрия, чтобы сделать ревизию церковного имущества. Вещи показывал «отец Леонтий, служитель церкви святого Онуфрия». Здесь же была составлена их подробная опись. Среди крестов и кадилниц, риз и епатрахилей перечислено и 30 книг. Одна из них привлекла мое внимание.

Запись гласит: «Учительных евангелий двое, едино писанное старое, а другое друкованное новое».

Единственным печатным «Учительным евангелием» в 1579 г. было заблудовское издание Ивана Федорова, напечатанное за 10 лет пред тем. Не сам ли первопечатник подарил его Онуфриевскому монастырю?

Кроме различной утвари и книг отец Леонтий показал прихожанам и деньги — 80 золотых. О судьбе денег рассказывает второй документ, относящийся к августу 1588 г. 10 августа прихожане снова собрались в монастырь. «А была того причина, — сообщает документ, — отец Леонтий занедужил». В связи с этим прихожане решили проверить, в сохранности ли «монастырский скарб... и книги». Все оказалось в целости. Отсутствовали лишь 80 золотых. Деньги эти, сообщил Леонтий, он дал в долг Ивану Федорову. «И по смерти Ивана Друкаря, — свидетельствует акт, — узял отец Леонтий 40 «Апостолов» за тыи осемьдесят золотых и показал их нам у закрестий».

Речь, таким образом, шла о помощи, которую Леонтий оказал Ивану Федорову в трудный для первопечатника 1583 г., когда он, уехав из Острога, пытался основать новую типографию во Львове.

Здесь не место рассказывать о выводах, которые позволила сделать львовская находка. Я привел их в докладе, прочитанном на «Федоровских чтениях» в 1959 г. А два года спустя документы были опубликованы в журнале «Исторический архив».

В ПОИСКАХ АВТОГРАФА

Заслуги Ивана Федорова перед русской словесностью неоспоримы. Человек, создавший в нашей стране книгопечатание, сделал обыденным и привычным тот факт, что любое произведение письменности может быть размножено и распространено.

Мне всегда казалось странным, что ни одной строки, написанной этим замечательным человеком, не сохранилось. Редактор, издатель и типограф первых русских печатных книг не оставил автографа. Может быть, отсюда и родилась версия, популярная в старом книгознании — будто Иван Федоров был ремесленником, техническим исполнителем идей то ли митрополита Макария, то ли Ивана Грозного.

Советская наука отказалась от этой точки зрения.

Академик М. Н. Тихомиров показал, что Иван Федоров был общественным деятелем, чутко улавливавшим веяния и запросы эпохи. А. А. Сидоров выявил прекрасное мастерство первопечатника в области художественного оформления книги. Ташкентский филолог Г. И. Коляда установил, что Иван Федоров тщательно редактировал свои издания.

Но автографа все же не было...

Мне всегда казалось, что его надо искать во Львове. В архивных книгах сохранились многочисленные записи, сделанные в присутствии первопечатни-

ка — торговые сделки, доверенности, векселя... Увы, подписи Ивана Федорова на них не было.

А если поискать книги, подаренные типографом монастырям и церквям? На таких экземплярах должны были сохраниться так называемые вкладные записи.

— Надо отыскать «Учительное евангелие», упомянутое в описи 1579 г., составленной в присутствии отца Леонтия, — решил я.

Книгу эту, вне всякого сомнения, подарил монастырю Иван Федоров.

Я знал, что библиотека Онуфриевского монастыря частично находится в Государственной научной библиотеке Академии наук УССР во Львове. Отделом редких книг библиотеки тогда руководил мягкий, доброжелательный человек Роман Ярославович Луцук.

Я написал Луцуку: «Буду крайне обязан Вам, если сообщите, какие издания Ивана Федорова у Вас имеются и в каком количестве экземпляров. Особенно интересует меня заблудовское «Учительное евангелие» — откуда поступили те издания, которые у Вас имеются».

Роман Ярославович ответил мне обстоятельным письмом. «История нашего экземпляра заблудовского „Евангелия“ следующая, — писал он. — Первым известным владельцем книги был Степан Лаврисевич, или Лавришевич, состоятельный львовский мещанин, принадлежавший к семье, которая сыграла в истории нашего города некоторую роль. Отец или брат Степана — Павел, член и старейшина Ставропигийского братства, был в составе делегации, высланной магистратом города Львова к Богдану Хмельницкому для переговоров во время осады Львова казаками в 1648 году. Сам Степан, тоже член и старейшина Ставропигийского братства, сыграл определенную роль в истории Львова несколько позже. Когда в 1672 году турки осадили Львов и потребовали контрибуции в сумме 80 000 талеров, то магистрат города, не имея возможности такой большой суммы заплатить, принужден был дать победителям заложников. Одним из заложников был Степан Лаврисевич. Он пробыл в турецком плену около восьми лет и только тогда был выкуплен. Когда „Учительное евангелие“ было собственностью Лаврисевича, точно неизвестно. Впоследствии книга переходила из рук в руки. Владельцами ее были священник села Неслухова возле Львова Михаил, священник села Желтанцы Иван, иеромонах монастыря „Прекрасная пустыня“ в селе Горпине возле Львова Гедон Левицкий. Далее книга попала в библиотеку Онуфриевского монастыря, а вместе с этой библиотекой в львовскую библиотеку Академии наук УССР».

Я с большим интересом прочитал письмо Романа Ярославовича. Как я и ожидал, «Учительное евангелие» Онуфриевского монастыря попало в библиотеку Академии наук. Но это был совсем не тот экземпляр, который упомянут в описи 1579 г.

В скором времени я отправился во Львов. Здесь мне удалось подробно познакомиться с богатствами Отдела редких книг академической библиотеки. Кроме «Учительного евангелия» 1569 г. здесь оказался и «Апостол» 1574 г., в свое время также принадлежавший Онуфриевскому монастырю. Книга позволила разгадать загадку, каких еще много в судьбе Ивана Федорова.

КОГДА УМЕР ИВАН ФЕДОРОВ?

В исторической литературе об Иване Федорове подчас наблюдается удивительный разнобой, когда речь идет о фактах и датах.

И. Д. Галактионов в книге «Первопечатник Иван Федоров» (М.—Пг., 1922) и И. И. Бас в книге «Иван Федоров» (М., 1940) утверждают, что типограф скончался 5 декабря 1583 г. (по старому стилю). П. И. Березов в

книге «Первопечатник Иван Федоров» (М., 1952) называет другую дату—6 декабря 1583 г.

Какая же дата истинная?

300-летие со дня смерти первопечатника отмечали 5 декабря 1883 г. 75 лет спустя, в 1958 г., юбилейную дату передвинули на 6 декабря.

Единственным источником наших сведений о дате смерти Ивана Федорова служит надгробная плита, которая когда-то была вмурована в пол Онуфриевской церкви во Львове. Плита исчезла еще в прошлом веке при весьма таинственных обстоятельствах. На удивление, пропал и слепок с плиты, изготовленный в 1873 г. по распоряжению А. С. Уварова, председателя Московского археологического общества. Слепок привезли в Москву и хранили в Типографской библиотеке— в здании, где сейчас находится Историко-архивный институт. В том же помещении был выставлен и древнейший из сохранившихся русских печатных станков—так называемый «образцовый стан» XVII в. Со временем Типографскую библиотеку передали Центральному государственному архиву древних актов, а вещественные экспонаты перевезли в Исторический музей. «Образцовый стан» сейчас находится там. А вот слепка надгробной плиты Ивана Федорова обнаружить не удалось.

Сохранились, правда, рисунки самой плиты и ее слепка. На ранних рисунках даты кончины Ивана Федорова нет. М. Гриневецкий и П. Кеппен, сделавшие эти рисунки в 1817 и в 1822 гг., той части надписи, где содержится дата, прочитать не смогли. На слепке же дата читается ясно: 6 декабря 1583 г.

Есть у нас и свидетельства людей, которые видели плиту еще в первой половине прошлого столетия. Все они единогласно утверждают, что Иван Федоров умер 5 декабря.

Как же быть?

Вот тут-то и помог «Апостол» из собрания Онуфриевского монастыря, найденный в Отделе редких книг Львовской академической библиотеки. По нижнему полю первых листов, а также на обороте фронтисписа этой книги я прочитал следующую запись:

«Сия книга Апостол есть монастыра Львовского преподобного отца Онуфрия пустынножителя иде же и друкарь ея есть погребению року божия 1583 дня 5 декабря...»

Дата повторена дважды—кирилловскими буквами и цифрами, а также в латинской транскрипции. Так что никаких сомнений в этом случае у нас быть не может.

Но откуда взял дату автор записи? Он сам говорит об этом: «...яко же свидетельствует его надгробок во церкви святого Онуфрия, находящийся пред алтарем пресвятыя богородицы».

В книге воспроизведен «герб» первопечатника—издательский знак Ивана Федорова, который автор записи срисовал с надгробия. Близкий по рисунку знак отпечатан и в конце «Апостола» 1574 г.

Запись заканчивается словами, свидетельствующими, что автор собственными глазами видел надгробную плиту. Каждый, подчеркивает он, кто сомневается, что типограф похоронен в Онуфриевской церкви, может взять «Апостол» 1574 г. в монастырской библиотеке, отнести его в церковь и сравнить изображения «гербов»: «...кийждо сия снести и сравнити может».

Запись сделана в XVIII в., когда текст на плите читался сравнительно свободно.

Уваровский же слепок был скорее реконструкцией, чем факсимильно точным воспроизведением. Это доказывает и тем, что Уваров частично освоверменил и русифицировал правописание надписи.

Обо всем этом я написал в статье «Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров» в журнале «Вопросы истории» в 1964 г.

400-летие со дня кончины первопечатника мы будем отмечать 15 (5) декабря 1983 г. В правильности даты теперь уже никаких сомнений нет.

В ЗАМКЕ ФРИДЕНШТАЙН

Куда только не раскидала судьба книги, которые когда-то держал в руках русский первопечатник.

Чтобы познакомиться с одной из них, я в 1968 г. поехал в Германскую Демократическую Республику—в старинный город Гота, торговый центр тюрингских ландграфов. Это удивительно зеленый и чистый городок. Неподалеку от рыночной площади можно сесть в трамвай и за полчаса доехать к подножию горных вершин Тюрингского леса.

В центре города в большом парке с вековыми дубами и кленами стоит замок Фриденштайн, построенный в XVII в. для герцога Эрнста Благочестивого. В одном крыле замка сейчас музей, среди жемчужин которого—всемирно известная «Любовная пара» художника, именуемого в специальных трудах «мастером домашней книги».

Другое крыло замка занимает прославленная библиотека, в которой 9000 рукописей и свыше 1000 инкунабулов.

Меня встретил красивый и молодой доктор Гельмут Клаус, прекрасно знающий русский язык. Еще в начале 60-х гг. Клаус обнаружил в библиотеке никому ранее не известное издание Ивана Федорова.

Он принес книгу в раскрытых ладонях—так носят неоперившихся птенцов.

Я раскрыл небольшой томик, одетый в пергамент, увидел рамку наборного орнамента. Текст внутри рамки гласил: «Всесильною десницею вышняго бога, умышлением и промышлением благочестивого князя Константина Константиновича Острожского воеводы Киевского, маршалка земли Волынской, старосты Володимирского повелевшу ему устроити дом на дело книг печатных. К тому же еще дом и детям к научению в своем отчизном и славном граде Острозе... И сея ради вины напечатана сия книжка по греческия «Альфа вита», а по руския «Аз буки» первого ради научения детского многогрешным Иоанном Феодоровичем».

На обороте титула—герб Константина Острожского. Выше—дата: «в лето от создания миру 6086, а от воплощения господа нашего Иисуса Христа 1578 месяца июня, 18 дня».

Это первое острожское издание—«Азбука», напечатанная за два года перед «Новым заветом», который сам Иван Федоров почему-то называл «первым овощем» Острожской типографии. Я держал в руках книгу, выпущенную в свет почти 400 лет назад, а думал об «информационном взрыве», порожденном научно-технической революцией.

Количество научных публикаций сейчас столь велико, что специалисты утверждают: проще начать исследование с «азов», чем разыскивать опубликованную по этому вопросу литературу.

Не так много людей занимаются историей славянского книгопечатания, особенно за пределами нашей страны. Всех их я знаю лично—Петра Атанасова из Болгарии, Лазара Чурчича из Югославии, Джона Симона Габриэля Симмонса из Великобритании, Людовика Демени из Румынии... Мы регулярно переписываемся, сообщаем друг другу новости.

И надо же так случиться, что никто не заметил публикации Гельмута Клауса, сделанной еще в 1961 г. Он составил каталог славянских книг библиотеки города Готы. На одной из страниц каталога помещено краткое описание «Азбуки» 1578 г. В приложении воспроизведен титульный лист книги.

Отшумел в 1964 г. юбилей 400-летия русского книгопечатания, когда, казалось бы, были подведены итоги всему тому, что писалось и говорилось об Иване Федорове на протяжении столетий. В Москве и во Львове состоялись многолюдные научные конференции.

Phil. A. p. 1656.

Эклибрис И. Э. Герхарда
из Азбуки 1578 г.

D. O. M. C. S.
PRO ERUDITIONIS
CULTORIUM COM-
MODO AUGENDO
BIBLIOTHECÆ
GERHARDINÆ
ADJECTUM ME
L. B. G.
SCITO.
ULTRA SEPTIMANÆ
SPATIUM E DICTA
BIBLIOTHECA NE
ME TECUM RE-
TINETO.
QUISQVIS ME FURTO
ABSTULERIS, NE
DEUM MATUM
SENTIAS,
CAVETO.

Общее число публикаций об Иване Федорове в юбилейном году приблизилось к цифре «400». Но ни один человек в том памятном году не назвал «Азбуку» 1578 г., сведения о которой были опубликованы за три года до юбилея.

Лишь в 1968 г. на страницах берлинского журнала «Цайтшрифт фюр Славистик» появилась статья немецкого филолога Г. Грассхофа и английского библиографа Дж. Симмонса с предварительным описанием никому не известного издания Ивана Федорова. А год спустя Немецкая Академия наук факсимильно воспроизвела «Азбуку», сопроводив публикацию подробным научным комментарием Г. Грассхофа, Дж. Симмонса, Г. Клауса.

На первых листах книги, вслед за титулом, помещены параллельные греко-славянские тексты — пособие для ученика, приступающего к изучению греческого языка. Со 2-й тетради начинается славянская азбука, полностью идентичная той, которая была найдена в Королевской библиотеке Копенгагена и которую А. С. Зернова датировала 1580—1581 гг. Как видим, она ошиблась совсем не немного.

На одном из листов «Азбуки» 1578 г. Г. Клаус нашел владельческую запись Элиаса Хуттера (1553—ок. 1606), сделанную в 1583 г. Это был известный востоковед и полиглот — говорят, что он знал все языки мира. В 1583 г. Хуттер жил в Дрездене при дворе саксонского курфюрста Августа, которому преподавал древнееврейский язык.

Каким образом «Азбука» попала к Хуттеру? Ответа на этот вопрос пока не было.

Клаус разыскал письмо словенского просветителя Адама Богорича к Хуттеру, датированное 31 июля 1583 г. Из письма следовало, что у Хуттера в ту пору уже была «русская или московитская Библия», которой очень интересовался Богорич. Это могла быть лишь «Острожская Библия» московского первопечатника.

Установил Клаус и дальнейшую судьбу «Азбуки». Хуттер перебрался в Нюрнберг — у него брал уроки еврейского, халдейского и арабского языков Даниель Швентер (1585—1636), впоследствии известный филолог и математик. Он-то и стал вторым владельцем «Азбуки». От Швентера книга перешла к профессору Иоганну Эрсту Герхарду (1621—1668), а от него уже — к Фридриху I, герцогу Заксен-Гота-Альтенбургскому, владельцу замка Фриденштайн в Готе.

«В ОБИТЕЛИ РАВАНИЦЕ В ЗЕМЛЕ СЕРБСКОЙ»

Еще С. Л. Пташицкий в 80-х годах прошлого века нашел в львовских архивах загадочный документ. «Сербин» Иван из Сочавы 22 октября 1579 г.

свидетельствовал о том, что он не имеет никаких претензий к Ивану Федорову в связи со спорами и денежными взаимоотношениями, которые были у них «в Валахии и в турецких землях».

Отгадываясь от этого документа, историки считали возможным предположить, что в 1578—1579 гг. Иван Федоров путешествовал по Молдавскому княжеству и по Сербии, которая в ту пору находилась под турецким владычеством.

Никаких других доказательств в пользу этой любопытной гипотезы не было!

Стародавнее поверие гласит, что 1 апреля—в традиционный день веселых обманов и розыгрышей—подчас случаются необыкновенные происшествия.

1 апреля 1979 г. югославские историки книги Владимир Ерчич и Лазар Чурчич возили меня по монастырям Фрушкой горы. Обитатели этой невысокой горы, неподалеку от Нового Сада, издавна славились своими библиотеками, которые—увы!—сильно пострадали в годы последней войны. В Крушеделе мне показали нарядный иконостас XVIII в., в Хопово—превосходные древние фрески. В Гретеге мы возложили цветы на могилу известного ученого Иллариона Рувараца, который много работал и в области истории книги.

Но вот мы во Врднике, где, как помнилось Лазару Чурчичу, он видел «Острожскую Библию». Монастырь называют еще Раваницей—по имени известной сербской обители, стоявшей на реке Мораве и разрушенной в конце XVII в. Монахи тайно перенесли во Врдник драгоценности монастыря и, прежде всего, останки прославленного военачальника, князя Лазаря, взятого в плен турками в 1389 г. во время трагической битвы на Косовом поле и тогда же зверски убитого.

В библиотеке монастыря действительно нашлась «Острожская Библия». Я раскрыл ее и увидел, что первых листов с предисловиями и вступительными статьями в ней не было. По нижнему краю листов узорной киноарной скорописью вылась надпись. Начало ее, к сожалению, не сохранилось. Запись читалась легко:

«В лето 6092 месяца декамбрия 1-го». Дальше лист был оборван, после чего сразу же шла дата по новому летосчислению—«от Рождества Христова»—«1583 г.» Дальше опять оборвано. Наконец я с волнением читаю слова: «... слуга его милости преславного и православного христолюбца князя Константина Константиновича нареченного Василия князя Острожского, воеводы Киевского маршалка или староста Волынского придах сию Библию... обители пречистого храма Вознесения господня монастыря, прозываемого Раваница в земли Сербской близ града Смедерево на реке Мораве близ Дунава».

Имя человека, подарившего книгу монастырю Раваница, не названо. Но слугой или «служебником» князя Острожского архивные документы неоднократно называют Ивана Федорова.

Как хорошо было бы предположить, что книга подарена самим первопечатником в бытность его в Сербии!

Но запись сделана 1 декабря 1583 г. Пять дней спустя Иван Федоров скончался во Львове.

Можно, однако, предположить, что в пору своей предсмертной болезни Иван Федоров решил сделать вклад в монастыри, в которых он побывал и которые были ему особенно памяты. Книгу впоследствии мог отвезти в Раваницу Иван из Сочавы. Если это так, то запись на книге может быть и автографом.

Категорически утверждать это мы, конечно, не решаемся. И все же находка, как нам кажется, очень серьезна и важна, ибо она свидетельствует о прямых связях между Острожской типографией Ивана Федорова и сербскими землями.

«ДРУГ РУССКОЙ КНИГИ»

Так называлась статья советского историка книги и библиофила Олега Григорьевича Ласунского, опубликованная 30 мая 1975 г. в газете «Книжное обозрение». Статья была приурочена к 60-летию Джона Симона Габриэля Симмонса.

Имя это знакомо читателю. Мы упоминали его в связи с недатированной «Азбукой», найденной в Оксфорде, и в связи с «Азбукой» 1578 г., одним из публикаторов и комментаторов которой был Джон Симмонс. В течение многих лет он изучает славянские фонды западноевропейских библиотек.

В Лондоне, в Нью-Йорке Симмонс отыскал экземпляры широкошрифтного «Четвероевангелия» — одной из первых московских печатных книг. В библиотеках «Корпус Кристи колледж» (Кембридж) и «Сион колледж» (Лондон) он нашел экземпляры второго издания «Часовника», напечатанного Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем в 1565 г. Книга очень редка. Известно 6 экземпляров обоих изданий — из них лишь два находятся в нашей стране. В Дублине Симмонс обнаружил «Апостол» 1564 г. — первую точно датированную московскую печатную книгу, а на Мальте — острожский «Новый завет» Ивана Федорова.

«Псалтырь с Часословцем», напечатанная Иваном Федоровым в 1570 г. в Заблудове, очень редка — один экземпляр сохранился во Львове, а второй — в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Самый полный из них — львовский — содержит 316 листов. В лондонской библиотеке «Ламбет Пелас» Джон Симмонс нашел третий экземпляр «Псалтыри» — в 370 листов.

Это лишь одна сторона деятельности Джона Симмонса. Очень кратко можно сказать о других.

Для этого откроем собственную «Автобиблиографию Дж. Симмонса», изданную в 1975 г. в Оксфорде. Среди 247 работ, указанных здесь, есть и такие: «Ф. М. Достоевский и А. К. Толстой: два письма», «Ранние издания Джордано Бруно в Ленинграде», «Ленинградский метод воспроизведения водяных знаков», «Инкунабулы в СССР», «Тургенев и Оксфорд»... На протяжении двух десятилетий Симмонс рецензирует советские труды по истории книжного дела на страницах английских журналов «Бук Коллектор» («Собиратель книг») и «Лайбрэри» («Библиотека»).

Я давно переписываюсь с Джоном Симмонсом. По моей просьбе он наводит справки в английских библиотеках об интересующих меня изданиях. По собственной же инициативе присылает мне ксерокопии статей о славянском книгопечатании, опубликованных в английской, американской, итальянской печати.

Этот маленький, очень подвижный человек с усиками и проникновенным взглядом поверх приспущенных очков удивительно симпатичен. Он неоднократно бывал в Москве. Выступая в 1964 г. на торжественном заседании Академии наук СССР по случаю 400-летия русского книгопечатания, он начал свою речь по-английски, но затем быстро перешел на русский.

«При чествовании Ивана Федорова и Петра Мстиславца в связи с их книгой — „Апостолом“ 1564 года, — сказал он, — уместно сказать в Москве несколько слов и по-английски. Это ведь был родной язык тех английских моряков и купцов, которые, после опасного плавания по северным морям, осели в Москве как раз вовремя, чтобы не только быть свидетелями появления на свет „Апостола“, но и знать — к нашей зависти — где и кем все эти таинственные, анонимные издания были напечатаны. Это также был язык и тех моряков, которые, во время второй мировой войны, идя по следам своих предков шестнадцатого века, по тем же опасным рейсам, жертвовали своей жизнью, чтобы доставить припасы и помочь своим советским союзникам».

«Есть еще и другая причина,—продолжал он,—почему британский библиограф и любитель книги может чувствовать себя как дома на этом чествовании. Английские кушцы шестнадцатого века опровергают ходячую легенду об одноязычном англичанине: ведь многие из них изучали русский язык и несомненно хорошо на нем говорили и писали. По возвращении домой, они дарили свои буквари и книги библиотекам, и, благодаря заботам библиотекарей, эти книги сохранились, в то время как те, которые были на родине, часто зачитывались до дыр».

Это очень точное объяснение тому, почему «Азбуки» Ивана Федорова так и не удалось отыскать в наших библиотеках. Книги попали в детские руки. А дети во все времена были неаккуратными читателями. С другой стороны, именно эти малого объема издания проще было вывезти за границу любопытствующим путешественникам.

О. Г. Ласунский свою статью о Симмонсе закончил следующими словами: «Приятно сознавать, что на Британских островах есть человек, которого можно с полным правом назвать другом советской книги. Джон Симмонс в основание своей неутомимой деятельности положил благородный принцип: через книгу — к дружбе между людьми и народами».

ПРОИСКИ АНТОНИО ПОССЕВИНО

Как-то пришел ко мне очередной пакет от Джона Симмонса. Я вскрыл его и обнаружил ксерокопию статьи из ватиканского журнала. Автор трактовал свою версию об отношениях князя Константина Острожского — покровителя Ивана Федорова — с римской курией.

Старые русские историки изображали князя Константина «ревнителем православия и защитником русской народности». Между тем деятельность князя не была однозначной. Он переписывался с Иваном Грозным и в то же самое время воевал против России. Именно в его замке был заключен брачный союз между Дмитрием Самозванцем и Мариной Мнишек.

Сам князь был православным, поддерживал Ивана Федорова, дав ему средства на издание «Острожской Библии». Но сын его, Януш, был воспитан в католической вере. Одна дочь Константина Острожского вышла замуж за Кристофа Радзивилла, кальвиниста, а другая — за Яна Кипку, покровителя «еретиков» — социниан.

С римской курией князь поддерживал наилучшие отношения. Он переписывался с папой Григорием XIII и с его доверенным послом — «легатом» Антонио Поссевино (1534—1611).

Поссевино был высокообразованным и несомненно талантливым человеком, сочетавшим широкую эрудицию, любовь к литературному труду с дипломатической деятельностью авантюристического толка. Уроженец Мантуи, он в 60-х гг. XVI в. преследует кальвинистов во Франции, затем мы встречаем его в Швеции, в Баварии, в Вене и, наконец, в Кракове.

Мелькают города и страны, но цель остается прежней — упорочение власти римской курии, борьба с лютеранством и другими «ересями».

Григорий XIII вызывает Поссевино в Рим и поручает ему нелегкую миссию — подготовить перемирие между Москвой и Польшей. В 1581 г. легат едет в Москву. 15 января 1582 г. было подписано десятилетнее перемирие. Второй раз Поссевино побывал в Москве год спустя. Но здесь его замыслы потерпели неудачу. Иван Васильевич Грозный категорически отказался признать главенство папы над русской церковью.

О своих путешествиях Поссевино написал книжку. Она была издана в Вильне в 1586 г. Книга имела успех. В 1587 г. ее переиздали в Антверпене и Кельне, в 1596 г. — Мантуе. Были и другие издания.

Поссевино описал свой долгий путь в Москву — через глухие лесные края со множеством озер и болот. Москва его поразила. Это был большой город. Чтобы пройти его из конца в конец нужно было сделать 9000 шагов. Легат рассказывает о Кремле и Китай-городе, о многочисленных лавках, стоявших здесь. Упоминает он и о типографии, работавшей в ту пору в Александровской слободе.

К типографиям у Поссевино был интерес особый. Он был убежден в необходимости проповедовать католицизм средствами печатного слова, для которого не существует ни границ, ни расстояний... Поссевино решил основать в Кракове типографию, которая бы печатала, как он писал, «книги на немецком языке для Пруссии, Ливонии, Трансильвании, на шведском — для Шведского королевства... на венгерском языке — для Венгрии и Трансильвании, а также на русском языке — для всей Руси и всей Московии».

13 января 1583 г. Поссевино написал в Рим кардиналу Птоломео Галли и попросил его прислать в Краков славянский шрифт, отлитый в Риме искусным мастером Роберто Грансоном. Пока неспешная почта несла письма из Кракова в Рим и обратно, Поссевино познакомился с «Острожской Библией» Ивана Федорова, которую прислал ему князь Константин. Он сравнил шрифты замечательной книги и напечатанного в Риме катехизиса, грубого, латинизированного. Поссевино понял, что русские, украинцы и белорусы не примут книг, напечатанных римским шрифтом. Книги эти всегда будут для них чужими.

Поссевино решил обратиться за помощью и консультацией к князю Острожскому. Князь Константин не замедлил с ответом. В июле 1583 г. он предложил Поссевино отправить в Рим специалиста-печатника и рисовальщика шрифтов, чтобы помочь ватиканским мастерам создать новый славянский шрифт. О том же князь написал папскому послу в Польше — Альберто Болоньетти.

В статье, которую прислал мне Джон Симмонс, цитировалось письмо Болоньетти от 20 июля 1583 г. кардиналу Птоломео Галли.

«Шесть дней назад, — писал посол, — с одним итальянцем, который поехал в Венецию, я послал Вашему Преосвященству русскую Библию, которую мне передал князь Константин Острожский. Князь просил меня дать знать монсеньеру его мнению, что буквы русского шрифта этой книги сильно отличаются от обычно употребляемых в Риме. Князь предоставил в распоряжение Его Святейшества своего очень знающего Типографа, чтобы оказать ему в этом деле посильную помощь... Преподобный отец Поссевино, который в этом частном деле, как и во всей своей деятельности по обращению схизматиков, проявил величайшую провицательность, сказал мне, что был бы рад узнать, кто именно этот типограф, которого князь предоставил в распоряжение папы».

Последняя фраза говорит о том, что Поссевино на этот раз обошли — Болоньетти перехватил инициативу.

Кто был тот типограф, которого князь Острожский отослал в Рим? Нас интересует это не меньше, чем Поссевино. В письме идет речь об «очень знающем» типографе. Так можно было сказать лишь об Иване Федорове.

В июле 1583 г., когда Болоньетти писал письмо в Рим, первопечатник находился в Вене, на полдороге между Краковом и «вечным городом».

Узнали об этом совсем недавно.

В ТАЙНОМ АРХИВЕ САКСОНСКИХ КУРФЮРСТОВ

Периодические мне присылают на рецензию статьи об Иване Федорове. В 1968 г., например, я рецензировал большую работу доктора биологических и технических наук Михаила Ивановича Волского. Известный ученый,

автор многих открытий решил заняться исследованием жизни и трудов русского первопечатника. Впрочем, пафос статьи был обращен против Ивана Грозного. В августе 1977 г. профессор Волский опубликовал в газете «Горьковский рабочий» статью, в которой пытался доказать, что Иван Грозный был... неграмотным.

Зимой 1968 г. я получил пакет из Института естествознания и техники. В сопроводительном письме меня просили написать рецензию на статью «Первопечатник Иван Федоров — пушечный мастер». Статью написал Влади́мир Губицкий, профессор кафедры неорганической химии Университета имени М. Склодовской-Кюри в Люблине.

О том, что Иван Федоров лил пушки, было известно давно. Еще в 1881 г. польский археолог А. Пави́нский опубликовал так называемые «подскарбинские книги», в которых тщательно регистрировались малейшие расходы польского короля Стефана Батория. В одной из записей шла речь о том, что «Ивану Федоровичу, печатнику Московитину» было выплачено сначала 45 злотых, а затем 70 злотых и 50 динаров на литье малой пушки по образцам, которые имелись у львовского старосты. Было это в январе 1583 г.

Прочитав название статьи В. Губицкого, я решил, что речь пойдет об этом незначительном эпизоде жизни и деятельности русского первопечатника. Но из пакета выпали фотографии... Латынь. Четкий уверенный почерк. В конце документа я прочитал подпись: «Joannes Fedorowicz Moschus typograhus graecus et slavonicus» то есть: «Иван Федорович Московитин, типограф греческий и славянский».

Сердце у меня дрогнуло: вот он, долгожданный автограф первопечатника!

Из статьи я узнал, что ее автор В. Губицкий в 1964 г. работал в Дрездене, в бывшем тайном архиве саксонских курфюрстов. Здесь-то он случайно и обнаружил письмо Ивана Федорова.

Из письма, написанного по-латыни, явствовало, что весной или ранним летом 1583 г. Иван Федоров отправился из Львова в далекий путь — в Вену, ко двору императора Рудольфа II. Столь нелегкое по тем временам путешествие он затеял, чтобы представить императору, как он писал впоследствии, «способ практического использования изобретения, которого до сих пор никто из людей не ведал».

О самом изобретении в письме говорилось глухо — Иван Федоров не хотел полностью раскрывать карты. К тому же речь шла об открытии, которое совершило бы революцию в военной технике. Ясно одно — первопечатник сконструировал и построил многоствольное оружие, своего рода «Катюшу» XVI столетия. Отдельные части орудия были взаимозаменяемыми — его можно было «разбирать на пятьдесят, сто и, даже, если потребуется, на двести частей».

Орудие хранилось в разобранном виде, а перед походом, когда государь собирался «разрушить или взять какую-нибудь крепость, либо завоевать государство», его монтировали «за три дня и три ночи».

«На обратном пути после победы над врагом, — писал Иван Федоров, — можно такие пушки опять разобрать на части. Но если бы нужда была большая, и неприятель очень теснил, то такого рода пушки за один день можно разобрать на части и разместить их отдельно. Кроме того, для подвоза и проверки такого орудия не требуется ни ящиков, ни повозок на колесах, укрепленных железом. Стало быть, можно легко привести в действие как на колесах, так и без колес».

Иван Федоров собрал небольшое такое орудие и привез его в Вену, где демонстрировал изобретение императору Рудольфу. По словам мастера, все «очень хвалили его», однако захотели узнать секрет без вознаграждения изобретателя. Ивану Федорову же необходимы были деньги для продолжения главного дела своей жизни — издания славянских печатных книг.

Сведущие люди посоветовали ему обратиться к саксонскому курфюрсту Августу, известному любителю военной техники. Так было написано обнаруженное В. Губицким письмо. Почти четыреста лет оно пролежало в тайном архиве саксонских курфюрстов, и никто ни разу не наткнулся на него.

Что было дальше, мы не знаем. Иван Федоров писал Августу, что может приехать в Дрезден и продемонстрировать ему изобретение.

Состоялась эта поездка или нет?

Тут я вспомнил об «Азбуке» 1578 г. и об «Острожской Библии», которые летом 1583 г. попали к востоковеду Элиасу Хуттеру. Ученый в ту пору жил в Дрездене при дворе курфюрста Августа.

Не сам ли Иван Федоров подарил свои издания Хуттеру?

Здесь как раз время и вспомнить о переписке князя Острожского с Поссевино и Болоньети.

Иван Федоров не мог одобрить заигрывания князя, на службе которого он находился, с Ватиканом. Традиционный облик гуманиста и просветителя, патриота родного языка никак не вяжется с делом, целью которого была в конечном счете колонизация украинцев и белорусов, подчинение национальной церкви Ватикану.

И все же печатник не решился отказаться от поручения Константина Острожского, он во многом зависел от князя. Да и денег на открытие собственной типографии не было. Потому Иван Федоров сказал князю, что поедет в Рим, решив по дороге заработать деньги для создания типографии. Для этого он вспомнил о давно уже известном ему ремесле.

До Рима типограф так и не доехал. Ни в Вене, ни в Дрездене денег ему достать не удалось. Он вернулся во Львов и здесь, как и ранее, в 1573 г., ему помогли простые люди. 80 золотых дал отец Леонтий. Были и другие пожертвования.

Но типограф неожиданно заболел и 5 декабря 1583 г. умер.

Дело его жизни — печатание славянских книг кирилловского шрифта — продолжили его ученики. А что же стало со славным изобретением — с многоствольным орудием?

СТОЗАРЯДНАЯ ПУШКА

В 1586 г. летописцы Московского государства занесли в свои рукописи событие чрезвычайной важности. «Повелением государя, царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси слита пушка большая, такова в Руси, и в иных землях не бывала, а имя ей Царь».

Это величайшее в мире артиллерийское орудие стоит сейчас в Московском Кремле. Многочисленные гости, посещающие столицу, в изумлении останавливаются перед ним. Всем замечательна «Царь-пушка» — и своими размерами, и красотой отливки... Длина ее 5,34 м, калибр — 890 мм, вес почти 39 тыс. кг.

Поляк Самуил Маскевич, побывавший в Москве в 1611 г., рассказывает, что «влезали в это орудие человека по три, и там играли в карты под запалом, который служил им вместо окна».

«Она может по справедливости считаться первым московским чудом», — говорил о «Царь-пушке» историк и археолог прошлого века Корнилий Яковлевич Тромонин.

Дульная и казенная части пушки украшены ажурным, тонко исполненным рельефом. В солнечный день поверхность ствола играет яркими бликами. Глубокие, подчеркнутые синевой тени выделяют рельефное литое изображение царя Федора Ивановича, едущего верхом в полном царском облачении, в короне и со скипетром в руках.

Мастер, сделавший «Царь-пушку», несомненно, был талантливым инженером и не менее искусным художником. На стволе пушки отлита надпись, указывающая, что делал ее «пушечный литец» Андрей Чохов.

Впервые это имя встречается в 1568 г. Последний раз — в начале 30-х гг. XVII в. Шестьдесят с лишним лет трудился Чохов во славу русского литейного искусства, шестьдесят с лишним лет лил пушки и колокола.

Кроме «Царь-пушки», Самуил Маскевич рассказывает и о другой московской диковинке. Удивляясь силе и мощи русской артиллерии, он писал о «бесчисленном множестве осадных и других огнестрельных орудий на башнях, на стенах, при воротах» Московского Кремля, Китай-города, Белого города. «Там, между прочим, — свидетельствует Маскевич, — я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо, а пули его с гусиные яйца».

Многоствольное орудие! Уж не Иван ли Федоров создал его?

Чтобы проверить это, проще всего обратиться к архиву Пушкарского приказа. Изю дня в день приказные дяки вели подробную летопись дел многочисленных пушечных и колокольных литцов, плавильщиков, горододельцев, колодезных и водовзводных мастеров. В толстых, переплетенных в кожу, расходных книгах аккуратно регистрировалась каждая копейка.

Архив Пушкарского приказа хранился в старом здании арсенала Московского Кремля. В 1812 г., отступая из Москвы, французы пытались взорвать Кремль. Пострадал и арсенал. Взрывом разрушило угол здания. Стены осели — и в образовавшийся пролом хлынул бумажный поток древних документов.

Лишь небольшая часть архива была спасена для науки Павлом Михайловичем Строевым. Но и эти документы со временем разошлись по разным собраниям. Некоторые из них Строев оставил себе. После его смерти они попали в Румянцевский музей и ныне хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина. Часть архива оказалась в собрании рукописей графа А. С. Уварова. В том самом, в котором отыскали «Четверо-евангелие» с гравированной на меди заставкой Феодосия Изографа.

В 1951 г. я нашел в этом собрании исключительно интересный документ. Позднее я, правда, узнал, что еще до меня с ним познакомилась А. П. Лебединская.

Это было донесение пушечных литцов Алексея Якимова, Михаила Иванова и Никифора Баранова; 7 сентября 1641 г. литцы осматривали «под навесом पिщаль медяную, и в ней сто зарядов». В дни польского нашествия орудие было в деле, и многие «заряды» у нее засорились. Но и сейчас, — отмечали литцы, — «осталось у нее целых 40 зарядов и теми заряды стрелять можно».

Это, бесспорно, то самое орудие, которое видел С. Маскевич.

Самым же замечательным в документе было то, что литцы назвали имя мастера и указали время изготовления «стозарядной пушки». Ее «делал пушечный и колокольный мастер Ондрей Чохов тому пятьдесят третий год».

Об этой находке я вспомнил, прочитав статью В. Губицкого. Стозарядная пушка Чохова представляет собой несомненную и весьма любопытную параллель к изобретению Ивана Федорова. Была она изготовлена в 1588 г. — через пять лет после демонстрации в Вене орудия Ивана Федорова.

Быть может, первопечатник как-то передал в Москву сведения о своем изобретении?

ГЕРБ ПЕРВОПЕЧАТНИКА

Узнав о письме Ивана Федорова, я не мог удержаться от соблазна перелистать его собственными руками.

И вот я в Дрездене. Я перешел по мосту на северный берег Эльбы, где еще были развалины. Вдали блестел на солнце «Золотой всадник» — конный памятник курфюрсту Августу Сильному — тому самому, с которым встречался Петр I; встреча колоритно описана А. Н. Толстым. Посреди развалин одиноко высилось чудом уцелевшее здание архива.

Я шел с тайной надеждой отыскать ответ курфюрста Ивану Федорову. Но ничего не нашел. Само же письмо оказалось чрезвычайно интересным. Оно было сложено в несколько сгибов и припечатано — конвертов в ту пору не было. Печать сохранилась плохо, но я разобрал на ней знакомые очертания типографской марки Ивана Федорова. Марка была помещена под дворянской короной, а следовательно вовсе не марка, а герб...

Герб этот появляется лишь во львовских изданиях. Мы встречаем его во львовском «Апостоле» 1574 г., где он, вместе с гербом города Львова, составляет сложную геральдическую композицию. Мы видим его также в «Азбуке» 1574 г. и в острожских изданиях — «Азбуке» 1578 г. «Новом завете» 1580 г. и «Библии» 1580—1581 гг. Воспроизведен знак и на могильной плите первопечатника.

На гербовом щите изображена лента, изогнутая в форме зеркального латинского «S». Лента рельефна, выпукла, о чем говорит шрифтровка у одного из краев ее, а также «гребень» рельефа, намеченный изогнутой линией. Сверху из ленты исходит стрела, наконечник которой составлен из разных по длине отрезков. На поле размещены буквы. В одном случае «Iw an» — имя первопечатника, а в другом «Ю» — его инициалы.

Как только не толковали историки это изображение. Они видели в нем параллели с известным издательским знаком венецианского типографа Альда Пия Мануция, на котором изображен якорь с обвивающим его дельфином. Другие, вспомнив выражение древнерусского книжника — «книги суть реки, напоющие вселенную», утверждали, что знак Ивана Федорова символизирует этот афоризм.

Лента — это река, а помещенная сверху стрела символизирует просветительскую роль книги. Некоторые говорили, что стрелка вовсе не стрелка, а типографский угольник — инструмент наборщика.

Лишь однажды типографским знаком Ивана Федорова занялся специалист по геральдике — В. К. Лукомский, который в 1935 г. опубликовал статью «К вопросу о родоприсхождении Ивана Федорова». Вывод его был неожиданным, но недвусмысленным: типографский знак — это шляхетский герб белорусского рода Рагоза. В геральдике он имеет специальное название — «Шренява». Объяснить, почему первопечатник взял этот герб, Лукомский не смог.

«Против гипотезы о принадлежности Ивана Федорова к роду Рагоза или Рагозиных можно сделать, в сущности говоря, только одно, но и самое веское возражение, — писал Лукомский, — это указание на полное и непонятное отсутствие упоминания им самим о своем родовом прозвании на всем протяжении своей жизни, равно как и на отсутствие в родовых росписях этих фамилий упоминания о славном их сородиче».

Против фактов, приведенных В. К. Лукомским, возразить никто не мог. Но статью его просто игнорировали. В ученых кругах тоненько посмеивались: московский дьякон — и вдруг дворянин.

Была еще одна возможность, на которую указал Лукомский, но которую тоже никто из современников всерьез не принимал. В Польше до 1601 г. магнаты могли «приписать» к своему роду человека, которому они были чем-то обязаны или которого хотели наградить. Этот акт получал название адаптации.

Но кто и когда применил его к Ивану Федорову?

У его покровителей гетмана Ходкевича и князя Острожского были совсем другие гербы.

В КРАКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В результате исследований советских ученых канула в небытие версия о трудолюбивом, но простоватом дьяконе, который, по указу царя Ивана IV и при содействии митрополита Макария, основал первую типографию в Москве. Со временем выяснилось, что дьякон был высокообразован, знал греческий язык и латынь, прекрасно знал западноевропейскую книгу и осваивал приемы ее художественного убранства. Он свободно путешествовал по Европе: побывал в Вене, Кракове, возможно, в Дрездене. Он переписывался с владельческими особами. Польский король Сигизмунд Август принимал Ивана Федорова «со всеми панами рады своея». Первопечатник встречался с императором Рудольфом, с польским королем Стефаном Баторием, писал саксонскому курфюрсту Августу...

Не так уж прост был этот дьякон! Да и дьяконом ли он был?

В 1968 г. я работал над книгой о начале славянского книгопечатания. Меня увлекла мысль — доказать, что первые славянские книги, напечатанные мастером Швайпольтом Фиолем в 1491 г. в Кракове, вписываются в гуманистическую атмосферу польского Возрождения.

С этой целью я и просматривал так называемые «промоционные книги» Краковского университета. Сюда записывали имена лиц, удостоенных ученых степеней бакалавра или магистра. Ездить для этого в Краков не пришлось, так как в 1849 г. эти книги издал Юзеф Мучковский.

Я нашел много имен, так или иначе связанных с деятельностью Фиоля. Но вот на страницах мелькнуло знакомое сочетание слов: «Joannes Theodogus Moscus». Иван Федоров Москвитин! Почти так же первопечатник подписался под письмом к курфюрсту Августу. Речь шла о том, что в 1532 г. когда деканом был магистр Ян из Пиотркова, степени бакалавра в Кракове был удостоен Иван Федоров Москвитин.

Если это первопечатник, то сколько же ему лет было в те годы?

Молодые люди записывались в Краковский университет 15—18 лет от роду, Николай Коперник, например, стал студентом в 18 лет. Чтобы получить степень бакалавра требовалось два-три года.

Значит бакалавр Краковского университета Иван Федоров Москвитин мог родиться около 1510 г.

Первопечатник Иван Федоров умер 5 декабря 1583 г.

Если допустить, что именно он учился в Кракове, в момент кончины ему было семьдесят с небольшим лет. Допущение вполне вероятное.

Однако арифметическими прикидками в нашем случае ограничиться нельзя. Сложность состояла в том, что в публикации «промоционной книги», изданной в 1849 г., вслед за именем Ивана Федорова Москвитина в скобках указано «каноник из Красностава».

Красностав — небольшой городок на реке Вешч, ныне находящийся в Люблинском воеводстве Польской Народной Республики. В 1490 г. сюда из Хрубешува была перенесена резиденция Хелмского католического епископа. При епископе состоял капитул, членом которого и был бакалавр Иван Федоров Москвитин.

Если это так, то это совсем не наш Иван Федоров! Ведь не мог же католический каноник стать впоследствии дьяконом церкви Николая Гастунского в Московском Кремле!

В «промоционных книгах» я нашел имя одного из покровителей Швайпольта Фиоля — Яна Турзо. В записи о присвоении ему степени бакалавра, сделанной под 1484 г., указано, что Турзо является гнезненским схоластиком, каноником и епископом Вроцлава. Все эти звания известный гуманист приобрел значительно позднее. Кафедру епископа Вроцлава он получил лишь в 1506 г., через 22 года после внесения записи в «промоционные книги».

Значит и приписки о дальнейшей судьбе воспитанников Краковского университета делались много позднее первоначальных записей. А в этом случае легко ошибиться!

Предположение подтвердилось.

Статью «Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете», опубликованную в 1969 г. в журнале «Советское славяноведение», я послал Анне Левицкой-Каминьской, известному польскому историку книги, которая тогда заведовала Отделом инкунабулов Ягеллонской библиотеки в Кракове. В этой библиотеке хранятся оригиналы «промоционных книг». Пришел ответ.

«Приписка „каноник из Красностава“,— писала Левицкая-Каминьская,— дописана значительно позднее, и как это пан и сам предполагал, не имеет никакой связи с первой записью. К открытию пана можно прибавить еще одно—новое. В „Альбуме Студиозорум“ в томе 2-ом на странице 245 под годом 1529-м друкаръ Иван фигурирует как „Иван Федоров из Питковичей“».

«Альбум Студиозорум»—книга, в которую записывались имена студентов при их поступлении в университет.

Правда, и в этом случае была сделана ошибка. Вслед за записью об Иване Федорове указано, что таинственные Питковичи находятся в Краковской епископии.

«Приписка эта позднейшая и снова ошибочная,— писала Левицкая-Каминьская,— так как в Краковской епископии нет и не было такого населенного пункта».

Я порадовался письму, а затем обложился географическими справочниками и стал искать Питковичи. Нашел три белорусские деревни с таким названием. Первая стояла в Вилейском повете на старой большой дороге из Минска в Вильну в 8 верстах от Радошковичей и в 57 верстах от Вилейки. Вторые Питковичи отыскались на реке Усе в Минском повете в безлесной холмистой местности близ местечка Койданова. Неподалеку—и третьи Питковичи—в Новогрудском повете на берегу реки Ишкольды.

Из тех же самых мест происходила фамилия Рагозиных, пользовавшаяся гербом «Шренява».

Круг вроде бы замкнулся.

Но я, как в свое время В. К. Лукомский, могу сказать:

«Против моей гипотезы можно сделать, в сущности говоря, только одно, но и самое веское возражение, это указание самого Ивана Федорова в рассказе о своем переезде в Литву—„Сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели“».

Если Иван Федоров родился в Белоруссии и учился в Краковском университете, могли ли Великое княжество Литовское и Польша быть для него «незнаемыми странами»? Хотя можно трактовать приведенную нами фразу из послесловия «Апостола» 1574 г. как литературную реминисценцию, каких в тексте послесловия немало.

Правильность или ошибочность гипотезы предстоит доказать будущим историкам, которые смогут обратиться к документации Минского, Вилейского и Новогрудского поветов и к архиву Краковского университета.

ДРУЖНОЕ ПЛЕМЯ ФЕДОРОВЕДОВ

В последнее время изучение первых шагов книгопечатания в России, на Украине и в Белоруссии стало важной отраслью отечественной историко-книговедческой науки. В наших очерках мы не могли назвать и десятой доли имен, которые этого безусловно заслуживают. Для этого пришлось бы написать еще несколько книг.

Успехи советского федороведения огромны и очевидны.

В 1975 г. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина выпусти-

ла в свет указатель литературы «Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова». В нем описаны 1754 книги и статьи, посвященные первопечатнику. 1164 из них опубликованы после Великой Октябрьской социалистической революции.

Торжественно отмечались юбилей — 350-летие (1933) и 375-летие (1958) со дня смерти Ивана Федорова, 400-летие начала книгопечатания в Москве (1964) и на Украине (1974).

Юбилейная литература подчас глубиной не отличается. На этот раз было по-другому. Коллективные труды «Иван Федоров первопечатник» (М.—Л., 1935), «У истоков русского книгопечатания» (М., 1959) и «400 лет русского книгопечатания» (М., 1964) знаменовали важные этапы становления советской историографии книги.

Будущим биографом Ивана Федорова работать будет значительно легче. В их распоряжении — капитальные своды источников. Среди них — сборник документов «Первопечатник Иван Федоров и его последователи на Украине» (Киев, 1975). Здесь собраны акты, разысканные в архивах С. Пташицким, И. Малышевским, Ф. Бостелем, В. Романовским. Здесь и документы, публикуемые впервые. Разыскали их львовские ученые Ярослав Дмитриевич Исаевич, Орест Ярославович Мацюк, Эдуард Иосифович Ружицкий.

К 400-летию книгопечатания на Украине вышел в свет монографический свод гравюр, заставок, концовок из книг Ивана Федорова. Этот труд называется «Художественное наследие Ивана Федорова», его автор — украинский искусствовед Аким Прохорович Запаско.

Читатель знаком с работами А. А. Гераклитова, А. С. Зерновой, М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова, А. И. Некрасова и некоторых других ученых, изучавших жизнь и деятельность Ивана Федорова, возникновение и первые шаги книгопечатания на Руси.

Назовем еще несколько имен.

Татьяна Николаевна Протасьева. Сотрудник Государственного Исторического музея в Москве. В 1955 г. выпустила книгу «Первые издания московской печати в собрании Государственного Исторического музея». В ней тщательнейшим образом изучены и воспроизведены водяные знаки бумаги, на которой напечатаны безвыходные издания.

Григорий Иванович Коляда. Профессор Ташкентского государственного университета. В 1961 г. защитил докторскую диссертацию «Иван Федоров — первопечатник». В ней он проследил факты лингвистической истории русских и украинских первопечатных книг, выявил примеры редакторской деятельности Ивана Федорова. «Иван Федоров — редактор первопечатного Апостола» — так называлась его статья, опубликованная в «Славянском сборнике», вышедшем в 1963 г. в Самарканде.

Иван Петрович Крипякевич. Действительный член Академии наук УССР, известный украинский историк. В 1953 г. в книге «Связи Западной Украины с Россией до середины XVII века» рассказал о жизни и деятельности Ивана Федорова во Львове, показал окружение первопечатника.

Евгения Ивановна Кацпржак. Старейший сотрудник Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, автор широко известной «Истории книги» (М., 1964). Ее научно-популярная книга «Первопечатник Иван Федоров» познакомила широкие читательские круги с личностью Ивана Федорова и его деятельностью.

Ярослав Дмитриевич Исаевич. Молодой львовский историк, старший научный сотрудник Института общественных наук Академии наук УССР. В 1975 г. выпустил монографию «Первопечатник Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине», написанную с превосходным знанием материалов. В селах Западной Украины Исаевич нашел несколько новых экземпляров изданий первопечатника. обстоятельно изучены им украинские издания Ивана Федорова, особенно же — «Апостол» 1574 г.

Николай Павлович Ковальский. Доцент Днепропетровского государственного университета. В 1972 г. выпустил книжку, скромно именуемую в подзаголовке «пособием для студентов», это — тщательно разработанная и обильно документированная монография. Называется она «Источники о начальном этапе книгопечатания на Украине».

Можно и нужно назвать еще немало имен. Например, Бориса Григорьевича Возницкого и Марию Борисовну Выдашенко, трудами которых во Львове создан первый в стране мемориальный Музей Ивана Федорова — он торжественно открылся в октябре 1977 г. Или Веру Ильиничну Лукьяненко, скромную труженицу Отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, которая досконально изучила безвыходную среднешрифтовую «Псалтырь» — одно из первых московских изданий. Писала Лукьяненко и об «Азбуке» 1574 г.

Из года в год накапливались материалы. Таинственный, размытый временем образ первопечатника приобретал все более определенные очертания. Ныне мы хорошо представляем себе человека, подарившего нашей стране книгопечатание. Патриот, гуманист, просветитель, ученый и педагог — таким был Иван Федоров!

Москва

БУКИНИСТ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Доводилось ли вам видеть за прилавком с печатной древностью человека в отутюженном флотском кителе, с идеальной белизны подворотничком и якорями на форменных пуговицах? Согласитесь, картина не совсем обычная. Ее можно было наблюдать в конце 30-х г. на улице Жуковского в Ленинграде, где располагался тогда магазин издательства Главсевморпути. Существовал в нем антикварный отдел (мореходы, покорявшие студеный океан, отыскивали здесь редчайшие лоции), и именно сюда любил заглядывать, когда не тревожили посетители, заведующий магазином Иван Сергеевич Наумов. Его неумолимо тянуло к старым книгам.

... Я смотрю на слегка потускневшую фотографию из семейного альбома, на молодое, пышущее здоровьем лицо, и кажется, что ловлю на себе этот сосредоточенный, пронизывающий взгляд. Смотрю и думаю: а ведь мы до обидного мало знаем о советских букинистах! Если говорить начистоту, то гораздо меньше, чем об их предшественниках. Пришла, наверное, пора позаботиться о создании истории советской антикварной книготорговли. Небесполезными оказались бы предварительные очерки-портреты, посвященные наиболее видным букинистам.

А уместно ли, спросите вы, вести об этом речь на страницах издания, обращенного к библиофилам? Несомненно. Настоящие букинисты всегда были и остаются искренними, верными соратниками и наставниками собирателей. Привычный маршрут экземпляра из одной частной библиотеки в другую — через полки антикварного заведения. Какое это огромное везение для библиофилов, когда в магазин приходит не просто профессиональный умелец, товаровед со стажем, не только знаток подержанной литературы, но человек, превыше финансовых планов и административного рвения почитающий книгу как нетленный памятник культуры, озабоченный не

только ее прошлым, но и будущим! Букинистический ценник не заслонит от него истинной, неразмеченной цены коллекционерской страсти и собирательской солидарности.

... Когда познакомишься с биографией Ивана Сергеевича Наумова, невольно возникает чувство особой многозначительности этой фигуры. Нет, никаких выдающихся подвигов им не совершено, да и поприще для этого слишком скромно. Важно другое. Мне кажется, в Наумове как бы откристаллизовался лучший тип отечественного книгопродавца в его современном варианте. Примечательно это слияние традиционных черт, свойственных русскому антиквару-демократу, с новыми признаками, воспитанными социалистической действительностью.

В Наумове, насколько можно судить по рассказам московских и особенно ленинградских книжников, гармонично соединились незаурядная эрудиция, деловая хватка и исключительная моральная чистоплотность. О таких людях нельзя забывать.

Иван Сергеевич принадлежал к фамильной букинистической династии. В прежней России кадры торговцев подержанными книгами зачастую поставлялись глухими селеньями. Особенно славились своими коммерческими талантами выходцы из Ярославской губернии. Земляками нашего героя были, например, букинисты М. П. Мельников, Ф. Г. Шилов, В. Л. Лебедев и др. Наумовых было несколько. Как удачно выразился А. И. Маркушевич (в первом выпуске «Альманаха библиофила»), ярославский крестьянский род Наумовых на протяжении ста лет не выпускал из рук букинистической эстафеты.

Родился Иван Сергеевич 27 сентября 1901 г. в деревне Тиколово Мологского уезда. Он был одним из последних русских самородков. Окончил всего-навсего церковно-приходскую школу в соседнем Рындино и в сентябре того же 1912 г. был привезен в Петербург и отдан «в мальчики» к книгопродавцу А. А. Климонову. Тот имел тесные связи с губернскими городами, и его помощники — «мальчики» трудились до пота, ублажая провинциальных заказчиков. При непосредственном участии юного библиографа было составлено и напечатано восемь каталогов.

Как вспоминает С. А. Наумов, хозяин всецело возложил на Ваню обязанность писать карточки на книги для соответствующих разделов очередного каталога. Он вел также картотеку на приобретаемый магазином антиквариат и на остатки почему-либо не разошедшихся изданий, купленных у авторов или взятых на комиссию. Лежали на нем и все почтовые сношения с провинциальной клиентурой, чему причиной

отчасти был его красивый каллиграфический почерк. Когда в 1957 г. Иван Сергеевич выступал в Доме ученых с докладом о букинистах Петербурга—Ленинграда, он назвал своего бывшего хозяина «королем букинистов», имея в виду богатство и умелую систематизацию книг в его магазине и на складах.

Таковы были библиографические университеты И. С. Наумова. Горько переживал он всегда отсутствие специального образования. Выручал практический опыт, вдумчивое чтение книг и общение с кругом столичных библиофилов.

В 1917 г. ученичество закончилось. А. А. Климонов предложил остаться у него приказчиком, но Иван решил вступить в пай со своим старшим братом Абросимом (1891—1964), который после обучения и работы у букиниста А. К. Гомулина открыл собственное дело на Моховой, 43.

Магазинчик помещался в полуподвале, там же в задней комнате братья и ночевали. В их каморке звучали стихи (Ивану нравилось декламировать классические строки), порой разгорались литературные споры. Ведь недалеко находилось издательство «Прибой», и постоянными посетителями лавки бывали писатели и журналисты. Заглядывал и Горький. Вороша книжные россыпи, охотно вступал с братьями в беседу, вспоминал о встреченных во времена своей бродяжнической жизни библиотекарях. Уходя, оставлял листок со списком нужных ему изданий.

Иван Сергеевич сблизился со многими библиофилами и непременно старался чему-то у них научиться. Иной раз это выражалось в самых решительных поступках. Познакомился с доктором Ф. С. Авиновицким и стал ходить на медицинские курсы. Зачастил было в полуподвальчик искусствовед Г. И. Гидони—Иван Сергеевич оказался на отделении гравюры и графики Академии художеств. Работа с книгой требовала многогранных знаний.

Теснее, чем с другими коллегами-букинистами, сошелся Иван Сергеевич с крупным знатоком русского и зарубежного антиквариата А. С. Молчановым. Тот почитл его, как говорил, своим благорасположением. Это означало, что старик, не скупясь, передавал Наумову все свои «производственные секреты». Притом отечески наставлял: природная интуиция, нюх на книги, своего рода вдохновенное озарение— вот что еще, как хлеб и воздух, нужно антиквару. Ведь в его работе есть что-то от искусства, от творческого горения... В библиотеку Наумова после смерти А. С. Молчанова перешли некоторые его материалы.

С весны 1921 г. начинается деятельность Наумова на ниве государственной книготорговли. Где только не приходилось

ему трудиться—в магазинах Губполитпросвета и «Наука и школа», в акционерном обществе «Международная книга» (там и встретился с А. С. Молчановым), в магазине издательства Главсевморпути. Разбирал запасы Государственного книжного фонда. Они хранились в Петропавловской крепости, в маленькой церковке. Книжные горы воздвиглись из разрозненных собраний, некогда украшавших реквизированные особняки аристократов и фабрикантов. Наумов ежедневно приводил сюда группу библиотечарей. Осиротевшие было книги вновь обретали крышу над головой. Теперь они могли служить верой и правдой новому читателю.

Работая в магазине Ленкогиза, Иван Сергеевич в 30-е гг. приобрел у наследников букиниста Л. Ф. Мелина его давно законсервированную библиотеку. Основную часть ее перекупила московская Книжная лавка писателей. Некоторые издания были уступлены библиофилам. Например, пять первопечатных отдельных глав «Евгения Онегина» остались у С. Л. Маркова, известного обладателя великолепно подобранной пушкинианы.

Только дважды в жизни Наумов вынужден был оставлять на время книги: в годы гражданской и Великой Отечественной войн. С декабря 1941 по январь 1944 г. Наумов провел в действующей армии. Он защищал сделавшийся для него родным город на Неве. Любовь к книгам, к священным реликвиям прошлого и любовь к Отчизне—эти чувства по существу своему родственны и неразделимы. В суровые дни блокады Наумов передает в дар Артиллерийскому историческому музею Красной Армии рукописный приказ фельдмаршала М. И. Кутузова от 12 октября 1812 г. об изгнании неприятеля из пределов России.

На фронте санинструктор Наумов выносил из-под огня раненых бойцов: вот когда пригодились полученные на медицинских курсах навыки. В конце концов и сам оказался в госпитале, где пробыл после тяжелого ранения почти до самой Победы. Больше Иван Сергеевич уже не расставался со своими безмолвными друзьями.

... На улице Герцена, рядом с Невским проспектом, находится антикварно-букинистический магазин № 53 Ленкниги. Так значится на вывеске. Однако библиофилы, намереваясь отправиться сюда, выражались гораздо проще: «Пойти к Ивану Сергеевичу...» Магазин, где Наумов директорствовал до дня смерти (3 января 1972 г.) стал негласной штаб-квартирой «питерских» книголюбов, а сам он был признан в профессиональной среде старейшиной и арбитром во всех спорных ситуациях.

Тысячи изданий, автографов, гравюр прошли за эти годы через руки Ивана Сергеевича. Ему не надо было растолковывать, что такое долг советского букиниста. Он терпеть не мог красивых слов. Но когда к нему попадал какой-нибудь уникум, он звонил прежде всего в музеи и архивы. Все самое значительное предлагалось в первую очередь общественным хранилищам.

Один из постоянных клиентов Наумова вспоминает: увидел он в витрине магазина давно желанное первое издание 14-томного «Военного энциклопедического лексикона». И вдруг выяснилось, что есть еще претендент — Суворовское училище. Все доводы и мольбы библиофила оказались напрасными. Иван Сергеевич был неумолим.

Как-то принесли в магазин рукописный список «Путешествия из Петербурга в Москву». За все годы только дважды встречались Наумову списки крамольного радищевского произведения. На этот раз экземпляр поражал завидной сохранностью. Сколько приятелей Ивана Сергеевича зарились на список, сколько было обид и даже ссор, но раритет ушел по назначению — в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сюда же, при содействии Наумова, передано было множество других печатных и рукописных материалов.

Письменный стол в директорском кабинете был забит до отказа. Среди сводок, отчетов, докладных и прочих официальных бумаг отдельной стопкой лежали листы с факсимиле пушкинского почерка в разные периоды жизни поэта. И тут же лупа. Скажите, какой из антикваров не надеется заполучить автограф великого стихотворца? Надеялся и Наумов. Ему уже приносили две рукописи якобы Пушкина, но экспертиза не подтвердила подлинности. Однако мечта не оставляла. И вот однажды...

Это произошло после смерти Сергея Леонидовича Маркова. Иван Сергеевич знал, что у того, помимо прекрасных книг, есть и небольшая коллекция рукописей. В ней — автограф Пушкина. На этот раз авторитетные эксперты не сомневались: подлинник, рука гениального поэта. Сами эксперты были потрясены. Отыскались страницы, считавшиеся давно утерянными. Так, уникальный, со многими поправками текст «О народном воспитании» (1826) поступил в Пушкинский дом. Бронированная комната-сейф, где покоятся рукописи автора «Евгения Онегина», пополнилась еще одной единицей хранения. Мечта старого букиниста осуществилась: не зря столько лет находились в боевой готовности лупа и снимки пушкинских почерков.

При посредничестве Ивана Сергеевича в Рукописный отдел Института русской литературы попали также другие реликвии, в частности автограф романа декабриста В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна». Десятки обнаруженных букинистом документов и иллюстраций были опубликованы в сборниках «Литературного наследства». «В большой мере успех нашего издания,— писал Наумову доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн,—обязан деятельности таких людей, как Вы,—неутомимых энтузиастов книжного и антикварного дела, всегда готовых к новым поискам...»

Трудно представить все те духовные ценности, которые благодаря Ивану Сергеевичу оказались в общественных коллекциях. Помогал он и библиофилам. Наумов мыслил и здесь широко, по-государственному: понимал, что находящиеся у библиофилов сокровища есть часть единого общенационального культурного фонда. Личные собрания, по мнению Наумова, являются в своей совокупности тем неисчерпаемым резервуаром, на который всегда могут рассчитывать комплектаторы ведущих библиотек страны.

Много книголюбов обязано Ивану Сергеевичу своими радостями. Кто только не пользовался услугами ленинградского букиниста: М. Горький, Д. Бедный, А. Н. Толстой, В. Лидин, Вс. Рождественский, С. И. Вавилов, О. Ю. Шмидт, В. А. Десницкий, М. П. Алексеев, Н. П. Смирнов-Сокольский, С. Л. Марков, М. С. Лесман... Иван Сергеевич отличался удивительным доброжелательством к любителям книги. Он находил способ помочь каждому. Единственная его «корысть» состояла в том, чтобы экземпляр попал в достойные руки.

Как трепетали библиофильские сердца при словах, произнесенных с оттенком какой-то торжественности: «У меня для вас что-то есть...» или: «Подождите здесь—сейчас что-то вынесу...»

Кто больше испытывал при этом удовольствия—покупатель или сам директор магазина? Наверное, оба. Всегда несколько замкнутый и внешне суровый, Наумов в такие минуты преображался. Его лицо расцветало лучистой улыбкой. Когда это «что-то» (книга, брошюрка, или гравюра) переключивалась в дрожащие от волнения руки, Иван Сергеевич оценивающе оглядывал нового владельца, словно прикидывая: а не передумать ли в последний момент? Надо было видеть эту трогательную сцену!

Более всего опасался Наумов разочароваться в собирателе. Он перестал бы уважать вчерашнего клиента, если б убедился, что тот охладил к предмету своей страсти.

Люди ощущали это бескорыстие, это внутреннее благородство и тянулись к Наумову. Его рабочая комната зачастую превращалась в некий библиофильский салон. На стеллажах вдоль стен стояли библиографические жемчужины, красовались прекрасные шнелевские переплеты. Но центром этого маленького мирка оставался сам хозяин. Его переполняли разные книжные истории, осведомленностью он обладал энциклопедической, к тому же был живой летописью ленинградской букинистики. Устные рассказы Ивана Сергеевича непременно привлекали аудиторию, кое-кто до сих пор упрекает себя за то, что не записывал услышанное.

Его излюбленным афоризмом были слова Цицерона: «Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души». В тесной комнате коммунальной квартиры, где обосновалось дружное семейство Наумовых, тоже обитали книги. Иван Сергеевич искал материалы о старом Петербурге, а также литературу, связанную с пушкинской эпохой. Но магистральной темой собирательства стали издания по книговедению, библиографии, библиофилии.

Библиотека Наумова была, с одной стороны, рабочая, а с другой — сугубо любительская. В ней можно было найти немало экземпляров из категории особых, подносных, именных, нумерованных, с дарственными надписями, владельческими маргиналиями, экслибрисами и другими персональными приметами. Обращала на себя внимание безукоризненная сохранность книг. Нет, Наумов отнюдь не относился к тому сорту библиоманов-эстетов, которые из «принципиальных» соображений не поставят на свою полку экземпляр, если на одной из страниц погнулся уголок.

Много в Ленинграде музеев. Но, на взгляд букиниста, не хватало еще одного — по истории русской книги. И он открывает своего рода музей у себя на дому. Тут он сам был и экскурсоводом, и посетителем. Сейчас смотришь на «экспонаты» этого музея с каким-то непередаваемым чувством. В них точно запечатлелась частичка отгоревшей судьбы. Пусть же и они принесут очередным обладателям то неопишное библиофильское счастье, которое сполна испытал прежний хозяин.

Потомственный букинист, шестьдесят лет проведенный среди редчайших изданий, Иван Сергеевич мог бы сказать про себя: «Не жизнь ради книг, а книги ради жизни, как часть жизни, как сама жизнь». Он бесконечно любил книги, но они не заслоняли многоцветья окружающей реальности.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И. МАЕВСКОГО

В 1910 г. на прилавках многих книжных магазинов Москвы и Петербурга, а также «во всех главных книжных магазинах империи», как сообщалось в книготорговой рекламе, появился сборник клондайкских рассказов Джека Лондона под названием «Белое безмолвие». Эта книга положила начало первому в Европе собранию сочинений американского писателя. Его издателем и основным переводчиком стал Иосиф Альбинович Маевский (1874—1937) — человек прогрессивных убеждений, разносторонних знаний и незаурядных организаторских способностей.

За свою сравнительно недолгую издательскую деятельность ему удалось выпустить около ста изданий, многие из которых нашли широкий отклик в культурных кругах предреволюционной России. Однако имя Маевского-книгоиздателя почти забыто современными книговедами и библиофилами. Об этом свидетельствует и то, что его издательство не вошло в перечень статей будущего энциклопедического словаря «Книговедение»¹.

Попытаемся восполнить этот пробел и рассказать читателям о многогранной и плодотворной издательской деятельности Маевского.

I

И. А. Маевский родился в Италии, в городе Фиуме близ Триеста (ныне — город Риекка в Югославии) в семье гуцула Альбина Маевского и сербки Леопольдины Поллак. Отец, инженер-строитель паровых мельниц, в 1882 г. занял место директора одной из них в Кременчуге. Здесь мальчик окончил реальное училище, а через несколько лет по настоянию отца,

¹ См.: Энциклопедический словарь «Книговедение». Словник.— М., 1972.

желавшего видеть старшего сына медиком, поступил в Женевский университет.

Весной 1899 г. Маевский закончил университет и вместе с женой и двухлетним сыном по заданию группы анархистов отправился в Канаду. Цель путешествия была сугубо деловая: требовалась срочная медицинская помощь очередной партии духоборов, поселившихся в Канаде; необходимо было перенести типографию группы в Канаду. Год спустя в письме Кропоткину² Маевский подробно рассказал о тяжелых условиях жизни переселенцев. Касаясь женевской типографии, он писал, что перед отъездом он сдал ее в транспортную контору, рассчитывая при первом удобном случае перевезти в Канаду для продолжения «дела» и «воспользоваться близостью к Нью-Йорку для того, чтобы приняться за издание чего-н. периодического»³. Но при тех скудных материальных средствах, которыми располагали Маевский и его товарищи, невозможно было осуществить этот план. «Мне это больно, но пока участие мое в деле, с которым я сроднился и которое меня могло сколько-нибудь удовлетворять,—представляется для меня трудно достижимой мечтой,—с огорчением отмечал Маевский.—Я надеюсь, что обстоятельства... вернут меня в Европу и дадут мне возможность вновь приняться за прежнюю деятельность и м. б. осуществить то, что мне не удалось привести в исполнение в первый период моего заведывания типографией»⁴.

Маевскому не пришлось ждать возвращения в Европу для продолжения «дела». Спустя пять лет, твердо обосновавшись в Сан-Франциско (он работал рентгенологом в клинике доктора Монтгомери) и получив американское гражданство, он вновь занялся издательской деятельностью. Толчком к этому послужила ситуация, сложившаяся в России после 9 января 1905 г. Маевский становится одним из организаторов и секретарем Калифорнийского общества друзей русской свободы, которое возглавила известная американская социалистка Анна Струнская⁵. Общество выпустило «Воззвание» к американским

² Письмо И. А. Маевского к П. А. Кропоткину от 8 мая 1900 г.—ЦГАОР, ф. 1129, оп. 2, д. 1627.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же, л. 8, 9.

⁵ Анна Струнская (1880—1964)—дочь выходцев из России, в начале 80-х гг. XIX в. переселившихся в США. Осенью 1899 г. познакомилась на одной из лекций с Дж. Лондоном, а затем в соавторстве с ним выпустила роман «Письма Кемптона и Уэйса» (1902). Вместе со своим мужем, известным социалистом и журналистом Уильямом Инглишем Уоллингом, Струнская пробыла в России около двух лет (1905—1907). Оставила рукописные воспоминания об этом периоде.

гражданам, в котором призывало их к поддержке русских прогрессивных сил, требующих конституции и политических свобод. Свою главную цель Общество видело в том, чтобы «быть средством распространения правдивой информации об успехе русской революции и организовать моральную и финансовую поддержку делу России»⁶. Среди подписавших это «Воззвание» были виднейшие лидеры Социалистической партии Калифорнии, в том числе Джек Лондон. Благодаря денежным средствам, поступившим в кассу Общества, Маевский организовал издание газеты «Русское обозрение» («The Russian Review»). Ее редактирование, хотя и на недолгое время (с мая по сентябрь 1905 г. вышло 5 номеров газеты), позволили Маевскому вернуться к «делу», которое «могло сколько-нибудь удовлетворять» его.

Последующие два года Маевский активно занимался революционной пропагандой среди русских эмигрантов. Он основал и возглавил «Кружок русских социалистов», объединивший революционно настроенных эмигрантов, посылал корреспонденции в заграничную революционную периодику, строил планы возвращения в Россию для продолжения издательской деятельности, которую считал для себя одним из наиболее действенных средств революционной пропаганды и в то же время придавал ей большое просветительное значение.

В сентябре 1907 г. И. А. Маевский с семьей покинул Америку.

II

Около года, перед возвращением в Россию, Маевский провел в Париже. Встречался с бывшими сокурсниками по Женевскому университету, с товарищами по революционной работе, занимался медицинской практикой, а главное, — готовился к жизни в России, в которой не был уже более 12 лет. Поэтому самыми желанными его собеседниками были недавние москвичи и петербуржцы. Ссылаясь на рассказы Маевского об этом времени, его дочь, Светлана Иосифовна, отмечает, что в первой половине 1908 г. он познакомился с эмигрировавшим из России С. А. Скимунтом⁷, которому удалось избежать тюремного заключения за издание легальной

⁶ The California Society of the Friends of Russian Freedom Statement. San Francisco, 1905, p. 2—Текст «Воззвания» был предоставлен нам литературоведом В. М. Быковым.

⁷ Скимунт Сергей Апполонович (1862—1932)—московский издатель и владелец книжного магазина «Труд», друг А. М. Горького.

*Дом в Скатертном переулке,
где жил и работал И. А. Маевский в 1910—1918 гг.*

марксистской газеты «Борьба» (1905) и двух запрещенных цензурой книг. Вероятно, именно Скирмунт указал Маевскому на издателя В. М. Саблина⁸, как на верного человека, готового помочь неблагонадежному иммигранту устроить свою жизнь. Осенью 1908 г. Маевский приехал в Москву, и В. М. Саблин сразу же принял живейшее участие в его судьбе. Узнав об издательской и переводческой практике Маевского, Саблин вскоре сделал его своим доверенным лицом и представителем фирмы на I Всероссийском съезде издателей и книгопродавцев в Петербурге⁹. В 1909 г. Иосиф Альбинович уже был редактором перевода книги А. Барра «Босния и Герцеговина под австрийским владычеством». Быстрому сближению Маевского с Саблиным способствовало многое: оба были врачами по образованию, оба тянулись к журналистике, переводческой и издательской деятельности, наконец, ненавидели самодержавие и участвовали, каждый по-своему, в борьбе с ним.

⁸ Саблин Владимир Михайлович (1872—1916)— крупный московский книгоиздатель, владелец типографии (с 1906 г.), переводчик. За годы активной издательской деятельности (1901—1912) Саблин выпустил около 600 названий книг и брошюр при участии более 150 переводчиков.

⁹ См.: Труды I Всероссийского съезда издателей и книгопродавцев.— Спб., 1909.

За время их совместной работы (1908—1909) в издательстве Саблина вышло около 60 книг самого разнообразного содержания, в том числе отдельные тома из собрания сочинений Д'Аннунцио, С. Лагерлеф, С. Пшибышевского, Ж. Роденбаха и А. Стриндберга.

Издательский опыт, приобретенный ранее в женевской типографии, а затем при выпуске «Русского обозрения», значительно возрос во время работы у Саблина. Это позволило Маевскому в 1910 г. организовать самостоятельное книгоиздательство «Атенеум», или, как оно писалось на марке в первое время,— «Athenaeum». В «Сборнике сведений о действующих в России торговых домах» (СПб, 1912) издательство числится как «полное товарищество», а И. А. Маевский— как «И. О. Р. полных товарищей», т. е. исполняющий обязанности распорядителя, иначе говоря, доверенное лицо товарищества. По ряду свидетельств, сотоварищами Маевского были С. А. Скирмунт и его давний друг и компаньон В. А. Крандиевский.

Содействие культурному сближению с Западом, знакомство русских читателей с литературными новинками западно-европейских и американских писателей—такова была цель нового издательства.

Одним из первых изданий «Атенеума» стал сборник произведений Б. Шоу, куда вошли две пьесы: «Избранник судьбы» и «Шоколадный солдатик» в переводе И. А. Маевского и его жены, печатавшейся под псевдонимом «М. Андреева». Это был первый том из задуманного издателем собрания сочинений Шоу. Интересно отметить, что книга была послана Маевским в дар Л. Н. Толстому. В архиве писателя сохранилась сопроводительная записка издателя, датированная 28 апреля 1910 г.: «Многоуважаемый Лев Николаевич, когда я переводил и редактировал „Избранник судьбы“ и „Шоколадный солдатик“ Б. Шоу, мне несколько раз вспоминались отдельные мысли Ваши как из „Войны и мира“, так и из позднейших Ваших произведений, и я подумал, что Вам, может быть, доставило бы удовольствие прочитать эти две вещи в русском переводе. Прошу Вас не отказать принять от меня посылаемый Вам сегодня томик.»¹⁰

Толстой принял подарок и просил своих родных отблагодарить Маевского¹¹.

Вскоре вышел еще один том Б. Шоу в переводе Маевского— «Женщина с саблей» (1911), представляющий собой «зло-

¹⁰ Письмо И. А. Маевского к Л. Н. Толстому от 28 апреля 1910 г.— Отдел рукописей Музея Л. Н. Толстого, фонд Л. Н. Толстого.

¹¹ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90-та т., т. 81, с. 301.

бодневный очерк, составленный по передовым статьям и хронике ежедневных газет». На этом задуманное собрание сочинений прекратилось, так как одновременно с Маевским два солидных московских издательства (В. М. Саблина и «Современные проблемы») начали выпуск многотомных изданий Шоу, что резко снизило спрос на книги еще никому не известного «Атенеума». Тогда, вслед за Саблиным, Маевский решил на издание собраний сочинений малоизвестных или вообще неизвестных русскому читателю зарубежных авторов, стремясь представить их творчество с достаточной полнотой. Однако если Саблину, благодаря более широкой постановке дела (собственная типография, большое число внештатных переводчиков и т. д.) удавалось доводить до конца даже явно не имевшие спроса многотомные собрания, то Маевскому приходилось отказываться от их завершения¹². Ошибки в выборе автора убедили его в том, что одним книгоиздательскими навыками мало для правильной постановки дела — требовалось еще особое чутье, умение найти своего читателя и нужного автора. В начале 1910-х гг. таким автором оказался Джек Лондон. Он был необходим и тогдашней читающей России, и самому Маевскому, ибо в нем скрестились все истинные интересы его — революционера, издателя и переводчика.

Самобытное и оригинальное творчество Джека Лондона Маевский смог оценить еще в годы своего пребывания на его родине — в Сан-Франциско. Их знакомство, вероятно, состоялось на одном из митингов или в доме у Анны Струнковой. Впоследствии их сблизило участие в Калифорнийском обществе друзей русской свободы, и, наконец, частые встречи и беседы в Глен Эллене летом 1906 г., когда писатель работал над романом «Железная пята»¹³.

Маевский не был первым издателем и переводчиком произведений Джека Лондона в России. До него на страницах «Детского чтения» (1905), а через год в «Юной России» были напечатаны повести «Дикая сила» («Зов предков» — Л. Ю.) и «Белый клык». В конце года подписчики журналов получили два сборника северных рассказов писателя. Джек Лондон был

¹² Так, остались незавершенными десятитомное собрание сочинений Матильды Сарао (вышло 5 томов), двенадцатитомное собрание сочинений Израэля Зангвилля (вышло 4 тома), сочинения Антонио Фагаццаро, Эдмондо де Амичиса и Грации Деледды, вошедшие в «Библиотеку „Атенеума“» и представленные лишь первыми томами. Более удачным по выбору оказалось собрание сочинений Альфонса Доде.

¹³ По свидетельству сына издателя, Б. И. Маевского, лето 1906 г. семья Маевских провела в гостях у земляка Горденко, ферма которого граничила с фермой Дж. Лондона. Это обстоятельство способствовало их более тесным дружеским связям.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.
(Авторизованное изданіе).

Томъ XVIII.

До Адама.

Разрѣшеніе на изданіе произведеній Д. Лондонъ въ русскомъ переводѣ, а также исключительное право перевода его повѣстныхъ произведеній съ рукописи предоставлено авторомъ книгоиздательству Г. А. Маевского.

*Авторизованный переводъ съ англійскаго
М. П. Лярусевой.*

ИЗД. Г. А. МАЕВСКАГО.
МОСКВА—1914.

*Разворотъ титульнаго листа
XVIII тома Полн. собр. соч. Дж. Лондона, 1914 г.*

воспринятъ большинствомъ читателей какъ приключенческій писатель для детей и юношества. Задачей Маевского было побудить русскихъ читателей говорить о Джеке Лондоне, какъ о большомъ и своеобразномъ писателе горьковскаго направленія.

Подъ маркой «Атенеума», черезъ два года переименованнаго въ «Книгоиздательство И. А. Маевского», вышли первые тома собранія сочиненій Джека Лондона въ переводѣ Маевского и Андреевой. Тиражъ разошелся стремительно. Ободренный успешнымъ началомъ, Маевскій рѣшилъ вмѣсто задуманнаго десяти томнаго изданія выпустить все, что написалъ и впредь создастъ писатель. Съ этою целью въ январѣ 1911 г. издатель пишетъ въ Гленъ Элленъ подробное письмо съ условіями ихъ возможнаго договора. Несколько задержавшись съ отвѣтомъ изъ-за болѣзни, Джекъ Лондонъ писалъ Маевскому въ мартѣ 1911 г.: «...Мнѣ нравится все, что Вы предлагаете въ отношеніи русскихъ изданій моихъ книгъ. Не согласитесь ли Вы составить договоръ, содержащій условія, предложенныя Вами въ своемъ письмѣ?» Судя по отдѣльнымъ абзацамъ деловаго письма Лондона, можно догадаться о содержаніи неизвѣстнаго намъ письма Маевского. «Относительно будущихъ книгъ: я договорюсь съ моими издателями посылать Вамъ ихъ корректурныя листы, какъ только они будутъ отпечатаны въ Соединенныхъ Штатахъ., До Адама»—

единственная книга, на которую я дал свое разрешение перевода на русский язык... У меня нет опубликованной автобиографии. Моя книга, названная „Дорога“, была издана, но она содержит только несколько моих воспоминаний о периоде, когда я был американским бродягой. Я прилагаю при этом фотографию, автобиографические сведения и т. п.»¹⁴.

Вскоре Маевский получил большую посылку из США с полной подборкой ранее вышедших сборников Дж. Лондона. Благодарный издатель, в знак признательности, послал писателю несколько книг и журналов с его произведениями, вышедшими к тому времени в России, а также сувенир — большой медный самовар.

С конца 1911 г. (с 3-го тома) все вновь вышедшие произведения были авторизованными и имели на обороте авантитула следующее объявление: «Разрешение на издание произведений Д. Лондона в русском переводе, а также исключительное право перевода его новейших произведений с рукописи представлено автором книгоиздательству „Атенеум“» (с 5-го тома — книгоиздательству И. А. Маевского).

С 1913 г. в авторизованном переводе Маевского и Андреевой стали выходить два собрания сочинений Дж. Лондона в виде приложений к журналам «Север» (Спб.) и «Новая жизнь» (М.), выпуск которых прервался из-за I мировой войны. В их же переводах были опубликованы отдельные рассказы Лондона в «Новом журнале для всех» (1912, № 12), в «Новой жизни» (1912, № 1) и в «Современном мире» (1912, № 4). Их переводы оказались совершенней, чем работы других переводчиков того времени, о чем свидетельствуют не только современники, но и советские исследователи¹⁵.

В годы наибольшей популярности произведений Джека Лондона, когда в русской печати то и дело появлялись материалы, так или иначе связанные с его именем, Маевскому не раз приходилось защищать не только бытовой, но и духовный облик писателя¹⁶. В 1913 г. И. А. Маевский написал предисловие ко 2-му изданию собрания сочинений Дж. Лондона, дав первый наиболее достоверный очерк его биографии.

¹⁴ Письмо от 30 марта 1911 г.—В кн.: «Letters from Jack London». New York, 1965, p. 341, 342.

¹⁵ См. статью Тана (В. Г. Богораза) «Джек Лондон в русских перьях» (Речь, 1912, 17 ноября), где приводятся примеры ошибок переводчиков изд-ва «Прометей», а также статью С. И. Суховеркова «Джек Лондон в СССР». — Учен. записки Шадринского Гос. пед. ин-та. Русский язык. Литература. 1958, вып. 2, с. 106.

¹⁶ См. об этом подробнее в статье: Л. Юниберг «Старый знакомый Джека Лондона» («Юность», 1976, № 7).

Написан он был хорошим языком и со знанием дела. Твердо веря в долгую творческую жизнь американского писателя, Маевский закончил статью следующей фразой: «Д. Лондону в настоящее время 37 лет и творчество его находится в самом расцвете».

К 1916 году—году гибели писателя—Маевский успел издать 22 тома его сочинений, а с 1913 по 1918 г. осуществил 2-е издание этого собрания.

Москва

Ник. Смирнов

НИКОЛАЙ ВОЛКОВ

Об авторе этой статьи

Эта одна из последних статей, написанных Николаем Павловичем Смирновым. Он оставил большое творческое наследие в художественной прозе, критике, природоведении. Его перу принадлежат книги—«Изумруд Севера», «Теплый стан», «Своим следом», «Человек и жена», «Михаил Пришвин», «Золотой Плес».

Печататься начал Смирнов еще до революции. Но творчески созрел как журналист и писатель уже в советское время. Газета ивановских текстильщиков «Рабочий край», «Известия ВЦИК», журналы «Новое время», «Красная новь», «Новый мир»— вот этапы трудового пути писателя.

Николай Павлович был страстным любителем книги и большим ее знатоком. Он составил великолепную библиотеку. В нее входили редкие поэтические сборники начала века, книги по искусству, философии...

Глубокий знаток творчества И. А. Бунина Н. П. Смирнов собрал с удивительной полнотой материалы, посвященные автору «Темных аллей». Особый интерес представляет эпистолярное наследие бунинского окружения, которое Смирнов начал публиковать.

* * *

По стенам его большого кабинета, смотревшего окнами в Кривоарбатский переулок, от пола до потолка плотными рядами высились книги, книги, книги... Это было одно из обширнейших личных собраний, подобранное с отменным вкусом и чрезвычайным разнообразием— другого такого я не встречал ни в одной писательской квартире. Классика, русская и европейская; философия— с древнейших времен до наших дней; русская и мировая история; «толстые» журналы, начиная с пушкинского «Современника»— вот неполный перечень разделов библиотеки Н. Д. Волкова.

Николай Дмитриевич обладал завидными знаниями во многих областях. Он был человеком старой Москвы, подлинно интеллигентным, преданным литературе и театру, стремящимся быть «с веком наравне».

Волков по рождению, по образу жизни, по литературно-философским воззрениям был демократом. Общение и беседы с ним давали большую радость — речь его, несколько медлительная и плавная, отличалась образностью, искристым юмором.

Помню, как однажды я рассказал ему о браке одного стареющего писателя с молодой девушкой, он тонко улыбнулся:

— Значит, у него появилась Донна Инфаркта.

Волков родился в Пензе в 1895 г., в революционной семье. Его отец, частный поверенный, и мать были народолюбцами и отбывали в свое время заключение в Петропавловской крепости.

Вместе с любовью к литературе в Волкове очень рано проснулась любовь к сцене: для него подлинным счастьем было приходить в городской театр и участвовать в любительских гимназических спектаклях.

Так на всю жизнь и остались в душе эти далекие вечера — ни с чем несравнимое вспыхивание огня у рамп, шуршание занавеса, голос бесприданницы Ларисы Огудаловой или Анфисы из пьесы Андреева, симфонии Чайковского в антракте, разноцветная толпа в фойе, возвращение домой под осенними или зимними звездами... А эти восторженные хлопоты с ученическими спектаклями — веселье репетиций, разучивание ролей, запах грима, мысли и мечты о будущем!

В гимназические и студенческие годы — он учился в Московском университете — Волков в той или иной степени познал искушения и соблазны декадентской литературы: «штудировал» Розанова и Мережковского, Гиппиус и Гумилева, издания «Пути» и журнал «Логос», редактируемый писателем-философом Ф. А. Степуном. Степун, между прочим, приезжал (в 1914) в Пензу, где останавливался в доме Волковых, и выступал с лекциями. Впоследствии в своих мемуарах «Бывшее и несбывшееся» Степун дал краткий, но выразительный портрет Волкова-студента.

Позднее Волков изменил свои литературно-философские взгляды, с большой радостью открыв для себя в предреволюционной литературе могучие реалистические силы — прежде всего, Бунина и Л. Толстого. Особенно оценил он — уже после второй мировой войны — Бунина. «Суходол» и «Легкое дыхание», «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи» приводили его в восторг. Такие рассказы, как «В Париже» или «Ночлег», он нередко перечитывал: придет иногда к нему — он сидит в кресле, неторопливо листает книжные страницы и на лице его появляются попеременно то ирония, то улыбка.

— Что читаете, Николай Дмитриевич?

Он покажет заглавную страницу, потом красивым движением положит книгу на стол и удовлетворенно скажет:

— С какой небывалой зоркостью видел Бунин мир и с какой мопассановской тонкостью описывал любовь!

А иногда я заставлял Волкова за пасьянсом.

— Хороший отдых для мозга,— говорил он.

Он был опытным журналистом, талантливым, вдумчивым и острым театральным критиком, большим мастером эссе и портрета. Его двухтомная монография о Вс.Мейерхольде, к сожалению, не доведенная до конца, надолго сохранит свою ценность, как первая работа об этом энтузиасте сцены. Балетные либретто Волкова — «Пламя Парижа», «Золушка», «Спартак», «Бахчисарайский фонтан» — отличались несомненным изяществом и немало содействовали успеху постановок. Кроме всего, Николай Дмитриевич — что мало известно — обладал и даром драматурга, хотя этот дар остался более потенциальным, нежели действительным: он не пытался ни ставить на сцене, ни печатать своих пьес.

Надо признаться с сожалением: он не сделал много из того, что мог бы сделать, и далеко не использовал полностью свой щедрый и разнообразный талант литератора.

Еще будучи студентом, он работал репортером газеты «Русское слово». Ему приходилось сталкиваться в редакции с В. Дорошевичем, ее редактором и «королем репортажа». Он много и интересно рассказывал о быте и нравах старых газетчиков, но, когда я говорил ему, что об этом необходимо написать, Николай Дмитриевич только разводил руками — один из любимых его жестов — и ссылался на то, что никогда ничего не записывал, а памяти не доверяет.

Позднее, после революции, Волков, как театральный критик, общается с видными актерами, режиссерами и композиторами, довольно близко узнал Немировича-Данченко и Мейерхольда, Вахтангова и Таирова, Качалова и Москвина, Коонен и Книппер, М. Чехова и Хмелева, Прокофьева и Хачатуряна, Эйзенштейна и Асафьева...

И опять та же история: сколько я ни напоминал Николаю Дмитриевичу евангельскую притчу о зарывании в землю таланта, о том, что ненаписанные «дела и вещи» покрываются мраком, а написанные становятся как бы одушевленными, он или отшучивался цитатой из Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», или по-прежнему ссылался на отсутствие «записной книжки».

Наконец, однажды, он радостно сказал мне:

— Внял и последовал вашим настоячивым советам —

привожу в порядок свои многолетние материалы и работаю над книгой «Театральные вечера».

Книга «Театральные вечера» вышла, увы, уже после смерти Николая Дмитриевича.

Это — сборник его избранных статей, тех, которые он считал лучшими, и отрывки из его воспоминаний о встречах с замечательными людьми искусства; в книге, в частности, содержатся исключительно ценные данные о работе Немировича-Данченко над постановкой «Анны Карениной», вводящие читателя в самую глубь сокровенной режиссерской работы. Книга, наконец, дает понятие о Волкове-драматурге: в ней напечатаны отрывки из его пьесы «Весна 1917 года» и вполне характеризует автора как мастера слова.

«Театральные вечера», по справедливости, должны быть отнесены к значительным литературным явлениям.

Волков предполагал работать над книгой о Станиславском — у него была договоренность с редакцией «Жизни замечательных людей». Смерть прервала работу в самом начале.

Николай Дмитриевич был убежденным и страстным поклонником Художественного театра, он не мог говорить хладнокровно даже о символе Чайки на его занавесе, глубоко ценил его за подлинный, благородный реализм, исключаящий даже мельчайшие крупички натурализма и не чуждающийся ни романтики, ни сценических эффектов.

Николай Дмитриевич говорил иногда:

— Я убежден — да иначе и быть не может, — что социалистический реализм, и в применении к сцене, включает в себя все эти элементы. Спектакль должен быть и глубоко содержательным, идейным и одновременно нарядным, праздничным, красочным зрелищем.

Он вполне справедливо считал реалистами Вахтангова, Мейерхольда, Таирова. Особенно любил он Мейерхольда, говорил о нем с блеском в глазах, со страстными жестами, с непривычным, даже грубоватым азартом, если дело доходило до спора. «Лес» с его заунывно-нежной гармошкой и трюками Аркашки, шествие Хлестакова и его флирт с городничихой, карнавал смерти в «Даме с камелиями» на фоне печального желтого зимнего заката — во всем этом Николай Дмитриевич не находил ровно ничего, что противоречило бы законам и нормам реализма.

— Наоборот, — добавлял он, — подобные изощренные находки режиссера только подчеркивают и углубляют реалистическую канву пьесы.

О Мейерхольде-режиссере Волков отзывался так:

— Это подлинный «неистовый Виссарион» сцены, ни на

минуту не угасающего духа, постоянно находящийся, как орел, в полете, в поисках новых и новых свершений, художник исключительно оригинальности и самостоятельности, нередко ошибающийся, но и в ошибках своих сохраняющий всю мощь таланта.

Высоко оценивая Мейерхольда, не замечая его «голового, самодовлеющего техницизма», Волков одновременно недооценивал Таирова, что вызывало нас на ожесточенные споры.

Волков настаивал на том, что Таиров иногда подражал западноевропейскому театру и что в некоторых его постановках («Адриенна Лекуврер», «Мадам Бовари») утрачивалось национальное начало. Я возражал, говоря, что это — мастерство перевоплощения в быт и нравы другого народа и другой эпохи, и ссылаясь при этом на «Каменного гостя» Пушкина или «Господина из Сан-Франциско» Бунина.

Зато Волков по достоинству оценивал великолепный артистический дар Алисы Коонен, считая ее трагической актрисой большого масштаба.

Исключительно высоко ценил он М. Чехова.

Как-то он сравнил Коонен и Чехова на примере двух мимических сцен — из «Гамлета» и «Покрывала Пьеретты».

— Подлинный артист может выражать глубинные человеческие чувства не только при помощи слов, но и при помощи мимики, жеста. Помните прощание Пьеретты с Пьеро перед ее уходом к Арлекину: там уже одно выражение ее лица и один ее жест, когда она обнимает Пьеро, передают все страдание разлуки. А когда Чехов-Гамлет в одной из сцен сжимает руку актера, — сколько здесь все той же неизбежной муки мятущейся души!

Исключительно широки и разнообразны были интересы Волкова как литератора: он выписывал огромное количество газет и журналов, державших его в центре политической жизни, интересовался современной художественной литературой, регулярно перечитывал Пушкина, Л. Толстого и Достоевского, которых он по-настоящему чтит как гениальных художников — наряду с Данте, Боккаччо и Шекспиром.

Одним из лучших театральных критиков он считал Аполлона Григорьева:

— Григорьев умел раскрывать святая святых каждого актера и каждого драматурга, умел создавать изумительные сценические образы и характеристики. Созданная им характеристика Катерины в «Грозе» — неподражаема.

Очень любил Николай Дмитриевич поэзию. Любимым его поэтом оставался всю жизнь, после Пушкина, Блок: сколько раз я слышал как он читал — глуховато, нежно, нараспев —

«Незнакомку», «Под насыпью, во рву некошешном...», «Утреет. С богом! По домам!..»

Наряду с глубокой любовью к искусству, Волков был одержим страстью к антикварной книге.

Он чуть ли не ежедневно обходил, хотя бы в районе Арбата и улицы Горького, букинистические магазины: дышать горьковато-винным запахом старых книг, листать их шершавые страницы, любоваться их виньетками и заставками в форме лиры или осеннего кленового листа, поставить на полку новый сувенир— было для него одной из незаменимых радостей. В числе его находок есть редчайшие— например, томик стихов Верлена с авторской надписью кому-то из друзей (Николай Дмитриевич безусловно владел французским языком, что позволяло ему знакомиться в подлинниках с современной французской литературой, особенно он выделял романы Ф. Саган).

В последние годы он нет-нет да и огорчался состоянием своего здоровья.

Скажешь, например, ему что-нибудь о перспективах той или иной его работы— он только отмахнется:

— Ах, если бы мне было отпущено еще лет пять...

Он тут же старался заглушить это легкой шуткой или иронией, но от мысли о болезни уйти все же не мог. После инфаркта, перенесенного еще в пятидесятых годах, Николай Дмитриевич заметно сдал.

И все же он не терял своей обычной жизнерадостности и жадного интереса ко всему, что происходило в мире. Книжки, хотя он их и «не берег» с прежней пылкостью, по-прежнему оставались его радостью.

Позвонишь ему, бывало: Николай Дмитриевич, я достал то-то и то-то,— и как бы видишь благодарную улыбку и слышишь протяжно глуховатый, нетерпеливый голос:— Не сочтите за труд, приезжайте, дайте хоть подержать в руках...

И когда привезешь ему новинку, он, подолгу переворачивая ее в руках, бережно оглаживал, клал на стол и опять брал в руки— все это с выражением нежности и ласковости.

За месяц или два до его кончины мы были с ним в ЦДЛ— на вечере памяти А. М. Эфроса. Николай Дмитриевич выступил с речью, но на этот раз говорил с большим трудом: голос был хриплым, воздуха, чувствовалось, не хватало. Однако закончил он речь мастерски.

3 апреля 1965 года днем он позвонил мне по телефону:

— Приходите сегодня к вечеру— посмотрим новые книги.

Я поблагодарил, обещал, но меня что-то задержало и позднее извинился, сказав, что зайду завтра...

А назавтра утром мне сообщили, что Николая Дмитриевича не стало... Днем накануне он работал, долго прогуливался по своему любимому весеннему Арбату, был, как и всегда, в букинистических магазинах, принес несколько новых книг и, идя в столовую обедать, рухнул на пол.

Не стало этого талантливое человека. Но собранные им книги продолжают служить людям. Об этом позаботилась вдова Н. Д. Волкова — народная артистка РСФСР Дарья Васильевна Зеркалова. Значительная часть книжного собрания поступила в Государственную Центральную театральную библиотеку.

Москва

Владимир Гордейчев

ДРУЗЬЯ НА КНИЖНЫХ ПОЛКАХ

Благословляю я отцовский дом,—
настолько ярки миги были в нем,
которыми в душе моей возник
стоцветный мир моих первейших книг.
Пришли мои досуги разделить,
раздвинув круг соседских мить и вить,
и дядя Том, и беглый Джим и Гек,
и Санчо Панса, добрый человек.
Бесценнейшее чудо на земле!
Лежит предмет обычный на столе,
но в нем, как порох, вспыхивать горазд
спрессованный воображенья пласт.
Друзья мои во множестве томов,
соседями— во множестве домов!
Я вами жил, я вами дорожил,
я сотни жизней с вами пережил.
Как с братьями в моем земном кругу,
я с вами разлучиться не могу.
Мой первый шаг, мой первый вдох и крик
Не помню я. Но помнить не отвык
живой водой раздвинувшей луга
одной зеленой речки берега.
Там пацанок среди цветов и трав
сидит, колени хрупкие обняв,
перед ним— раскрытый томик на траве,
и облака, и птицы— в синеве...

Книжный

развал

М. Эльзон

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ КНИГА Н. А. НЕКРАСОВА
«КАК Я ВЕЛИК!»?

История библиофильства, и в том числе отечественного, содержит немало загадочных страниц. Судьбы знаменитых, по библиофильским преданиям, исчезнувших собраний, редчайших книг, известных в минимальном числе экземпляров или только по библиографическим источникам — все это по праву занимает воображение читателей, стимулирует литературно-книговедческий поиск.

Одна из наиболее загадочных страниц в этой истории повествует о судьбе «пермского издания» Н. А. Некрасова.

Незадолго до революции, разбирая архив поэта, К. И. Чуковский обнаружил черновую рукопись, определенную им как фрагмент, и затем опубликовал ее под заглавием «Каменное сердце» — по названию фигурирующего в отрывке произведения молодого литератора, снискавшего мгновенную славу в литературных и «окололитературных» кругах¹. Исследование отрывка привело К. И. Чуковского к выводу, что в основе сюжета лежит история публикации «Бедных людей» Ф. М. Достоевского (1846), а прототипами действующих лиц являются П. В. Анненков, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский, И. И. Панаев, И. С. Тургенев, сам Н. А. Некрасов.

Следующая публикация «Каменного сердца» (в сборнике «Неизданные произведения Н. А. Некрасова», 1918) вызвала резкий отзыв известного историка М. К. Лемке². Справедливо

¹ См.: Драгоценная находка. Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе. С предисл. и послесл. К. И. Чуковского. — Нива, 1917, № 34—37, с. 554—570. Возможно, что К. И. Чуковский обнаружил отрывок из незавершенного автобиографического романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Но для доказательства этого должно быть произведено специальное историко-литературное и текстологическое исследование.

² Книга и революция, 1920, № 1, с. 34—36. Подп.: М. Маврин.

подметив отдельные фактические ошибки, допущенные публикатором, М. К. Лемке в то же время наполнил рецензию оскорбительными выпадами в адрес К. И. Чуковского, избрав мишенью выбранный им научно-популярный (близкий к беллетризованному) стиль изложения («шутовство», «скоморошество», в строительстве новой культуры «скоморохам не место»). Желая дискредитировать К. И. Чуковского как некрасоведа, М. К. Лемке обвинил его в некомпетентности, завершив рецензию эффектным аргументом: «В заключение еще одно маленькое замечание о подготовленности Чуковского редактировать Некрасова. В 1884 году в Перми была выпущена литографированная в 16-ю долю листа книжка с таким титулом: «Н. А. Н. „Как я велик!“ Повесть из жизни литературного гения. Пермь. Литография Злотникова. 1884. Не продается». Была ли эта книжка в 264 страницы отлитографирована в Перми, был ли там литограф Злотников — неизвестно, но эта повесть и есть та самая, из которой Чуковский дал одну главу, только им и найденную в бумагах поэта. Между тем, в повести пять глав; напечатанная Чуковским — 3-я. Текст ее значительно отделан автором сравнительно с черновиком, найденным теперь. Пошел какой-то урожай на «неизданные», уже давно отпечатанные произведения наших больших писателей.

На протяжении трех десятилетий (или семи, если принять за точку отсчета 1884 г.) рецензия М. К. Лемке оставалась единственным источником сведений о «пермском издании». (Забегая вперед, отмечу, что до сих пор ни на тон рецензии, ни на «приоритет» М. К. Лемке не обращали внимания. Между тем, отзыв не должен был расцениваться как объективное библиографическое свидетельство. М. К. Лемке писал о «пермском издании» как об общеизвестном факте, тогда как о нем ничего не писали ни П. А. Ефремов, ни А. Ф. Кони, ни П. А. Картавов). В конце тридцатых годов при разборе переданного К. Ф. Некрасовым в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина «Архива села Карабихи» Р. П. Маторина обнаружила среди разрозненных листков недостающую страницу чернового автографа «Каменного сердца»³. Казалось бы, такое стечение обстоятельств должно было поставить под сомнение обоснованность категоричного утверждения М. К. Лемке, высказанного, как это было показано, в столь субъективной форме. Позднее, благодаря разысканиям С. П. Шестерикова, безусловно доверявшего

³ Маторина Р. Н. А. Некрасов. Неизданные тексты произведений.— В кн.: Записки отдела рукописей ГБЛ, М., 1940, вып. 6, с. 7.

«неоспоримым архивно-книжным знаниям» М. К. Лемке, выяснилось, что в Перми во второй половине 1883—первой половине 1885 г. не было ни типографии, ни литографии «Злотникова» (собственно, М. К. Лемке на этом и не настаивал), что в личной библиотеке М. К. Лемке загадочная книга отсутствовала⁴. Последнее было объяснено В. Е. Евгеньевым-Максимовым со ссылкой на устный рассказ М. К. Лемке (подтвержденный М. Р. Лемке). Согласно сообщению, М. К. Лемке, располагая экземпляром в течение одного вечера (в 1918 или 1919 г.), «успел только бегло просмотреть книжку, списать ее в заглавие и подсчитать число страниц». Записав фамилию и адрес владельца, М. К. Лемке (перед смертью, в 1923 г.) попросил В. Е. Евгеньева-Максимова разыскать его, но, как выяснилось, обладатель раритета в 1920 или 1921 г. эмигрировал⁵.

Суммируя сведения, в основе которых лежит сообщение М. К. Лемке, можно сделать вывод, что книга Н. А. Некрасова «Как я велик!» (если она действительно существовала) принадлежит к числу изданий с вымышленными выходными данными и в этом отношении не является чем-то исключительным. Сомнения же обусловлены необъективным характером источника, «приоритетом» и неясностью поведения М. К. Лемке (ознакомившись с содержанием ранее неизвестной книги, ничего не добавил к известному по публикации К. И. Чуковского; зная о местонахождении экземпляра, не позаботился о его дальнейшей судьбе и т. д.).

В связи с этим необходимо отметить, что сведения, исходившие от М. К. Лемке, не всегда выдерживали производившую проверку. В предисловии к публикации воспоминаний А. А. Слепцова С. А. Рейсер указывает: «М. К. Лемке ссылался, например, на сенатское дело о Чернышевском, содержащее будто бы собственноручный список сочинений Добролюбова, на записку Герцена, якобы касающуюся плана „Былого и дум“; эти документы скорее всего — плод его полемического вымысла»⁶. Б. Я. Бухштабом установлено, что в статье «Н. А. Добролюбов как политический поэт»⁷

⁴ Шестериков С. Ненайденная повесть Некрасова «Как я велик!» Библиогр. загадка.—В кн.: Лит. наследство. М., 1946, т. 49—50, с. 611—613.

⁵ Евгеньев-Максимов В. Е. Все еще неразысканная повесть Н. А. Некрасова «Как я велик!» (Некрасов в борьбе против Достоевского и дворянских либералов).—Вестник ЛГУ, 1949, № 8, с. 64. См. его же: Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.—Л., 1950, т. 2, с. 199—200.

⁶ Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы.—Саратов, 1962, сб. 3, с. 249.

⁷ Книга и революция, 1922, № 3, с. 36—42.

М. К. Лемке, вопреки его утверждениям, опубликовал стихотворения не по якобы имевшимся у него автографам, а по зарубежным изданиям, механически воспроизведя даже допущенные опечатки⁸. Наконец, произведя литературоведческий и археографический анализ известного письма Н. А. Некрасова к А. Я. Панаевой по поводу растраты ею огаревского наследства⁹, Б. Л. Бессонов высказал убедительное предположение о непринадлежности этого текста Н. А. Некрасову¹⁰. Последнее существенно дополняет сведения, содержащиеся в сравнительно недавно опубликованной мемуарной записи К. И. Чуковского о конфликте с М. К. Лемке¹¹, где прямо сказано, что журнальная рецензия была ответом на критику, которой К. И. Чуковский в докладе «Жена поэта» подверг публикацию М. К. Лемке¹².

В отношении «Как я велик!» мнения некрасоведов разошлись. В. Е. Евгеньев-Максимов и С. П. Шестериков полностью доверились сообщению М. К. Лемке. К. И. Чуковский предполагал литературную подделку. Серьезные сомнения в факте существования «пермского издания» высказали А. М. Гаркави (комментарий к мемуарной записи К. И. Чуковского), М. М. Гин¹³, А. Н. Лурье¹⁴. В уже цитировавшейся статье С. А. Рейсера указано: «Неясная и полутаинственная история с мифическим (?) рассказом Некрасова „Как я велик!“, очевидно, тоже связана с именем Некрасова»¹⁵.

Между тем, в 1949 г. существование «пермского издания» было подтверждено сообщением пермского краеведа А. К. Шарца о том, что книга находилась в его библиотеке в 1932—1937 гг. и затем оказалась утраченной¹⁶. Он же спустя полтора десятилетия опубликовал ряд статей на ту же тему в центральной и местной печати¹⁷.

⁸ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.—М., 1939, т. 6, с. 742.

⁹ Впервые опубликовано М. К. Лемке в кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1917, т. 8, с. 272.

¹⁰ В докладе «Об утраченной переписке Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой (письмо Некрасова в публикации М. К. Лемке)», сделанном на заседании в Музее-квартире Н. А. Некрасова (Ленинград) 15 апр. 1977 г.

¹¹ Из тетради «Что вспомнилось».—В кн.: Чуковский Корней. Несобранные статьи о Н. А. Некрасове. Калининград, 1974, с. 81—82.

¹² Чуковский К. Жена поэта.—Пб., 1922, с. 7—9, 23—25.

¹³ Гин М. М. Достоевский и Некрасов.—Север, 1971, № 11, с. 107—108.

¹⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.—М., 1950, т. 6 с. 573.

¹⁵ Рейсер С. А. Указ. соч., с. 249.

¹⁶ Шарц А. (Письмо в редакцию).—В кн.: Лит. наследство, т. 53—54; Некрасов Н. А. Собр. соч. М., 1949, т. 3, с. 587.

¹⁷ См., напр.: Где книга «Как я велик!»?—Лит. Россия, 1965, 22 окт., № 43, с. 20; История одной книги.—Удмуртская правда, 1963, 4 марта, № 52; Где книга «Как я велик!»?—Тюменская правда, 1965, 3 апр., № 78; Загадка

Последним до сих пор не было уделено никакого внимания, и они даже не отражены в новейшем некрасоведческом указателе¹⁸.

Противоречивость разновременных свидетельств Шарца несомненна. Дело в том, что ни в Перми, ни в Пермской губернии не было ни типографии, ни литографии, упоминаемых Шарцем. Между тем, если первоначально А. К. Шарц писал, что он ничего не знает о типографии (литографии) Злотникова, то позднее утверждал, что лично знал и типографа, и его помощника Коровина. Есть несообразности и в описании «загадочного» издания (путаница в сроках, количестве экземпляров, которые, оказывается, видели жители чуть ли не десятка городов Урала и Сибири, и т. д.).

Все это позволяет ответить отрицательно на вопрос о том, существовала ли книга «Как я велик!».

«НАН». — Челябинский рабочий, 1965, 20 мая, № 117; Где книга «Как я велик!»? — Красное знамя (Сыктывкар), 1965, 23 июня, № 146.

¹⁸ Дульнева К. П. Библиография литературы о Некрасове за 1959—1969 годы. — В сб.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971, с. 477.

Е. Меламед

«СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ» ЗА ОКЕАНОМ

Известно, что повесть «Слепой музыкант» была первым крупным произведением Короленко, упрочившим успех молодого автора. Через несколько лет после первой публикации в «Русских ведомостях» (февраль—апрель 1886 г.) она стала хорошо известна как в России, так и за границей. В 1890 г. «Слепой музыкант» вышел одновременно в Лондоне и в Нью-Йорке в переводе С. М. Степняка-Кравчинского и в Бостоне (США) в переводе Александры Делано.

Об этом последнем издании хочется рассказать подробнее. Начну с того, что оно было прекрасно исполнено полиграфически. Шрифты, бумага, изящные иллюстрации художника Эдмунда Гарретта и сегодня выдерживают самую серьезную критику. Переводчик—Александра Делано по праву считалась знатоком русской литературы. Помимо В. Г. Короленко она переводила Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и других русских писателей. Судя по всему, ее работа не вызвала нареканий ни у специалистов, ни у автора, с которым Делано переписывалась¹.

Серьезное обстоятельное предисловие к книге написал известный американский путешественник и публицист Джордж Кеннан (1845—1924), автор нашумевшей во всем мире «Сибири и ссылки» (1891), правдивого исследования, в котором автор, говоря словами Энгельса, «разоблачил перед всем миром все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению»².

Кеннан был личным другом и корреспондентом русского писателя, с которым познакомился в августе 1886 г. в Нижнем

¹ См.: Письмо А. Делано к В. Г. Короленко <б.д.>—Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, р. II, к. 22, ед. хр. 57, а также Кор., к. 24, ед. хр. 1420.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения.—М., 1962, т. 22, с. 46, 47.

Новгороде. В своей статье американский публицист воскрешает события тех дней, излагает историю ссыльных скитаний Короленко и делает попытку охарактеризовать его творчество в целом. С немалой пронизательностью он выделяет гражданские мотивы как основные в творчестве автора «Слепого музыканта» и связывает это с жизненной позицией писателя. «Можно только удивляться и восхищаться,— пишет он в заключение,— мужеству, энергии и стойкости таких людей, как Короленко, который продолжал работать с героическим упорством и, наконец, прославился не только в родной стране, но и во всем цивилизованном мире, несмотря на то, что ему затыкали рот цензурой, сажали в тюрьмы и ссылали в отдаленные части Сибири»³.

Кроме того, бостонское издание предваряет и предисловие переводчика. Эти заметки окунают нас в атмосферу споров и литературных дискуссий, сопровождавших появление «Слепого музыканта». Напомню, что, исследуя художественными средствами психологию слепорожденного, писатель утверждал возможность его стремления к свету. И хотя основная авторская задача Короленко была, как он сам уточнил, «не специально психология слепого, а психология человеческой тоски по недоступному и тоски по полноте существования» (письмо к А. Г. Горнфельду от 10 января 1917 г.), именно этот вывод и вызвал оживленный спор.

Главным оппонентом писателя выступил... слепой, приват-доцент Московского университета по кафедре психологии А. М. Щербина⁴, потерявший зрение еще в двухлетнем возрасте. Как свидетельствует его переписка с Короленко⁵ и воспоминания современников, автор «Слепого музыканта» искренне благодарил Щербину за указания на отдельные неточности, но в целом остался на прежних позициях.

Итак, спор по-прежнему оставался неразрешенным, ибо А. М. Щербина, не будучи специалистом, не мог авторитетно рассудить, насколько точно Короленко изобразил чисто медицинскую сторону явления⁶. А что же специалисты? Что

³ "The Blind Musician" by Vladimir Korolenko. Boston 1890, p. XV. Подробнее о взаимоотношениях Кеннана и Короленко см.: Меламед Е. В. Г. Короленко и Дж. Кеннан (из истории русско-американских литературных связей).—Русская литература, 1977, № 4, с. 152—157.

⁴ См.: Щербина А. М. «Слепой музыкант» В. Г. Короленко как попытка зрячих проникнуть в психологию слепых (в свете моих собственных наблюдений).—М., 1916.

⁵ См.: Храбровицкий А. В. В. Г. Короленко и слепые (по несобраным и неизданным материалам).—Социальное обеспечение, 1956, № 9, с. 51.

⁶ Специальная медицинская литература по этому вопросу появилась позже (см.: Крогиус А. Процессы восприятия у слепых. Спб., 1909).

думали они? Именно этими вопросами и задалась А. Делано и поставила любопытный, с нашей точки зрения, эксперимент. Она отослала рукопись своего перевода в Перкинсовский институт слепых. В ответ сотрудник института А. Анагуос писал: «Я прочел с должным вниманием и глубоким интересом Ваш перевод книги В. Г. Короленко „Слепой музыкант“ и мне доставляет большое удовольствие сообщить Вам, что рассказ, хотя и прост по форме и построению, задуман и разработан с большим мастерством.

Бесхитростный по своей фабуле, он исключительно художественен и исполнен с большой изобразительной силой. Автор демонстрирует свое понимание тончайших оттенков человеческой природы и незаурядные аналитические способности. Его мысли об умственном развитии и физической тренировке слепых правильны и усиливают интерес читателя на различных стадиях повествования.

Что касается психологических наблюдений, сделанных в результате изучения ограниченного числа случаев, они представляют собой индивидуальные характеристики или особенности склада людей, которые нельзя применить ко всем лицам, лишенным зрения. Однако это ни в коей мере не умаляет достоинств произведения»⁷.

Таким образом, с точки зрения американского окулиста автор «Слепого музыканта» оказался вполне компетентен в чужой для себя сфере. Что же касается читателей, те, и не обладая специальными знаниями, единодушно оценили исключительную проницательность В. Г. Короленко, неутомимого исследователя человеческой души.

⁷ «The Blind Musician», p. IV.

КАЛЕНДАРИ РЕВОЛЮЦИИ

В царской России календарей выходило много. Среди них особо популярны были дешевые сытинские — для народа. Немало печаталось и специальных — для юристов, учителей, врачей, для нижних чинов и для офицеров, «для матерей и хозяек». Но нельзя было издать календарь, напоминавший о знаменательных датах русского освободительного движения, о героях, погибших в борьбе за свободу народа.

Первый русский революционный политический календарь увидел свет в Женеве в 1883 г. В его издании участвовали П. Лавров, С. Кравчинский, Г. Плеханов, Н. Чайковский и др. Назывался он «Календарь Народной Воли». Тираж в 1000 экземпляров быстро разошелся как за рубежом, так и в России, куда календарь доставляли нелегально. Знаменательно, что в центре круга на обложке был помещен девиз герценовского «Колокола» «Vivos voco!» — «Зову живых!» Это подчеркивало преемственность революционных традиций в русской вольной печати. Календарь знакомил с историей русского революционного подполья, в нем были помещены фотографии русских революционеров. В 1898 г. его переиздал известный издатель и основатель русской типографии и книжной лавки в Женеве М. Элпидин.

Манифест и решения I съезда РСДРП, прокламации, воззвания, очерки и обзоры, перечень наиболее ярких событий в истории русского и международного рабочего движения — все это вошло в «Социал-демократический календарь на 1902 год», изданный в Женеве группой «Борьба» в феврале 1902 г. Его страницы были посвящены деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», работе киевского и харьковского комитетов РСДРП и Южной революционной группы социал-демократов, будням сибирского социал-демократического союза и других групп. Календарь рассказывал о заграничной группе «Освобождения труда» и о социал-

демократических партиях разных стран. В нем было 228 страниц, 20 портретов видных деятелей русского и международного революционного движения.

В 1907 г. возглавляемое М. Кедровым большевистское издательство «Зерно» впервые использовало форму календаря для публикации в Петербурге пропагандистского материала. В октябре 60-тысячным тиражом был отпечатан «Календарь для всех». Его успели распространить на фабриках и заводах, в армии и флоте еще до предоставления в цензуру. Запрет и строгое предписание конфисковать крамольный календарь появились в первый же день его поступления в цензуру, но полиции удалось конфисковать лишь несколько десятков экземпляров. Вплоть до 1917 г. название его значилось в периодически издававшемся «Алфавитном указателе книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утверждены судебными установлениями...»

Специально для этого календаря в сентябре 1907 г. В. И. Ленин написал статью «Международный социалистический конгресс в Штутгарте». Она была напечатана с подписью «Н. Л-ъ» и ныне опубликована в Полном собрании сочинений В. И. Ленина по тексту календаря. В ней отмечалось, что прошедший XII конгресс пролетарского Интернационала, в котором принимали участие 884 делегата, представлявших 25 народов, в том числе один делегат из Южной Африки, «ознаменовал... превращение международных съездов в деловые собрания, которые оказывают самое серьезное влияние на характер и направление социалистической работы во всем мире»¹. Съезд, как подчеркнул Ленин, оказался «по целому ряду важных вопросов верховным учреждением по определению политической линии социализма»². Из-за перепечатки этой статьи в 1908 г. был запрещен «Народный календарь. Год 3. 1909».

На страницах «Календаря для всех» выступили М. Ольминский, Н. Рожков, Н. Батурин, Пл. Лебедев (Керженцев). Статьи и очерки, опубликованные в нем, были посвящены истории рабочего движения в России, профсоюзам, стачечному движению, экономическому и политическому положению страны, крестьянскому вопросу, политическим партиям, деятельности II Государственной думы и внешнеполитическим вопросам. Один из составителей календаря Н. Клестов-Ангарский впоследствии по праву назвал его «своеобразной энциклопедией».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 79, 80.

² Там же, с. 80.

дией по рабочему вопросу». Была здесь и хроника революционной борьбы в России XIX и начала XX в.

Один экземпляр «Календаря для всех» принадлежал Ленину.

Судьба «Календаря русской революции», подготовленного издательством «Шиповник», отпечатанного в том же 1907 г., сложилась тяжело. Весь тираж за исключением единичных экземпляров был конфискован и уничтожен. Только через десять лет, в 1917 г. он был издан вновь и в предисловии редакция «Шиповника» писала: «... Мы не только повторим то, что говорили в 1907 г., но и договорим то, о чем мы принуждены были тогда молчать, и что открыто сказать у нас не было никакой ни надежды, ни возможности». В составлении «Календаря русской революции» принимали участие А. Луначарский, Н. Морозов, Ю. Стеклов, П. Щеголев. В нем были помещены речи Н. Кибальчича, А. Желябова, Петра Алексеева, рассказы А. Куприна и Леонида Андреева, рисунки И. Билибина, М. Добужинского, Б. Кустодиева, Е. Лансере, С. Чехонина.

Среди календарей эпохи первой русской революции следует назвать: «Календарь из быта 100-летней борьбы польского народа за самостоятельность», изданный в 1906 г. в Варшаве, и «Календарь латышских рабочих на 1908 год». Запрещены и подлежали аресту такие календари, как «Календарь крестьянина на 1907 год», изданный в Нижнем Новгороде, «Новый календарь на 1907 год», отпечатанный в Ростове-на-Дону, «Календарь для всех», подготовленный в 1908 г. издательством «Разум», и др.

Запрещались и сборники, где отражалась правдивая летопись событий русского освободительного движения. Так был конфискован очень редкий, но имеющийся у автора «Рабочий ежегодник, год 1», выпущенный издательством «Альманах» в Петербурге в 1906 г. Здесь со 170-й страницы начинался «Месяцеслов революционного движения». Вот характерная запись: «Январь 8. 1885. Волнения рабочих на морозовских фабриках в Орехове-Зуеве». Следующий раздел назывался «Временник революционных событий 1905 года».

Календари революции принадлежат к ветеранам революционного печатного слова. Их информация не стареет, они нужны нам как старое, но грозное оружие революционной публицистики, как образцы книгоиздательского дела. Искать и беречь их — долг библиофила. История их еще не рассказана полностью, а она героична и увлекательна.

Л. Глезер

ИЗ ЗАПИСОК БУКИНИСТА

У КИТАЙГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

За полстолетия в букинистической торговле мне довелось встречаться не только с редчайшими книгами, но и со многими интересными людьми. Время спешит вперед. Все меньше остается моих сверстников. Все больше стираются в памяти события минувших десятилетий. Я был бы несправедлив к моим верным друзьям — книгам и людям, если бы не попытался, пусть бегло, вкратце рассказать о встречах хотя бы с некоторыми из них.

...Когда человек этот впервые пришел к моему книжному развалу у Китайгородской стены летом 1931 г., я почти не обратил на него внимания. Скромная одежда, тщедушное сложение, застенчивость в манерах — это было первым впечатлением. Но вот движением изящным и легким он брал книгу, поднимал на собеседника доброжелательный взгляд — и сразу отношение менялось.

Книжники, как земляки на чужой стороне, быстро находят общий язык. Хотя незнакомец никогда ничего не покупал, он все чаще приходил к моему киоску. Несмотря на громадную разницу в годах (ему было под восемьдесят, мне — двадцать семь), мы стали добрыми знакомцами. Так началась моя дружба с академиком Владимиром Григорьевичем Шуховым.

Он страстно интересовался тем, как идет торговля, задавал покупателям уйму вопросов: зачем им нужна именно эта книга, что они читают, собирают ли свою библиотеку.

Кульминацией наших отношений стало неожиданное предложение Владимира Григорьевича:

— Лева, вам пора обедать! Давайте я сам буду торговать.

Шухов оказался не только замечательным инженером, строителем знаменитой радиобашни на Шаболовке, но и умелым букинистом. Когда я вернулся, академик торжественно вручил мне вырубку.

Рассказ я начал с Китайгородской стены. Здесь с незапамятных времен лепились бесчисленные лавочки торговцев разной мелочью. Среди них главное место занимали букинисты.

Впервые я попал сюда в 1924 г. Мне едва исполнилось семнадцать лет. Я стал работником крупного государственного издательства «Новая Москва» (впоследствии «Московский рабочий»). Должность моя называлась «книгоноша», но мне приходилось мало носить книги, я больше находился при «рабочем месте» — рогоже, расстеленной прямо на земле.

На ней лежали книги.

Какой литературой мы торговали? Это, в основном, были национализированные книги частных издательств — Сытина, Сойкина, Карцева и других.

На бойком месте было много покупателей — в первую очередь служащие и студенты, затем рабочие, школьники, приезжие.

Иногда по нашим рядам пробегал громкий шепот:
— Маяковский, Маяковский!

Действительно, мимо лавчонок и рогож Китайгорода «прорывался Москвою, шагом широким, шагом большим, крупной походкой мужской» сам Владимир Владимирович. Вид у него обычно бывал несколько озабоченный, и я не помню, чтобы он хоть когда-нибудь рылся в книжных развалах.

Нередко проходил мимо наших рядов и Михаил Иванович Калинин. Мы старались попасться ему на глаза, чтобы поздороваться.

Спрос на литературу после Октябрьской революции резко возрос, но все же книг оказывалось больше, чем покупателей. И в силу вступал закон конкуренции. Нередко продавец сооружал самодельный плакат: «Любая книга — 10 копеек». Известны курьезные случаи, когда книги продавались на вес: «Один килограмм — полтина!».

Я всегда любил книги. С юных лет наиболее понравившиеся приобретал для своей библиотеки. К примеру, с той далекой поры храню издание: «Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Опубликовано в № 251 „Известий ВЦИК“ от 19 июля 1918 года. Кинешма. 1921». Это было одно из первых советских миниатюрных изданий.

Прошли десятилетия, и канули в прошлое бедные лавочки с дырявыми крышами, не лежат книги на земле. Нынешние покупатели приходят в новые магазины. Это хорошо!

Но просыпается порой в сердце воспоминание о годах молодости, о Китайгородской стене.

О «КНЯЖЕСКОМ УБОРЕ» И ВИЗАНТИЙСКИХ ЭМАЛЯХ

Нет для букиниста большей радости, как видеть счастливый блеск в глазах покупателя.

Директор научной библиотеки Томского государственного университета М. Филимонов, приезжая в Москву, не упускал случая побывать в «Пушкинской лавке». Мне удалось приобрести для сибиряков знаменитую «Острожскую библию» Ивана Федорова 1581 г., инкунабулу 1479 г. и другие раритеты.

Однажды я рассказал Филимонову о «Византийских эмалях» — «сочинение Н. Кондакова, Санкт-Петербург, 1892 год».

Находилось это уникальное издание у одного любителя, и он подумывал о продаже.

— Сделайте все возможное, — просил Филимонов, — очень нужное издание для нас!

Вновь пришлось ехать к владельцу книги. С особой торжественностью он достает из богатого футляра это роскошное большого формата издание. Удержать его можно лишь двумя руками, да и то с трудом.

Честно говоря, за всю жизнь мне не приходилось встречать более красивой книги. И не только мне! У самых искушенных специалистов этот шедевр печатного искусства неизменно вызывает восторг!

Его издатель, петербургский богач и меценат А. В. Звенигородский, большую часть жизни провел за границей. Путешествуя по Европе и странам Ближнего Востока, он собрал прекрасную коллекцию византийских эмалей X—XI вв.

Профессор Петербургского университета Н. П. Кондаков подготовил к печати исследование по истории византийского искусства и описание эмалей. В издании этого труда принял участие выдающийся русский критик В. В. Стасов.

Тираж книги — 200 экземпляров. В продажу они не поступали, а были «подносными». Как сообщали газеты того времени, книга рассылалась лишь «коронованным особам, известным ученым и выдающимся книгохранилищам». Большая часть тиража оказалась за рубежом.

И впрямь, книга удивительная. Я вновь прошу владельца показать ее. Переплет отпечатан по белой шагрени червонным золотом. Вокруг изящного венчика из эмалей ювелирной работы византийская орнаментация. Лист, где напечатано посвящение, словно составлен из драгоценных камней с бриллиантами по серебряному фону. Подписи под 28-ю таблицами эмалей из собрания владельца выполнены по рисункам шрифтов «Остромирова Евангелия».

Не случайно специалисты называли это издание «книгой в княжеском уборе».

К сожалению, решение владельца этого печатного шедевра переменялось, и он оставил у себя «Эмали». Мои друзья из Томска, уже считавшие дни до прибытия к ним книги из Москвы, прямо-таки духом пали.

Вновь, по их настояниям, обратился я с просьбой к владельцу. Переговоры затянулись почти на два года. Но усилия не прошли даром — шедевр русской полиграфии теперь в хранилище Томского университета.

ПРИВЕТ МАЯКОВСКОГО

Как-то раздался телефонный звонок.

— Как оценить детскую книгу Маяковского 1926 года с автографом? — спрашивали меня коллеги из одного букинистического магазина.

— Что за надпись?

— «В. Катаняну маленькому», — был ответ.

Я посоветовал:

— Задержите на несколько минут книгу!

С Василием Катаняном я давно знаком. Это известный исследователь творчества В. В. Маяковского, друживший с поэтом. Кроме того, Катанян — большой книголюб.

Звоню ему. Катанян обрадовался находке, просит:

— Пусть непременно приобретет магазин книгу. Это реликвия нашей семьи!

Выяснилось, что Владимир Владимирович подарил книгу с дружеской надписью сыну Катаняна — тоже Василию, ныне кинорежиссеру. Так усилиями букинистов был возвращен настоящему владельцу уникальный экземпляр. Словно из далекого прошлого «Катанян-маленький» получил привет.

Но бывают, хотя и не часто, истории другого рода: редкую книгу приносят в букинистический, показывают ее, но не продают, и она надолго исчезает из поля зрения специалистов. Впрочем, порой и такое издание все-таки попадает в хорошие руки.

Среди легендарных книг смело можно назвать «Стихотворения, не изданные в России» А. С. Пушкина. Без указания года выпуска, они появились в Москве в типографии А. Поплавского в 1908 г.

Как известно, многие произведения великого поэта десятилетиями или не печатались в России, или выходили в недоступных народу изданиях. В эту же книгу вошли сказка

«Царь Никита», отрывки из «Гавриилиады», «Андрей Шень», некоторые стихотворения и эпиграммы, действительно не выходявшие прежде в России.

Но тираж дальше типографии не пошел. По утверждению Н. П. Смирнова-Сокольского, «весь тираж, до последнего экземпляра, попал под нож резальной машины», был уничтожен. Лишь Николаю Павловичу удалось добыть один экземпляр «тягостного вида» — разрубленный на три части.

Это не совсем так. Сохранилось не менее пяти экземпляров, но в принципе Смирнов-Сокольский прав — издание это редчайшее.

Можете представить мое приятное удивление, когда в конце декабря 1970 г. некая гражданка положила на мой прилавок именно это издание А. С. Пушкина. Продавать она не пожелала, но просила назвать цену. Я выполнил ее просьбу, хотя не мог скрыть досады. Экземпляр, о котором мечтают крупнейшие библиотеки и музеи, вновь уходил в неизвестность.

Бежало время. Однажды в «Пушкинскую лавку» зашел профессор Д. Д. Благой. С торжественным видом извлек из портфеля детище типографии А. Поплавского. Я узнал экземпляр. Он оказался именно тем, какой приносила мне женщина для оценки. Она уступила его Благому. Я вздохнул с облегчением: хорошая книга попала в хорошие руки.

Москва

В. Лавров

БИБЛИОФИЛЬСКИЕ СТРАСТИ

«ВОЗЬМИ ЭТУ КНИГУ!»

Библиофилом, как поэтом или певцом, надо родиться. Сказано несколько категорично, но жизнь подтверждает нашу мысль. Обстоятельства создают вокруг библиофила подходящую обстановку, и он приобщается к племени собирателей. «Повезло!» — восклицают иные, узнав об интересной находке какого-нибудь книжника. Но повезло лишь потому, что человек этот был нацелен на поиск. Много времени и сил затратил он, прежде чем объявился «счастливый случай».

Свою небольшую книжную эпопею я хочу начать с самой первой находки. Случилось это в первые послевоенные годы. Безотчетный интерес влек меня, десятилетнего мальчишку, к витринам букинистических магазинов. Иногда, скопив деньги на школьных завтраках, я покупал популярные тогда «Кондуит» или «Черемыш, брат героя». Но чаще всего интерес мой был платоническим, я просто любовался витринами.

Однажды, в маленьком букинистическом, что стоял на месте нового здания гостиницы «Националь», произошел странный случай, который я сумел оценить лишь много лет спустя. Я разглядывал уличную витрину. Рядом разговаривали двое мужчин. На мальчишку внимания не обращали, говорили долго, и я понял, что они никак не могут договориться.

Я зашел в магазин, посмотрел полки, на сей раз сделал приобретение — «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» («Academia», 1931). Вышел из магазина. Мужчины продолжали спор.

Вдруг один из них взялся за лацкан моего пиджачка и сказал густым, проникновенным голосом:

— Возьми, дитя, эту книгу! Наш подарок тебе, — и протянул томик.

Я было заупрямился, но он сунул книгу мне за пазуху. Дома внимательно разглядел подарок: «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX

столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. Составил Григорий Геннади. Берлин. 1876 г.».

История выглядела таинственной. Я терялся в догадках относительно нечаянного дара. Том внимательно прочитал. Список начинался с автора, скрывшего свое имя под двумя буквами «А.А.» — «Добродетельная душа, или Нравоучительные правила, в пользу и научение юношества... 1778». Дальше шло много имен и длинных, запутанных названий. Некоторые из этих книг, когда я вырос и стал собирателем, попадались мне.

На десятилетнего мальчишку все эти мудреные названия книг произвели чарующее впечатление. Словно заглянул в сказочный, нездешний мир. А что мой даритель? Года через полтора встретил его снова в Охотном ряду. Подошел к нему, остановил. Человек не сразу узнал меня. Я напомнил историю и спросил, почему именно мне подарил книгу. Незнакомец расхохотался:

— Видишь ли, никак с тем дядей не могли решить, кому из нас двоих должна принадлежать она. В пылу спора решили отдать тому, кто первый выйдет из магазина. Первым оказался ты. Береги ее, книга редкая.

... Через несколько лет в нашей коммунальной квартире у Красных ворот впервые появился телевизор. Однажды сквозь линзу, залитую для увеличения изображения водой, я узнал своего дарителя. Он рассказывал забавные фельетоны, и грудь его украшал пышный белый бант. Это был Н. П. Смирнов-Сокольский.

Впрочем, это не единственный подарок, полученный от замечательного библиофила и актера. И среди них — «Рассказы о книгах». Мне, как и многим другим, именно они дали толчок и новое направление в собирательстве. Случилось это уже в шестидесятых годах.

ОБЪЯВЛЕНИЕ НА ВОДОСТОЧНОЙ ТРУБЕ

Уже несколько дней я лежал дома больной. «Рассказы о книгах», попавшие мне в руки, буквально потрясли меня. Давно собирал я книги, был своим человеком в букинистических магазинах. Мое собирательство, словно широкий поток, было неспешным и спокойным. Теперь же внутри меня бушевал ураган. Сокольский (именно так его звали между собой близкие ему люди) зажег своим примером. Я страдал от того, что сиюю дома, а где-то книжные сокровища уплывают в другую сторону.

Выздоровев и выйдя на улицу, заметил на проспекте Мира объявление. Маленькая бумажка на водосточной трубе: «Срочно продаются книжные полки». Где полки, там и книжки, подумал я. Набрал указанный номер телефона. Голос пожилой женщины вежливо ответил:

— Нет, книг уже нет. Было их много, брат был ученым. Умер. Знал французский. Две библиотеки все забрали.

Я готов был повесить трубку, как вдруг женщина воскликнула:

— Ах, вспомнила, вспомнила! Во время ремонта убрала я кое-что в чулан. Совсем забыла об этом! Да, да, тут вот они. Приходите.

...Квартира казалась громадной и неудобной. Хозяева переезжали, мебель вывезли. Лишь пустые полки занимали две стены одной из комнат. Старушка с мягким выражением лица показала рукой на чуланчик. Книги в кожаных переплетах XVIII в. стояли аккуратной стопкой. В основном это были замечательные новиковские издания. О цене мы договорились легко. Хозяйка вообще была готова отдать их даром, потому что все равно оставила бы в пустой квартире. Предлагала с полсотни книг на французском—XVIII и XIX вв.,—часть переписки брата, его рукописи. Я отказался.

Приобретенные у старушки книги стали моей первой золотой находкой. Они возбудили интерес к старинным изданиям, к библиографии. Благодаря им, я напечатал свои первые литературоведческие заметки.

Этот быстрый успех несколько сбил меня с толку. Я полагал, что стоит лишь очень захотеть и «книжные старушки» станут появляться одна за другой. Увы, жизнь опровергла мое заблуждение. Шли недели, месяцы, интересных находок не было. Но вот однажды...

НА ДЕРЕВНЮ К ДЯДЮШКЕ

Однажды на Сретенке встретил своего товарища по институту. Разговорились. Узнав о моей «слабости», товарищ воскликнул:

— Поезжай к моему дяде! Ему от деда досталась большая библиотека. А сам он и книг, верно, не читает, все отдаст тебе.

— За мной дело не станет,—ответил я. Приятель вел речь в таком тоне, словно дядя его живет где-нибудь в двух шагах отсюда, в каком-нибудь переулке.

— В двухстах пятидесяти километрах от Москвы живет,—охладил мой пыл приятель.—Адрес дать?

На следующий день, в субботу, около двенадцати дня я уже шагал по областному центру. Небо нахмурилось, но дождь пока не начинался. Минут тридцать шел по старинным улицам, пересек площадь, слева профтехучилище, справа швейная фабрика. Конечная остановка троллейбуса и посадка на автобус. Уточнил нужный маршрут и стал ждать.

Посадка досталась тяжело. Ехал, стоя, часа два. За окном полил дождь. Когда вышел на последней остановке и стал уточнять дорогу, милая старушка покачала головой:

— Непутем ты собрался. До Творогово (так назовем мою деревушку) верст шесть, да по весенней распутице туда ходу нет. Места у нас низкие, топкие. Тебе с другой стороны бы заехать.

— С какой— другой?

— Да в городе на другой автобус сесть. Он с противной стороны тебя и подвезет. Там рядом.

— А если отсюда?

— Держись летней дороги. Как до края поля добредешь, калиновые кусты увидишь. Влево, по верху иди. Вниз не ходи. Там Лешка-почтальон лошадь утопил. Так и не вытащили. Спасибо, самого спасли. Пойдешь по верху, держи на вышку. От вышки Творогово видать. Они на горочке. Церковь ихняя издаека заметная. А там уж как придется.

Старушка с нескрываемой жалостью смотрела на меня:

— А чего так спешишь? Умер у тебя там кто?

Забросил рюкзак за спину (для книг взял) и... шагнул на «летнюю дорогу». Нога чуть не по колено ушла в грязь. Шагнул—и другая. Еще два шага—и ботинок остался в трясине. Нет, все-таки я его руками вытащил, но нога в носке ушла в глубь хляби.

Решил выбраться на обочину, на жухлую травку. Не то, чтобы пошло веселее, но появилась возможность продвигаться. Шел я около часа. Лил пот, мучила жажда. Оглянувшись, застонал от досады: от автобусной остановки едва ушел на километр.

Дорога повернула в лес, пошел вроде подъем. Вот завиднелись кусты калины. Совсем рядом вышка. Километра два дались легко и быстро. Не доходя до вышки шагов двести, лес завернул влево и увидел церковный купол.

Словно ожил я. Ноги, которые перед этим надламывались от усталости, вновь понесли меня. Но шел я несколько странно. Вместо того, чтобы направиться напрямиком к ориентиру-церкви, я забирал все дальше по краю лесного массива. Так бегаёт по берегу бедняга, которому надо лезть в студеную воду. Везде страшно, куда ни пойд.

Не найдя и признаков тропинки, я шагнул в необозримую хлябь. Стало страшно. Ноги прочно увязли. Хотелось домой, к телевизору, детям, вечернему чаю. Дались мне эти книги, этот дядя, это жуткое месиво!

...День смеркался, когда я появился на окраине села. Люди с удивлением выглядывали из окон. Человек в городской одежде, с ног до головы заляпанный грязью, их явно веселил. Недалеко от церкви за крепким забором стоял дом. Здесь жил дядя с горою антикварных книг. Я принялся стучать.

Вышел громадного роста, с дремучей рыжей бородой человечище и прямо-таки нутряным басом не очень ласково спросил:

— Что?

— Мне бы Федора Ивановича...

— Ну, я.

Я передал хозяину привет от родственников.

— Проходите...

В горнице шло застолье. В углу — громадный иконостас. Рядом телевизор старой марки. Старики и старушки восседали за длинным столом. На белой скатерти закуска и графинчики.

— Садитесь! — хозяин отодвинул от себя на скамейке высокую, во всем черном, сухую старуху.

Аппетит я нагулял себе завидный, ел с удовольствием. Однако все внимательней озирался вокруг: где же печатные сокровища? И вот разглядел. Когда открылась дверь в соседнюю комнату, снизу доверху увидал полки с книгами.

За окном совсем померкло. Гости стали расходиться. Я давно сидел как на иголках. Предстоял еще обратный путь.

Я набрал в легкие побольше воздуха, воззрелся на лицо Федора Ивановича и выдохнул:

— Очень интересуюсь я книгами. Собиратель, так сказать. Может, чего покажете?

Я очень стеснялся говорить, что нужны книги. Поэтому поспешил добавить, что, конечно, заплачу.

Федор Иванович, такой невозмутимый, страшно на этот раз удивился.

— Книги? Может, иконы? Так заезжают к нам разные студенты за ними. Нет, все-таки книги?

Он надолго задумался. Соседка-старушка даже блюдце с чаем опустила, конфетку положила на бумажку.

— Нету! — вдруг ответил старик. Мне в пору было плакать.

Старушка-соседка Мария Филипповна прихлебнула из блюдечка, посмотрела на меня и молвила:

— У меня есть книги. Только не знаю, пригодны ли вам. Переплеты хоть красивые, да все они старинные. Вы, моло-

дежь, небось и не читаете нынче таких. Это еще от деда осталось. Он в гражданскую войну погиб.

Я еле дождался, когда старушка собралась домой...

Десятки раз видел сон: горы прекрасных книг, которые я отыскал. Кожаные корешки, золотые обрезы...

И вот сон обернулся явью. Мы вошли в дом. В углу стол. На нем высокими ровными рядами стопки прекрасных книг.

Не веря глазам, я стал любовно перелистывать все эти сокровища. Первые издания М. Ломоносова, «Борис Годунов» 1831 г., «Детство и отрочество» Л. Толстого 1856 г., все четыре выпуска «Вечерних огней» А. Фета первого издания 1883—1891 гг. И — несколько бесценных томов прижизненных изданий В. И. Ленина.

Я отобрал самое интересное, взял бы еще, да опасался, что денег не хватит.

— Сколько я вам за это должен?

Старушка даже замахала руками:

— Ничего, спаси бог!

Хотел силком деньги в карман вложить — не берет, даже обижается.

...Утром я был в Москве.

Как-то рассказал приятелю эту историю. Он спросил:

— А почему не съездил за остальными?

— Съездил! Зимой. Вскоре после Нового года. Взял подарки, поехал к Марье Филипповне. Но — увы! Хозяйку положили в больницу.

Так я никогда ее больше не увидел. Но книги ее радовали людей на различных выставках. О некоторых из них я рассказывал на встречах с книголюбями. Они получили новую жизнь.

ДАЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Через несколько лет после этой истории я познакомился с вдовой одного военачальника. Человек, знавший его при жизни, рассказывал: «Прекрасный был мужчина! Хлебосольный, остроумный, книги собирал. Только жена немного странная. Но съездите к ней, может книги продаст!»

И вот я в подмосковном дачном поселке. Возле яростно рвавшего цепь волкодава стояла еще не совсем старая, но неряшливо одетая женщина. Под аккомпанемент лязгающей цепи и рыкающего пса мы знакомились. Пса хозяйка решила все-таки загнать в будку, я прошел в дом.

Долго спрашивала меня женщина: кто такой, зачем приехал, кто дал адрес, для чего и какие книги нужны.

Добавила, с особым выражением, что «скоро придут два сына». Так что, мол, не одна в доме.

Я стал говорить про мужа, и вдова несколько смягчилась. Нашлись общие знакомые. Очень не хотелось, но пришлось согласиться «скушать чай». Часа два прошло, чай выпили, и я вновь обратился к ней, не уступит ли что-нибудь из архива мужа и его библиотеки? Деньги при мне.

Вдова не говорила ни да, ни нет. Она колебалась. Потом все-таки провела в нетопленную, сырую комнату, где никто не жил. Книги были навалены на пол, лежали в сундуке.

— Один тут был, вы его знаете,—она назвала фамилию.

Я никогда не слышал об этом человеке.

— Нет, не отпирайтесь, знаете. Вы с ним и слова одинаковые говорите. Так ваш знакомый давал по трешнице за книгу, на круг. Заранее скажу, я не согласна. Нынче книги в цене. Я не дура. И портфельчик ваш оставьте в прихожей. В музее с портфелем не ходят.

Лишь усилием заставил себя остаться. Не одна любовь — скорее жалость к книге, попавшей в ненадежные руки, вынуждали терпеть мою добрую собеседницу.

Я просмотрел весь громадный сундук, весь книжный завал. Навел немного порядок. Вложил выпавшие листы в те томики, какие попались под руку. Почти все они не представляли интереса. Уверен, что про «три рубля на круг» хозяйка сочинила. Все это было много дешевле. Единственная книга, которую я захотел купить, — «Стихотворения» Н. А. Некрасова, издания Солдатенкова и Щепкина 1856 г.

Хозяйка недоверчиво отнеслась к предложенной мною цене и сказала:

— Не могу ее продать! Сама на ночь уважаю почитать эту книжонку.

Она стряхнула с книги пыль и сунула под мышку.

Через некоторое время в одном из букинистических магазинов увидел на витрине знакомый экземпляр «Стихотворений» Некрасова. Он продавался гораздо дешевле, чем предлагал я вдове. Но покупать уже не захотелось.

Что касается остальных книг, то, кажется, и поныне лежат они в сундуке.

«ЗНАТОК ВСЕЙ ЭТОЙ МУЗЫКИ»

Книжные и литературоведческие розыски напоминают мне порой ходьбу по проволоке: цель — единственная, а воз-

возможностей ошибиться—десятки. И все же иногда удается приблизиться к цели. Награда за усилия бывает щедрой—новые знания, интересные знакомства.

Приобрел как-то у супругов-книголюбов из Кунцево «Охранную грамоту» Б. Л. Пастернака 1931 г. На ней дружеская надпись: «Дорогому Николаю Павловичу Смирнову на добрую память Б. Пастернак».

Подумалось: сколько неразгаданного, нерассказанного таится за этими строками. Какие отношения связывали этих людей, какие встречи были, беседы вели? Ведь полвека минуло!..

Без особых надежд, скорее из острого любопытства начал поиск. К счастливому удивлению, вскоре получаю письмо: «Я познакомился с Борисом Леонидовичем в 1926 году, когда работал в редакции журнала „Новый мир“, как зав. редакцией... Постепенно у нас с Б. Л. сложились довольно хорошие отношения, чему способствовала моя любовь к его творчеству. Я встречался с ним в самой различной обстановке, слушал многие его стихи...»

И вот я дома у писателя Н. П. Смирнова. Он показывает мне свою библиотеку. А она обширнейшая. Книги по библиографии, философии, искусству, большой поэтический раздел.

— Две страсти снедали меня,—говорил Николай Павлович,—это любовь к печатному слову и... охота. У меня это фамильное. Отец дружил с художником Левитаном, вместе охотились. Левитану я посвятил одну из самых удачных своих книг—«Золотой плес». Увлечение охотой перешло ко мне. С кем я только не ходил на охоту—и с М. Пришвиным, и с А. С. Новиковым-Прибоем, В. Г. Лидиным, Вс. Ивановым, Б. Пильняком и многими другими. Вместе с В. Правдухиным редактировал в середине двадцатых годов сборник «Охотничий рог».

— Книги—как воздух, без них не мыслю жизни!—продолжал Николай Павлович.—Более того, они—лаборатория, подсобный цех каждого человека, особенно писателя. Ежедневно личная библиотека дает обширную информацию, отвечает на десятки вопросов. С детских лет собираю любимых писателей—Л. Толстого, А. Чехова, Н. Некрасова, С. Аксакова, И. Бунина.

К Пастернаку Смирнов испытывает особые чувства. Познакомившись в 1926 г., они сохраняли добрые отношения всю жизнь. Борис Леонидович чутко прислушивался к советам друга, дорожил его мнением. Об этом говорят сохранившиеся письма поэта. Он советуется по поводу написанных стихов, благодарит за дельные замечания. «Множество Ваших замеча-

ний очень дороги мне... Не шутя, от всего сердца горячо благодарю Вас»,— читаю в одном из писем поэта. И далее: «Вы такой тонкий, такой близкий по всему Вашему миру человек и такой знаток всей этой музыки, такой судья в ней».

Я обращаю внимание на фотографический портрет И. А. Бунина, висящий на стене. На нем дарственная надпись Ивана Алексеевича.

— Многие годы я увлекаюсь творчеством Бунина,— говорил Николай Павлович.— Пожалуй, любовь эта зародилась еще в юности, в 1912 году, когда впервые познакомился с его книгами. С тех пор собираю материалы, относящиеся к его биографии, беседовал и состоял в переписке с людьми, близко его знавшими— женой Верой Николаевной, писателем Б. Зайцевым, поэтессой И. Одоевцевой и другими.

Николай Павлович показывал реликвии, связанные с именем великого русского писателя— письма, книги, фотографии.

Многие исследователи творчества Бунина сумели получить благодаря собранию Смирнова ценные материалы и справки. Сам Николай Павлович— автор многочисленных публикаций о жизни Ивана Алексеевича. В частности, в журнале «Новый мир» были опубликованы пятнадцать интереснейших писем жены Бунина к Н. П. Смирнову. В одном из них мы находим мысль, созвучную пастернаковской характеристике литературного чутья Смирнова: «Я почувствовала в Вас человека, который так верно понимает творчество Бунина, что он был бы сам восхищен. Ведь это большая редкость!»

Особое чувство благодарности к Николаю Павловичу я испытываю тогда, когда беру в руки подлинные письма К. Паустовского, А. Новикова-Прибоя, Б. Пастернака, Б. Зайцева, А. Ремизова, М. Шолохова, которые безвозмездно передал мне Н. П. Смирнов.

...Так автограф полувековой давности и активный розыск помог открыть новую главу в моем собирательстве.

Москва

Юрий Чернов

ЗАВИСТЬ

Лестница быстротечная,
Лестница бесконечная.
В метро пассажиры разные:
Озабоченные и праздные,
С пакетами, с хлебом насущным.
С сегодняшними газетами.
Девушка веснушчатая,
На тесноту не сетуя,
В движущемся потоке
Стоя книгу читает.
Пляшут буквы и строки,
Ей ничто не мешает:
Лицо — то радостью светится,
То вдруг омрачится обидою.

...Стою на бегущей лестнице,
Автору книги завидую.

Наши

публикации

КАК СЛОЖИЛСЯ ТИП РУССКОГО КНИЖНИКА
В СТАРОЕ ВРЕМЯ

*Публикация, вступительная статья
и примечания Г. Довгалло*

Павел Константинович Симо́ни — член-корреспондент АН СССР, признанный своими современниками *vir eruditissimus* больше 50 лет отдал научной деятельности. Он изучал памятники русской и славянской письменности, историю русского языка, лексикологию, фольклор, палеографию, искусство оформления древних русских рукописей, библиографию и историю книги.

Родился 19 февраля 1859 г. в Петербурге, в семье сенатского чиновника. Предки Симо́ни — выходцы из Венгрии; в Россию они попали в петровское время, но не из Венгрии, а через Швецию, куда переселились еще в начале XVIII в. Его отец некоторое время служил чиновником в Петербургском университете, где в казенной квартире жила семья Симо́ни. Он отличался необычайным трудолюбием, которое сумел воспитать и в своих детях. Павел Константинович вспоминал, что отец его никогда не сидел сложа руки. Он любил заготавливать гусиные перья впрок, переписывал рукописи или печатные тексты. Преподаватели университета, уезжавшие за границу, довольно часто оставляли у него книги, и мальчик имел возможность рассматривать у отца прекрасные издания. Интерес к книге пробудился у Симо́ни рано. Играя с сестрой, он для забавы, подражая отцу, сочинял, изготовлял и иллюстрировал маленькие книжечки.

Учился Павел Константинович сначала в пансионе сестер Лепко, находившемся на другом конце коридора в доме, где он жил. Здесь учились, по большей части, дети служащих университета. Затем учился два года в лютеранской школе на Васильевском острове. В 1870 г. Симо́ни поступил в только что открывшуюся классическую гимназию при историко-филологическом институте и провел в ней больше положенного срока — несколько лет болел ревматизмом. Гимназия будущий ученый был обязан серьезной подготовкой в области классической филологии и древних языков.

В 1881 г. Симо́ни поступил в Петербургский университет, на историко-филологический факультет. Своей специальностью он избрал языки церковно-славянский и русский с палеографией и критикой текста памятников. Усердно слушал лекции и занимался в семинарах И. В. Ягича, В. И. Ламанского, О. Ф. Миллера, П. А. Сырку, Э. А. Вольтера и А. Н. Веселовского. В студенческие годы Симо́ни часто посещал публичную библиотеку, Эрмитаж, церковно-археологический музей с отделом русских художественных древностей при Академии художеств.

На третьем курсе университета он получил приглашение от академика Я. К. Грота принять участие в подготовке академического «Словаря русского языка».

Первыми самостоятельными научными работами Павла Константиновича, еще до окончания университета, в 1884—1885 гг., были словарь к Службным минеям XI в. и незаконченное исследование о языке Саввиной

Портрет П. К. Симоны

книги XI в. Я. К. Грот высоко ценил молодого сотрудника и специально для него в 1892 г. добился в Академии наук особой должности письмоводителя.

Симоны занимал эту должность до 1926 г. То было кропотливое и беспокойное дело — организация научных работ, подготовка их к печати, чтение корректур, ответы на письма и т. д. Именно здесь Павел Константинович познакомился со многими учеными и сохранил эти знакомства на долгие годы. Он вел обширную переписку, особенно с начинающими исследователями. Отличаясь необычайным трудолюбием, Симоны совмещал свои нелегкие служебные обязанности с самостоятельной исследовательской работой.

Редкий досуг, а также время отпуска он использовал для своих занятий. Первый печатный труд Симоны — статья, содержащая поправки к изданию текста «Изборника» Святослава 1076 г., — опубликован в 1888 г.

Круг научных интересов Симоны был очень широк.

Рассматривая произведение древнерусской литературы, Павел Константинович изучает все его списки; если список входит в состав определенного

памятника древней письменности, изучает и самый памятник с точки зрения палеографии, художественного оформления (миниатюры и переплет), затем его интересуют писцы, переплетчики и распространители книги.

Наука обязана Симоны образцовыми изданиями таких памятников, как «Старинные сборники русских пословиц» (1899), «Повесть о Горе-злосчастии» (1907), «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова (1913), «Задонщина» (1922).

Симоны готовит библиографию отдельных произведений, а также трудов ученых, в том числе своих учителей Л. Н. Майкова, А. Н. Веселовского, А. И. Соболевского¹.

В последние 30 лет своей научной деятельности Павел Константинович много занимался изучением книги — историей ее создания, техникой оформления, вопросами распространения и т. д.

Десять лет (1919—1928 гг.) Симоны посвятили научно-педагогической деятельности, читал курсы лекций и вел семинары по славяно-русской палеографии и истории книги и книгораспространения в Педагогической академии, в Институте внешнего образования, Институте книговедения и на курсах библиотековедения при Государственной публичной библиотеке. Человек общительный, он несколько десятилетий выступает докладчиком или оппонентом по темам своей «обширной осведомленности».

Заслуги Симоны перед наукой были отмечены: он был избран действительным и почетным членом многих обществ (Географического общества,

¹ «Библиографические материалы», собр. Э. А. Вольтером.— Библиографический сборник. Пг., 1915, т. 1, вып. 2, с. 80—88.

² Виноградов Г. Полвека ученой деятельности П. К. Симоны.— В сб.: Язык и мышление, III—IV. М.—Л., 1935, с. 286.

Общества любителей древней письменности, Московского археологического общества, Русского библиологического общества, Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы при Академии наук СССР).

Умер Симони 17 марта 1939 г.

Павел Константинович собрал интересную и ценную библиотеку. Историю ее собрания, а затем продажи записал один из его друзей, Ф. И. Витязев:

«Начало своей библиотеки П. К. Симони положил тем, что выходявшие из печати свои работы он рассылал знакомым в университеты, академии, в провинцию и оттуда взаимно получал все вновь выходявшие работы и издания». Его библиотека «возрастала покупками, особенно при неоднократных поездках по России и троекратном путешествии к славянам и на Запад, где он подбирал у антикваров и покупал в разных учреждениях нужные ему книги. Достаточно сказать, что по истории русского языка и диалектологии великорусского, белорусского и украинского у него был замечательный подбор по полноте и чистоте экземпляров книг и оттисков. Также полным был отдел славяно-русской палеографии; хороший подбор книг по археологии и все труды археологических съездов; много книг по славистике из библиотеки О. М. Бодянского, все русские словари, громадный подбор русских грамматик, замечательный подбор сонников, начиная с XVII в., все русские издания сонников, очень хороший подбор книг, статей и сборников по народной словесности. Много поваренных книг и подбор справочных изданий — всего в общем до 15 000 названий.

Это собрание в 1914 г. было уступлено в рассрочку Самарскому земству...» за не очень большую сумму. «Земство нашло, что это скорее дар, чем продажа, и еще вручило П.К. премию». «Через несколько лет в 1918 г. Симони продал оставшееся у него собрание книг, биографии русских деятелей в Государственный Исторический музей в Москве. Большое собрание портретов, образцы иллюстраций, собрание сочинений русских писателей, иконография старой Москвы и старого Петербурга... Кроме того, он присоединил работы, материалы и личную переписку научного характера; туда же поступил как особо значительный отдел — книги, вырезки, выписки, копии, справки, снимки — подготовительные материалы справочника по истории русской книжной торговли...»

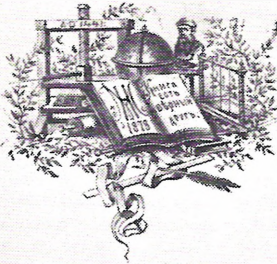
Передача библиотеки и части архива в Исторический музей не случайна. Ученый был членом правления Исторического музея и вел переговоры о создании в Музее отдела или филиала, посвященного книговедению и книгораспространению в России.

Мечта о создании музея книги была тесно связана с замыслом монографического исследования, которое носило бы исторический и справочный характер. Симони писал А. С. Суворину: «Давно занимаясь изучением с разных сторон русских рукописных книг, старопечатных и новопечатных изданий с кон. XVII в. до настоящего времени, я стал подбирать материалы для большого труда, посвященного обозрению судеб русской книги вообще, а также истории, и отчасти теории книжного дела и⁴ всех тех производств, которые так или иначе имеют отношение к книге...»

Симони предполагал создать всеобъемлющий труд о книге, он дал ему название «Книга, книжное дело и просвещение на Руси с древнейших времен и доныне». Более тридцати лет Павел Константинович готовил этот труд. К сожалению, труд не был написан, собранный материал не был систематизирован, но история замысла интересна и ценно то, что сохранилось в архиве Симони.

³ ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 3, ед. хр. 6.

⁴ ОПИ ГИМ, ф. 37, ед. 2.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.
КНИЖНАЯ БИРЖА,

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издательской и книготорговой дѣятельности

ОРГАНЪ СБЛИЖЕНІЯ ИНТЕРЕСОВЪ

авторовъ, издателей, книготорговцевъ и читателей
и какъ ТОРГОВЫ-ПРОМЫСЛЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ.

РЕДАКЦІЯ ДЛЯ КНИГОТРОГОВЦЕВЪ ПОЛНОМОЩЕНА: въ Петербургѣ, ул. Ново-Петергофская въ Троицкомъ пр., въбѣтовомъ д. № 1/20.
КОМПОНА ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОЛНОМОЩЕНЦЕВЪ И СЪБЛЖЕНЦЕВЪ: узн. Кнжковъ Максимъ П. С. Марусинъ, Давыдовская ул. 5.
Редакторъ принимаетъ корреспонденцію въ редакцію всѣхъ изданийъ ежедневно отъ 7 до 7 вечера, безплатно.

1807. — Подписка цѣна за 1 годъ 2 р., за полгода 1 р., за 3 мѣс. 20 н. въ перек. въ дѣст. — 14 Января.

Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ
и ЕГО УЧЕНИКИ.

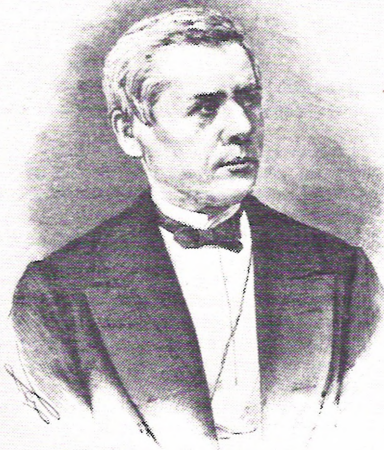
Воспоминанія о его жизни и трудовой дѣятельности.

Публикуетъ Издатель съ Мудрѣмъ Яковомъ Симои.

П. Симои.

1811—

—1881.

Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ.
Снято съ рисунка худож. Н. Биржева по фотографіи.

Обложка журнала «Книжная биржа»

В 1905 г. он опубликовал «Воззвание к гг. книгопродавцам, издателям, букинистам, собирателям-библиофилам и т. д.». Представив себя как члена различных научных обществ и автора ряда работ по истории русской письменности, он сообщал, что «... в настоящее время готовится к печати собранные им и вообще уже имеющиеся в его распоряжении и те, что поступают, разнообразные материалы для большого... рассчитанного на три тома труда...» В книге он хотел бы рассказать о «книжных производителях» (писцах-каллиграфрах и типографщиках), обрядчиках (знаменщиках и переплетчиках), распространителях (книгопродавцах), хранителях и почитателях (библиофилах и библиоманах) и описателях книг (библиографах). Том 1 хронологически должен был охватить XI—XVII вв., том 2—XVIII в. и том 3—XIX в. В книгу должны были войти сведения о «писании и украшении книг в древнее время на Руси в XI—XVII столетия и отчасти доньше. Состояние переплетного искусства на Руси в допетровское время и потом. Книгопечатание в Польше, у южных славян и у нас с XV—XVI вв. и до сего времени. Гравирование. Издание и выход книг. Ее распространение и сбыт. Типы читателей и их отношение к книге. Собрание книг. История библиотек. Собиратели книг: их взгляды, вкусы, привычки и вообще «психология» и виды «собираательства». Хранение, регистрация и описание книг. Библиографы. Книжная торговля. Типы книжных торговцев. Происхождение, воспитание, нравы, выучка и своеобразная «психология» книжного посредника между производителем и читателем или собирателем. Взаимные отношения книгопродавцев и покупателей книг. Выучка, образование и сознательный рост книгопродавческого «ученика» и т. д. Книжная цензура. Газеты и журналы: Народные издания. Лубочная литература. Легучие и уличные листки и т. д. Гонорар и заработок книжного и журнального трудника и т. п.»

Далее в воззвании автор делился с читателями планом своей работы. Он хотел начать ее с последнего, 3-го тома, объясняя это тем, что жаль потерять возможность лично познакомиться с теми, от кого можно получить «непосредственно сообщения и замечания о предмете его занятий», он переписывался с книгоиздателями и книгопродавцами и их наследниками. Павел Константинович сообщал, что у него уже есть рукописные воспоминания о книжных торговцах в Москве 1850-х гг. Он просил присылать ему воспоминания, автобиографии, портреты, проспекты изданий, каталоги и другие материалы. В заключение он писал о том, что «если чем он не будет в состоянии воспользоваться почему-либо, то постарается сберечь для сохранения „будущим родам“, тем более, что он прилагает особенные усилия создать при каком-либо частном или общественном учреждении „книгоиздательский и книгопродавческий музей“».

Своими адресатам Симиони задавал вопросы об их жизни, интересе к книге, их книжной деятельности, их предшественниках, соседях и т. д.

Ученый предполагал, что по объему тома будут неравномерны: тома 1 и 2, основанные только на печатных источниках, должны быть значительно меньше тома 3. Симиони подбирал иллюстрации, делал многочисленные рукописные копии. Кроме сил и времени, работа требовала материальных затрат. Павел Константинович обращался за помощью к А. С. Суворину и Г. В. Юдину, предлагая им взять издание книги, но ответа не получил.

В 1927 г. Симиони изменил первоначальный план и решил издавать свой труд отдельными выпусками. В приложениях к «Книжной торговле в Москве XVIII—XIX столетий» (Л., 1927) были названы темы 63-х отдельных выпусков. Кроме посвященных отдельным издателям, предполагались выпуски: «Спасский мост в Москве в XV—XVIII вв. Издатели лубочных картин и листовщики»; «Книжная торговля XVIII—XIX вв. на Никольской улице в Москве», «Офени и торговля книгами на ярмарках», «Букинисты в Москве и Петербурге» и др.

Несколько выпусков вышло из печати: «Новиков и книгопродавцы Кольчугины» (Спб., 1906); «Книжная торговля в Москве XVIII—XIX столетий» (Л., 1927) — расширенный материал о Кольчугиных; «Я. А. Исаков и его ученики» (Спб., 1907), «К 50-летию книгопродавческой и издательской деятельности Н. Г. Мартынова (1906) и несколько статей».

Большая же часть материалов, собранных Симо́ни, осталась в многочисленных рукописях. Они хранятся в трех архивохранилищах Москвы (в Государственном Историческом музее, Центральном Государственном архиве литературы и искусства и Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) и в Ленинграде (в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Больше всего материалов к 3-му тому книги.

Представляют особый интерес несколько мемуарных произведений: Воспоминания А. П. Воронина о книжной торговле в Ярославской губернии, о приезде его в Петербург, работе у Н. И. Герасимова, Н. П. Карбасникова, о книгоношах, о кличках книгопродавцев, о торговле русскими книгами в Риге; «Воспоминания старого букиниста», автор которых Г. Ф. Курочкин рассказывает о приезде из деревни в Петербург, о книжном ряде в Апраксином рынке до и после пожара 1862 г., о книгопродавцах, их характерах, образовании, нравах. К сожалению, эти мемуары не закончены. Интересна автобиография книгопродавца И. Е. Козлова, названная «Работник книжного прилавка к себе», о приезде в Петербург из Ярославской губернии, приобщении к книжной торговле, открытии собственного магазина в 1905 г. на Васильевском острове, о первой мировой войне, о первых годах Советской власти, о работе в книжных магазинах Ленинграда с 1922 г.

Самые большие по объему — рукописи И. П. Перевозникова; это как бы часть его архива. Здесь его биография, его работа «Мысли, заметки и воспоминания старого книжника», 2 тома, где он подробно рассказывает о службе у К. И. Глазунова, М. О. Вольфа, М. П. Надеина; дает портреты и характеристики тех, кто занимался книжным делом в России.

В 1957 г. Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина приобрел материалы А. Ф. Смирдина, собранные Симо́ни также для его работы.

Сохранились в архиве Павла Константиновича черновые наброски, отдельные части готового текста, в том числе о книгопродавцах и книгоиздателях Базуновых, Н. В. Базыкине, Большаковых, М. О. Вольфе, Глазуновых, В. И. Ключкове и о книгоиздательских фирмах А. С. Суворина и И. Д. Сытина; много выписок, библиографических сведений, наброски планов и т. д.

Особую ценность представляет картотека Симо́ни — более 6000 карточек с библиографическими сведениями о книгопродавцах, издателях и других деятелях книги.

Задуманной работе не суждено было осуществиться.

В 1938 г., желая обобщить собранные материалы, Симо́ни пишет статью, сохранившуюся в архиве: «Как сложился тип русского книжника в старое время».

Он постарался в обобщенной форме передать рассказ книгопродавца XIX в. о своей судьбе.

В заключение Симо́ни пишет о роли старых книжников для русской культуры. Книжники были первыми хранителями и собирателями книг, распространителями сведений о запрещенной литературе, первыми библиографами, они были и первыми реставраторами.

⁵ «Старые годы», 1907, февр., с. 66—69, март, с. 107—110.

⁶ ОР ГБЛ, ф. 362, б.ш.

⁷ Там же.

Материалы архива Симони, собранные для работы «Книга, книжное дело...», — важные исторические источники. Изучать их тем более необходимо, что обобщающего труда о книге и книжной торговле, к сожалению, нет и до сих пор.

Предлагаем вниманию читателей статью Симони о русских книжниках.

I

Я давно собирался поговорить о старых наших книжниках, с которыми мне приходилось сталкиваться с 1874 года.

Наши книжники появлялись прямо, можно сказать, от чернозема. Книжники начинали свою учебу и одновременно службу очень рано. По старинному обычаю осенью, после окончания крестьянских работ в поле, появлялся какой-нибудь дальний родственник, дядя или кто-нибудь из соседей шабров, он собирал мальчиков по 7-летнему возрасту, отвозил на своей лошади в Петербург и там предлагал их кому нужно из своих земляков в разные торговые заведения. Известно, что торговый люд в старом Петербурге происходил, по большей части, из Ярославского края¹. Поэтому у дяди были везде земляки, и он легко мог определить всю ватагу по разным заведениям. Кроме Ярославского края, поставщиками мальчиков были ближайшие губернии Псковская, Новгородская, изредка Олонецкая; в Москве книжники происходили большей частью из Серпухова. Мальчик, неграмотный, оторванный от семьи, из деревни попадал в столицу и жил у хозяев на кухне без определенного угла. Первое время ему давали поручения хозяева и стряпуха, под командой которой он находился. Она его поила, кормила, выхаживала от болезней, а иногда школила и «воспитывала». На его обязанности было ставить многочисленные самовары, чистить хозяевам сапоги и одежду, без отдыха бегать в лавочку или исполнять какие-нибудь поручения. Когда мальчик привыкал к городу, его брали в книжную лавку и приучали к делу. К делу привыкнуть в старое время было трудно, так как хозяева и приказчики, его учителя, по большей части, были безграмотные или малограмотные. В лавке мальчик должен был исполнять почти ту же работу, что и дома, наводил чистоту, подметал пол, много раз бегал в трактир за кипятком, подавал всем в лавке чай, а то приходилось бегать за горячительными напитками или за пивом. Мальчики были подчинены в лавках приказчикам, приказчики измывались над ними и смотрели на них как на свою собственность, они распоряжались ими, как хотели, а кроме того, для собственной забавы и увеселения позволяли себе пинать их, толкать, драть за уши и за волосы и все это только ради собственной потехи. Такие потехи оставались

памятными для мальчиков на всю жизнь. Известный книгопродавец — И. П. Перевозников показывал, как у него на голове отставала кожа от того, что его драли за волосы². Хозяева не вмешивались в отношения между приказчиками и мальчиками. В лавках в обязанности мальчуганов входило также быть «закликалой», стоять у лавки на улице и зазывать покупателей и рекомендовать им, по каким отделам имеется у хозяев товар, уверять проходящих, что они здесь раньше покупали книги, и т. п. В отсутствие хозяина мальчики должны были каким бы то ни было способом задерживать покупателя до прихода хозяина. Продавать мальчикам не разрешалось, так как цену книг хозяин скрывал, и если на книгах имелась разметка, то не цифрами, а буквами по особому ключу, ключ составлялся подлиннее, до десяти слогов, у каждого хозяина были свои ключи, и тайну их они тщательно берегли.

Лавки в старину не отапливались, и двери всегда были открыты раствором на улицу, так что согреться было нельзя. Только уже много позднее стали заводится небольшие чугунки.

Надо вспомнить, где в городе Петербурге происходила книжная торговля. Она происходила на старом Апраксином дворе, куда и стекались все книги и всякий печатный думажный скарб. Книжные лавочки были кой-где против Гостиного двора на Б. Садовой улице. Затем торговали книжники у Гостиного двора, на Невском, на Садовой, на так называемой «Вербе» и вообще летом на гуляньях и пр. Что касается Москвы, там книжная торговля производилась на Никольской ул., на Сухаревке, на Сухаревой башне, в Панкратьевском переулке и на Смоленском рынке, и только уже много позднее лавочки букинистов стали появляться на Арбате, в Леонтьевском переулке и т. п.

В Киеве на площади у Монастырей книжники скупали книги по домам, свозили в лавки, размещали по переплетам на полках, а что не входило, то складывали в груды на полу. Покупателю представлялась возможность выбирать книги самому, так как продавцы были полуграмотные, какого-нибудь порядка в размещении книг алфавитного или подбора по содержанию не бывало. Сочинения не отличались полнотой, представляли собой большею частью розбить³. Главная причина такого печального явления то, что русский читатель не любил заводить книги сам, а ходил и выпрашивал: «Нет ли чего почитать?» По прочтении книг «любители чтения» не возвращали их владельцу, а отдавали кому-нибудь из знакомых на прочет, и книга падала в Лету.

Положение интеллигентных и вообще грамотных людей, которые ощущали нужду в книге, было трудное, справочных пособий не было, хотя в 1770 году появился Словарь русских писателей Новикова Н. И., а в 1813—1820 гг. стали появляться знаменитые «Опыты» Российской библиографии В. С. Сопикова, но они были очень дороги и недоступны, таковы же каталоги Библиотек для чтения Плавильщикова и Смирдина⁴, книги эти трудно было добывать для справок.

Государственная Публичная Библиотека, основанная при Александре I, имела главным образом французские книги и иностранные вообще⁵. Кроме Публичной библиотеки были библиотеки Академии наук, Университета, Главного военного штаба и некоторые другие, но все они были недоступны, это были закрытые библиотеки⁶. Смирдинская библиотека имела очень дорогой абонемент⁷. Так что обыкновенному читателю, желавшему взять книгу на дом, ничего не оставалось, как пойти в лавочку букинистов и посмотреть там, нет ли чего подходящего для чтения, но у букинистов не бывало подбора, а только книги случайные, разбиты и по преимуществу старые. Покупать книги в магазинах было по дороговизне недоступно.

Положение книжного дела и книжной торговли стало изменяться к лучшему, но гибель громаднейшего резервуара книг, старого резервуара рукописей, гравюр, портретов на Апраксином дворе опять сократила продажную наличность книг в лавках. С 1860 года начинается усиленная пора печатания книг, а с 1863 года появился новый громадный рынок с лавочками по Вознесенскому пр., причем внутри рынка по воскресеньям происходила книжная торговля на рогожках на земле и в многочисленных лавчонках и полках или столах у стен рынка со стороны двора.

Усиленный выпуск книг из типографии, сбывание ими подпечаток и негодной макулатуры тоже усиливало ход книжной торговли.

Конечно, увеличение книжной продукции типографиями и издательствами придало новый вид местам, где сосредоточивалась книжная торговля.

Я намеренно ничего не говорил о магазинах и конторах книжных складов разных издателей, так как все издатели стали процветать, особенно в старом Петербурге, только после уроков, полученных после краха фирм Смирдина, Ольхина, Иванова, а позднее Базунова⁸. Один только Вольф умел спастись от краха и уцелел в своем потомстве почти до наших дней⁹. Издатели богатели, умели отыскивать новые пути для распространения своих изданий.

В издательском деле Москва как-то отставала от тогдашнего Петербурга. В 1880 и 1890 гг. еще более усилился приток в книжной торговле, а некоторая свобода печати в 1845 г. дала возможность создавать новые условия для печатания изданий. Разумеется, в обеих столицах книжная торговля все расширялась, я бы сказал, улучшалась, а книга делалась более доступной по цене и принимала большую портативность в 1880 г. Я проследил, как русская книга постепенно из недоступного книжного товара для массы и вообще недоступного читателям делалась по внешности более удобной и, главное, доступной по цене.

Все указанные обстоятельства привели к тому, что книжная торговля встала на ноги и хотя не всегда обогащала деятелей, но все-таки давала средства для безбедного существования с семьей. В книжных лавках и магазинах по-прежнему процветал в младших технических помощниках — мальчик. Самые шустрые из них выбивались на дорогу и делали сами хозяевами книжных лавок. Читатели уже, кажется, из предыдущих моих слов могли увидеть, как мальчики, служащие в книжных магазинах, по большей части, сами интересовались книгами, которые попадали в магазин, старыми и новыми, их значением и ценностью, а равно разными хозяйскими операциями с книгами. Они также унаследовали от старого времени обычай прочитывать старую книгу, беседовать с покупателями, а также просматривать газеты, получаемые хозяевами. Все это увеличивало кругозор мальчиков и помогало им ухватиться за нить жизни. Проходя по Ново-Александровскому рынку мимо бесконечного числа книжных лавочек, бывало, видел, как при каждой из них в трескучие морозы стояли мальчики, у входных дверей, нередко в пообносившейся ватной одежде, подчас с чужого плеча. Вся фигура мальчика, оледенелая от мороза с познобленными частями лица и ушей, останавливала внимание и вселяла в меня какую-то непонятную жалость к младшему чину наших культуртрегеров. В особо морозные дни они, боясь отморозить руки и ноги, переплывали с одной ноги на другую, или возились, боролись и бились на кулачки со своими товарищами по невзгодам. В то время как хозяева и вообще старшие просиживали в ближайшем трактире, завтракали, закусывали, пропускали по рюмочке бодрилочки вдовы Смирновой, мальчики боролись с морозом и отогревали себя разными способами, изредка получая стакан горячего чая и закуску в виде трехкопеечной булки с колбасой. Глядя на мальчиков, мне думалось, что они исполняют свои обязанности закликая на пользу хозяина, а себя мысленно отогревают мечтами о

самостоятельной деятельности уже без хозяйской ферулы. Мальчики-подростки тянулись за старшими товарищами, которые уже вышли в сборщики и таким образом находили больше способов устроить свою судьбу. Кругозор их постепенно расширялся в столичном круговороте и битке жизни. Конечно, и нередкие письма из деревни подбадривали мальчиков не унывать, а служить хозяевам верой и правдой и аккуратно исполнять все принятые на себя хозяйские обязательства. Но если вспомнить, как апраксинские мальчики после запора лавки при наступлении темноты должны были нести на спине пачки книг и бумаги, а затем дома после ужина должны были работать для хозяина несколько часов и из принесенного книжного добра складывать и клеить бумажные мешки и тюки¹⁰, которые шли в лабазы для круп, муки, а летом ягодникам,—то, конечно, жизнь мальчиков была ужасной. В 80—90 гг. она стала улучшаться. Общество книгопродавцев устроило школу для книжных мальчиков с отделом грамотности, а также с другими предметами, среди которых значился некоторый очерк книжной торговли. Время выдвигало новые заботы о мальчиках. Стали появляться попечительства и инспектора, которые вникали в невзгоды их жизни.

Да и сами хозяева мальчиков, среди которых отмечу книгопродавца Вольфа и букиниста Ключкова, заботились о младших членах книжной семьи, одевали в форменную одежду, сытно поили и кормили, давали свободу и отправляли в деревню на побывку.

II

Теперь нам предстоит выяснить вопрос, как захудалый деревенский мальчик, в прежнее время совершенно неграмотный, приспособлялся к книгам и книжному делу, так сказать самоучкой, как он втягивался в грамотность и затем в книжную науку разными и притом довольно неопределенными путями. Если он имел собственный разум и от природы был шустрый, а также если он умел заводить знакомство и сближаться с людьми, то он при желании скоро научался читать по бесконечным складам. Ищущий просвещения мальчик не упускал случая пользоваться указаниями посторонних покупателей и пр. Более состоятельные книжные торговцы обыкновенно обзаводились так называемыми «сборщиками» книг, на обязанности которых было ежедневное хождение по соседям, по рынкам, по городу, для того чтобы справляться, какая наличность есть у торговца. Сборщик был постоянно в курсе дела и знал, где какой товар можно добыть у других

книжников. Таким образом, сборщик имел возможность всегда приобретать за низкую цену всякие книжные редкости, о которых разные мелкие торговцы не имели никакого понятия. В книжные сборщики выходили мальчики, которые были постарше и попустрее и которые, конечно, мечтали о том, чтобы поскорее выйти в приказчики, а потом поехать в деревню жениться и открыть там свое книжное дело. Поэтому такой сборщик держал себя степенно, книгу берег, сначала понемногу, а потом все более и более при сборе книг для хозяина не забывал и себя, приобретал цельные и редкие книги или вообще ходкие. Это, конечно, им тщательно скрывалось от приказчика и хозяина, хотя они догадывались, что так делается и потому смотрели на такого сборщика как на человека, который может отойти от места и сделаться опасным конкурентом. Он мешал хозяину заводимым беспорядком, начинались между ними прения, и они расставались, или хозяин сажал его в лавке торговать на отчете самостоятельным приказчиком, такого рода служба тоже давала возможность покупать и продавать книги и для себя.

Сборщик хорошо знал книгу и ее значение для науки, он изучал это практически, получая сведения не из каталогов, каких у его хозяина не было, а из бесед с покупателями и особенно со студентами.

Последние охотно просвещали книгопродавческую молодежь и нередко вдавались в политические темы. Сборщики всегда были в курсе интересов читающей публики. С одной стороны, они знали все новости, которые появлялись у соседей, а с другой, они не менее хорошо знали, что имеется по части книг, особенно иностранных и русских запрещенных у тех частных лиц, с которыми им приходилось иметь торговые дела, так как забирали у них отработанные ненужные книги на деньги или в промен. В числе их клиентов бывали профессора университетов или других высших учебных заведений.

Приходя в кабинет, сборщик окидывал глазами полки, а затем предлагал свой товар. Он знал наперечет все ходкие книги, а также следил за книгами, не выпущенными из типографии, которых в 60-х годах бывало немало. Они обыкновенно сжигались во дворе Государственного банка, обращенного к Апраксину двору. При знакомстве со сторожами, дворниками сборщику иногда удавалось получить запрещенные книги. Курьезно, что от книжников и букинистов и вообще от торговцев старыми книгами, от полиции требовалось неуклонное и отчетливое знание всего, что запрещалось, а списков таких книг им не давали и нельзя было их купить, это

напоминало фразу законовеедов, что неведением законов нельзя отказываться. Все такие книги, хотя и с трудом разыскиваемые, обогащали книжников. Если мы вспомним ход книжной торговли в Петербурге, то мы увидим, что в конце 1780-х гг. многие московские книжники переселяются в Петербург или открывают свои филиалы здесь. Так, один из приказчиков Новикова, Кольчугин, другой приказчик Сопиков торговали тут на отчете¹¹, затем переселяются и открывают тут филиалы Свешниковы, Глазуновы и др.¹². Такая тяга московских книжников в Петербург объясняется тем, что у них скопилось много изданий новиковских, особенно масонских. Они боялись после печального случая с Новиковым держать такой товар у себя и потому спешили направить грузы его в Петербург. Обновление русской жизни при Александре II, увеличение числа учебных заведений, наконец, освобождение крестьян создали новые условия для русской книги и ее распространения. Число книг возросло неимоверно, книжная торговля размножилась и благоустроилась: кроме новых издателей и их магазинов и складов, появились нарядные магазины антикваров с подборками старых книг и множество букинистов, рассеявшихся по всему лицу старого Петербурга. Увеличение книжной торговли способствовало появлению множества любителей, книжных собирателей, библиофилов. Появился запрос на художественные издания, с помощью литографии или гравюры. В Москве продолжали процветать старые книжные районы и особенно Сухаревка, распределение сети водяных сообщений и всякой водяной коммуникации и также улучшение и удешевление всякой почтовой пересылки дали возможность издательским фирмам вовремя поставлять свои издания даже на отдаленные пункты. Одним словом, все то, о чем в свое время мечтал Генкель¹³, знаменитый сотрудник Смирдина-сына и Вольфа в 1863 г., все то теперь воочию как-то решилось само собой. Одним словом, если Смирдин был лишен достаточного числа покупателей и читателей, хотя он, по выражению читателя Измайлова, издавал только одни хорошие книги, то в 1880—1890 гг. и далее пришло другое время: народились новые читатели во множестве, а при развитии и усилении типографского дела и увеличении числа бумажных фабрик, в век пара и электричества, явилась возможность выпускать усиленные тиражи изданий, разнообразить виды и способы издания книг и по цене сделать книгу более дешевой и потому доступной, и приблизить к читателю.

Я раньше сообщал, как подростки-мальчики, особенно пожившие у одного и того же хозяина, после того как подучались грамоте, втягивались в книжную науку и чтением

знакомились с книгами и их содержанием. Ведь с очень давних времен у книжников был обычай знакомиться с каждой книгой, попавшей к ним в руки, и обязательно читать книгу от доски до доски. Это давало возможность им становиться с течением времени указателем и живым каталогом содержимому книжному материалу в лавке. Хозяйская разметка цен на книге на последней странице обложки или переплета давала возможность знать точку отправления при обозначении цен. Таким образом мальчик вырастал, входил как бы в роль помощника приказчика и даже мог его заменять самостоятельно. Если же хозяин поручал ему ходить по лавкам и по постоянным покупателям, то его книжный кругозор все рос и делался шире, так сказать вырабатывался тип книжного деятеля и торговца книгами вообще. И те мальчишки, которые попадали к книгопродавцам-издателям, тоже проходили почти подобную же школу, постепенно следили и усваивали все приемы по изданию книг. Им приходилось также знакомиться с авторами трудов и разных книг, до беллетристики включительно, иметь дело с расчетами по типографии или с переплетчиками и т. п.

Приблизительно с 80-х гг. прошлого века букинисты и торговцы старыми книгами постепенно, но с должною боязнию, тоже занимаются изданием старых книг, которые им кажутся более подходящими и выгодными. И молодой книжник, оперясь, тоже начинал издавать кое-какие книжки, для чего он покупал права на издания от авторов. Вообще книжники любили прибегать к обмену с товарищами и соседями, так как это вело к более быстрому обороту дела. По хитроумному мнению Л. М. Шахпаразшанца, всякий книжник, приобретая разнообразный товар и особенно в нескольких экземплярах, а иногда и помногу в виде так называемых остатков изданий, должен постепенно, но возможно скорее расчищать себе дорогу к настоящему и ценному книжному товару, а все неважное, имеющее только временный или случайный интерес, он должен сбывать при первой возможности менкой на какие угодно другие искомые книги и освобождать свое дело от излишней засоренности ненужными или малокурными¹⁴ экземплярами. Потребности массового читателя в Москве, а отчасти и в Петербурге удовлетворяли так называемые лубочники, или издатели Старой площади в Москве и Никольской ул., а у нас в Петербурге — Апраксина рынка, и только Холмушины, Сытин и Ступин¹⁵ нашли возможным облагородить книжный товар и дать в руки массовому читателю Пушкина, Толстого, Гаршина и др.

III

Я в неумелых словах старался Вам обрисовать, дорогой мой читатель, как в течение длительного процесса появилась и выросла многополезная армия разного рода активных книжных деятелей. Посмотрим ближе, чем мы обязаны книжникам разных статей, начиная со времен древности:

1. Во все времена предыдущей жизни нашего отечества книги и всякое бумажное и листовое добро, писанное и печатное и пр., списки литературных произведений, подлинники их и всякого рода автографы, книги, тетради, письма авторов, записки, рисунки и картины, портреты, карикатуры, внутренний вид зданий и домов, виды местностей, иллюстрации к сочинениям авторов, далее разные ученые работы в разных областях знания,— все это дошло до наших времен и сохранилось, сбереженное трудами наших старых книжников. Если обозреть оком письменность, и затем, с XVI в. печатное наследие веков, то всему этому в старые времена не было возможности находить охрану. На руках у владельцев, особенно после смерти культурных деятелей, писателей и др., очень многое из рукописного и книжного достояния если не попадало сейчас же под печку и на растопку, то по старому и «доброму» обычаю все перемещалось в каждом обычном доме в чердаки. При продаже дома содержание чердаков переходило к новому домовладельцу, да даже если этого и не было, а просто один хозяин уходил в вечность, а ему наследовала молодая смена, то и в этом случае весь книжный и бумажный скарб тоже получал себе место на том же чердаке, но в виде нового последнего наслоения. Такие пласты книг и бумаг накапливались обыкновенно на чердаках и не привлекали к себе внимания и только позднейшие, и то редкие, давали себя знать любопытному оку науки. Даже в наше время, т. е. в XX в., от родственников и дальних потомков наших художников, писателей, вообще знаменитых деятелей на вопрос, нет ли у них каких-нибудь писем, бумаг, автографов их родича, в ответ получаешь стереотипную фразу: «Нет, ничего нет, впрочем было одно или два письма Тургенева»,— так покойная дочь М. Н. Лонгинова и ее муж, кн. Козловский, на мой вопрос, не сохранилось ли у них писем Тургенева, с которым Лонгинов был очень дружен в старое время, отвечали: «Да было одно или два письма, да на что они Вам пригодятся?», а я их выпрашивал для Пыпина, который их напечатал. Также приходилось слышать о письмах Ф. М. Достоевского и Г. П. Данилевского, автора романов «Мирович», «Поход на Индию при Петре», «Беглые в Новороссии» и пр. Их письма

были найдены еще несожженными в ящиках с хламом для продажи тряпичникам или костяннымикам. Бывали времена, когда домовладельцы домов думали об освобождении чердаков от книжного хлама, выпешдшего из употребления. Книжники покупали все чохом сразу и затем долго разбирались в этом, подбирая разбитые листочки, они старались подобрать что-нибудь целое, а затем перепродавали своим антикварам или постоянным покупателям — любителям старины.

2. Если в свое время книжнику не удавалось узнать о продаже книжного скарба, то таковой сбывался в провинциальном городе или столицах старьевщикам; от этих последних все равно книжный бумажный скарб попадал к тем же книжникам, так как книжникам сообщали ежедневно особые хожалые комиссионеры, что где продается или кто и что купил.

Всякий поймет, что книжники, собирая и покупая всякую всячину, копались в книжном бумажном хламе, и бывали случаи, что как в песке находили алмазы. Таким путем историки искусства получили в руки рисунки, бумаги и письма знаменитого художника Боровиковского — портретиста XVIII века. Была обнаружена большая пачка писем Боровиковского к его приятелям о житье-бытье и работах. Письма были иллюстрированы от руки и покрыты многочисленными рисунками. История книги, история литературы и культуры могли бы нам выявить примеры, когда наши книжники, полуграмотные и голодные, но с искрой природного разума и какого-то необъяснимого почтения науке и искусству и литературе, приобретали ценности из скудных средств, желая сберечь тленные остатки культуры на будущие времена. При этом в большинстве случаев ими руководила не жадность, а искреннее и бескорыстное желание сберечь остатки прошлого. Наша наука, искусство, музыка, театр, изящная литература, история, вообще культура, очень многим обязаны нашим книжникам.

Нередко книжники, купив какую-нибудь заведомую редкость, несли ее к Шибанову на Никольскую в Москве или в Петербурге к Ключкову, Мелину и пр. и отдавали лишь с малою надбавкою, так как ограниченность материальных средств не позволяла им долго удерживать в собственных руках все наши библиотеки и книгохранилища.

Наши книжники являли собой так называемых антикваров, то, что за границей носит название сортименщиков. Сортименщиками называются такие букинисты, которые занимаются подбором книг по одной какой-нибудь известной специальности или отделу наук. Тратя время и труд на разыскание какой-нибудь книги, антиквар повышает цену на книгу, но такое повышение цены его покупателем считается

вполне нормальным, покупатель бывает доволен, что получил редкую книгу. И этим он всецело обязан антиквару. Большие антикварные фирмы — такие, как Шибанова в Москве, Ключкова в Петербурге, печатали обыкновенно каталоги и в корректурах посылали их в Гос. публичную библиотеку, в Исторический музей в Москве и в Библиотеку Академии наук и предлагали покупать книги по их каталогу. Таким образом, книжники-антиквары приносили громадную пользу ученым и науке, музеям, библиотекам и пр.

3. Бывали времена, когда у нас не было библиотек и музеев, и когда они были, но не функционировали правильно для публики, или в них не было русских книг и журналов, как, например, в Публичной библиотеке. Библиотеки оказывались малодоступными, так как были открыты только в служебные часы и то без света, и только библиотеки учебных заведений имели у себя русские книги. Публичная библиотека имела очень мало русских книг, т. е. ее фонд был преимущественно иностранный, французский. Академическая библиотека, Университетская и др. обслуживали по специальности своих специалистов и служащих. В старом Петербурге 1833 г. красовалась, как достопримечательность города, Смирдинская библиотека для чтения, а в Москве библиотека бр. Улитиных¹⁶ у Большого театра. А. Н. Пыпин рассказывал, что он написал свою магистерскую диссертацию при помощи исключительно Смирдинской библиотеки, так как многих русских книг и журналов не было в общественных библиотеках. Таким образом, ученым, работающим в области русской науки, приходилось заводить и устраивать у себя собственные библиотеки русских книг и журналов, истрачивать на это значительную часть средств своего заработка, а от продажи своих трудов и очерков нельзя было ожидать дохода, кроме обмена ими со своими товарищами.

4. Таким образом, русские книги, даже при наличии некоторого числа библиотек, были довольно далеки от многих читателей, которые в них нуждались, так продолжалось с конца XVIII в. и почти до 1860-х годов, т. е. времени освобождения крестьян и обновления русской жизни, и увеличения числа русских книг. Читатели нуждались в русских книгах, разыскивать и добывать книги было трудно: много уходило времени на розыски, а иных книг и совсем не находилось. Вот тут выступали на сцену книжники, букинисты, которые старались приводить в порядок книжную редкость в своих лавках, а иные из них так же, как и книжные магазины, устраивали в какой-нибудь каморке кабинет для чтения за особую плату. Книги выдавались за плату и на дом

на известный срок, или только на ночь. Условия, на каких можно было получать книги, у книжников были различные, напр., можно было купить несколько книг, а потом можно было ходить в эту лавку и менять их на равноценные. Уже в конце XVIII в., по свидетельству историка Петербурга Георги, в старом Петербурге стали заводится сперва немцами и французами, а потом и русскими небольшие библиотеки на сборные деньги, но к сожалению, такие затеи были недолговечны и потому можно утверждать, что наших читателей обслуживали по преимуществу наши книжники. Бывали случаи, что люди недостаточные приносили книжникам иные свои заветные или наследственные книги из числа ценных и оставляли их книжнику в обеспечение того, что читатель будет аккуратно возвращать книги при обмене, а также выплачивать плату за каждую книгу особо. Книжники охотно посылали книги покупателям и читателям и в другие города.

Таким образом, мы видим, что букинисты и разного рода книжники обслуживали нужды и запросы русской читающей публики, как бы взяв на себя обязанность обслуживать читателя и вполне заменяли собою отсутствие библиотечной помощи. Не следует забывать, что с 1870 г. или вообще с конца 1860-х годов происходит увеличение книг, а также появление «торговых библиотек», которые вносили в общий книжный оборот немалое число книг, по различного рода абонементам, получаемым публикой на разные сроки и на различных условиях, к себе на дом. Иные из таких торговых библиотек были очень недурно подобраны и подчас снабжены даже книгами научного характера. Достаточно отметить в старом Петербурге библиотеку бр. Семенниковых, Невскую Тяпкина, Невскую Черкасова, затем на том же месте Ольги Поповой и затем Н. М. Косовского, Иванова на Гороховой ул. и др. Старые книжники и букинисты, таким образом, немало и бескорыстно потрудились на пользу русского просвещения и русской культуры.

5. Лавочные торговцы и букинисты покупали ненужные книги в домах у частных лиц, приводили их в порядок и переплетали. Если подержанная книга была хорошая, расценивали ее, назначая цену не выше половины номинальной стоимости новой книги. Особенно стоит отметить довольно выгодную профессию старого книжника, когда он сосредотачивал у себя торговлю старыми и «подержанными» учебниками. Эта торговля была выгодна и для школьников. Еще известный библиограф и издатель сочинений Пушкина, Лермонтова, Полежаева и др. П. А. Ефремов любил вспоминать, как осенью каждого года отец водил его на Никольскую ул. в

лавку И. Г. Кольчугина (в доме Казанского собора) забирать все учебные книги. Старые прошлогодние учебники сдавались в промен на новые, а за новые платилась приплата. Учебник служил обыкновенно много лет без перемен, особенно по таким предметам, как математические задачки, география, катехизис, и т. п. Учебники долго не менялись, и Учебное ведомство в лице Мин. Народного Просвещения только в 50 и 60-е гг. попробовало само издавать казенным путем учебники: русскую грамматику Востокова, геометрию Буссе, задачки и т. п., причем удешевило до невозможного стоимость книг, до четвертака в плохоньком переплете. С 1870-х гг. выступают на сцену педагоги — составители учебников, они печатают на свой счет издания, носят на одобрение в Ученый комитет и по знакомству высказывают одобрение своему учебнику. Таким образом, дойная корова выроста, остается только продать втридорога книгопродавцу-издателю. С 1870-х гг. учебники стали неизменно повышаться в цене, ежедневно за лето к началу учебного года появлялись все новые и новые издания. Авторы вполне недобросовестно изменяли характер книги с каждым изданием и даже не в целях какого-либо улучшения учебника, а просто чтобы ввести искусственную разницу в изданиях и принудить покупателей менять издания без нужды. Приемы педагогов были, например, таковы: переставить порядок задач в задачке и пр.

Одним словом, книжники, взяв в свои руки подбор учебных книг, являлись не только полезными снабдителями школьников книгами, но даже просто благодетелями рода человеческого, так как они много скидывали в цене за книги подержанные с подчеркнутыми местами в тексте и т. п. Иные букинисты не прочь бывали бедным неимущим детям или жалким на вид безвозмездно отпускать книги, причем, конечно, вспоминали слова Некрасова в отношении Ломоносова¹⁷. В Москве я сам видел не раз, как А. А. Астапов раздавал безденежно бедным детям или увечным солдатам учебники и книги для чтения¹⁸. Точно так же я видел, как он давал книги в виде недорогого товара пропойцам-книжникам, желающим остепениться, или желающим начать свое собственное дело «стрелкам», книги на развод или на счастье, чтобы начать свое дело.

6. Книжники любили полиберальничать, они имели знакомство с профессорами, академиками, студентами, офицерами и моряками, всем им они умели услужить по какой-либо части запрещенной цензурой литературы, точно так же, если представлялась возможность, при случае добывать за грош или выменивать запрещенные книги или разные недозволенные

тетрадки и листовки. Книжники любили услужить своим покупателям. Запрещенные книги они обыкновенно держали дома под спудом, а вообще книжники любили молодежь, студентов разных учебных заведений и смотрели на них, как на передовую смену. Книжники умели добывать кому что нужно и передавать вовремя. Вспоминаются мне два брата Черенины в Москве — шестидесятники. Один из них описал в свое время эту деятельность книжников и студентов в рукописном романе «Блуждающие огни», копия с этого произведения была мною передана в Гос. Исторический музей в Москве вместе с разными моими материалами по истории книжной русской торговли, портретами и пр. Таким образом, и в деле освободительного движения нашим книжникам тоже принадлежит известная доля участия.

7. Издавна наши книжники и букинисты оказывали услуги своим покупателям по переплетной части, покупатели принесли им книги для переплета, книжники сдавали их в переплет своему постоянному переплетчику.

Иные книжники-букинисты и сами любили подправлять растрепанные книги, вкладывать листы в папку от какой-нибудь книги и перевязывать веревочкой или едровой ниткой. Иные книжники занимались починкой старопечатных книг, мыли листы книги и освобождали ее от грязи, подклеивали оторванные уголки, для чего подыскивали одинакового цвета бумагу и окрашивали ее цикорейным раствором, а чтобы уголки лучше приставали и приклеивались к страницам книги, они стачивали края бумаги, и, помазав клеем, плотно прижимали один к другому. Более рьяные из них, особенно из числа людей древнего благочестия — по старой вере «подписывали» книгу, т. е. писали все недостающее на уголках или на целых листах, и такие вставки подгоняли и вставляли в книгу.

Пополнять утраченное в книге приходилось им после долгих розысков и нахождения подобной же книги. Самым ярким примером такого радетеля целости был очень старый книжник в Ново-Александровском рынке в Пассаже от Вознесенского пр. Я его знал и покупал у него разные рукописные и печатные книги, при этом каждая книга носила на себе следы его старательной и умелой починки, но цены у него были высокие, и я из своих грошей в гимназическую и университетскую эпоху моей жизни не мог приобрести, даже и дешево, редкость, которая могла бы меня радовать чуть не в течение всей моей дальнейшей жизни, как, например, знаменитая Острожская Библия во 2-м ее издании в 1581 г., или Словарь старославянского языка.

Это был, как его все звали, и как называл его внук (очень хороший книжник-ярославец Петр Прокофьевич Крылов, который о нем мне рассказывал много неизвестного), Иов Герасимович, или просто как его называли Ивушка-дедушка¹⁹. Он был высокого роста, здоровый, с острым пронизывающим взглядом, на глазах носил круглые старомодные очки, а на плечах имел хорошую лисью пубу. Он бывал словоохотлив, и я очень любил с ним беседовать о старине и особенно о старых книгах, он отлично умел различать даже в неполных книгах место, печать и выход книги. Старопечатную палеографию и библиографию он знал назубок, я ему обязан многими моими сведениями по книжной части, усвоенными от него практически. Он торговал в Александровском рынке, причем его лавочка приходилась на углу между линией и проходом. Если не было в лавке покупателей, то он все время занимался починкой книг и тетрадей, это было его душевным подвигом. Я со слов его внука Крылова написал этюд о нем, который помещен в «Старых годах» Вейнера. Он начал свою торговлю еще на Апраксином дворе. Ему в свое время также посвятил большую статью Н. С. Лесков. Таких типов, как Герасимов, мне приходилось встречать в разных городах, и меня всегда умиляло книжное почитание таких людей.

Я закончил свой этюд о мальчиках и их эволюции, далее я изложил весь рост книжника во время его горемычной книжной службы, указал, как он душевно привязывался к книге и с малых лет старался быть полезен читающей публике. Он имел перед собой какой-то смутный идеал книжного почитателя. Чем дальше, тем больше наш книжник укреплялся в книжной вере и незаметно попадал в ряды тех людей, которые дороги нам по своему книжному почитанию и службе русскому люду и родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ярославцами были книгопродавцы А. П. Воронин, И. Г. Герасимов, И. Е. Козлов. См. их мемуары.— ОР ГВЛ, ф.362, к.5.

² См.: Перевозняков И. П. Воспоминания... ЦГАЛИ, ф. 461, т. 1, ед.хр. 28, 29.

³ См.: Даль В. И. Толковый словарь.— Спб.—М., 1882, т. 4, с. 13.

⁴ См.: Розанов И. Н. Книги и люди в XIX веке.— В кн.: Русская книга XIX века. М., 1925, с. 457—460; Смирдин А. Ф. Биографический очерк И. И. Булатова.— Известия книжного магазина тов-ва М. О. Вольфа, 1898, № 4, с. 83.

⁵ П. К. Симо́ни, по-видимому, имеет в виду то, что штат и положение о библиотеке было утверждено в 1810 г. Александром I. См.: Описание торжественного открытия императорской публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. Спб., 1814.

⁶ См.: Список книжных магазинов и лавок в Санкт-Петербурге.— Книжный вестник, 1860, № 22, с. 259—261; Столянский П. Книга в старом Петербурге.— Русское прошлое, 1923, № 1, с. 109—120.

⁷ См.: Смирдин А. Ф. Биографический очерк И. И. Булатова.— Известия книжного магазина тов-ва М. О. Вольфа, 1898, № 4, с. 83; Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. Спб., 1858, т. 1.

⁸ См. картотеку П. К. Симо́ни.— ОР ГБЛ, ф. 362.

⁹ См. Розанов И. Н. Указ. соч., с. 464—465.

¹⁰ См.: Даль В. И. Толковый словарь.— Спб.— М., 1882, т. 4, с. 451.

¹¹ См.: Три книгопродавца минувшего времени.— Библиограф, 1892, № 1, с. 38—44.

¹² См.: Материалы для истории русской книжной торговли и издательской деятельности Глазунова за сто лет 1781—1881.— Спб., 1883.

¹³ См.: Старейший русский издатель.— Книжная биржа, 1905, март, с. 13.

¹⁴ Неполными или запачканными и мятыми (примечание П. К. Симо́ни).

¹⁵ См.: Материалы для истории русской книжной торговли.— Спб. 179, с. 1—46; Белоусов И. Литературная Москва.— М., 1927, с. 41—44; Полвека для книги.— М., 1916.

¹⁶ Три книгопродавца минувшего времени.— Библиограф, 1892, № 1, с. 38—44; Несколько слов о публичных библиотеках.— Молва, 1857, № 21, с. 250.

¹⁷ Некрасов Н. А. Школьник.— Сочинения. М., 1959, т. 1, с. 158—159.

¹⁸ См.: Белоусов И. Указ. соч., с. 45; Симо́ни П. К. Воспоминания. ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, д. 9; Астапов А. А. Старый букинист.— Воспоминания старого букиниста. М., 1892.

¹⁹ См.: Симо́ни П. К. Работа о И. Г. Герасимове.— ОПИ ГИМ, ф. 37.

Хроника

XI—XIII СЕЗОНЫ РАБОТЫ СЕКЦИИ БИБЛИОФИЛОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВОК (1975—1978)

Хроника работы Секции библиофилов за первые десять сезонов (1965—1975 гг.) была опубликована в выпуске 3 «Альманаха библиофила» (1976). При содействии Правления ленинградского отделения ВОК и Ленкниги за последние три года Секция существенно выросла и окрепла, количество членов ее возросло со 106 до 231 человека.

В тринадцатом сезоне к нам пришли 29 «новичков», средний возраст которых 42 года; мы рассматриваем это, как небольшую, но все же победу — результат нашей борьбы за омоложение состава Секции — в ее работе участвуют комсомольцы, молодые рабочие, учащиеся. Из 29 неопитов Секции один доктор и трое кандидатов наук, а всего в наших рядах один член-корреспондент АН СССР, четыре доктора и 22 кандидата наук, пять членов творческих союзов.

Большинство членов Секции принимает активное участие в ее работе, каждое заседание посещает от 85 до 95 человек.

XI СЕЗОН 1975—1976 гг.

- 233—29.09.75 Открытие сезона. В. А. Петрицкий, канд. филос. наук — «Книга и время»
- 234—06.10 Н. И. Хомчук, науч. сотр. ИРЛИ — «Новое о Есенине».
- 235—13.10 С. П. Луппов, докт. ист. наук — «Личные библиотеки русских государственных деятелей 2-й четверти XVIII века».
- 236—20.10 В. Г. Шапиль, член ССХ — «Книжный знак — его суть, форма, исполнение».
- 237—27.10 Н. И. Штакельберг, книголюб — «Зачем и какие книги я собираю».
- 238—03.11 В. А. Петрицкий — «Библиофильство как творчество».
- 239—10.11 А. Г. Ирлин, книголюб — «Александр Блок и русское искусство».
- 240—17.11 И. К. Григорьев, книголюб — «Обзор материалов, помещенных в выпусках 1 и 2 сборника «Книжная торговля».
- 241—24.11 С. М. Бабинцев, канд. пед. наук — «Книги с автографами в моем собрании».
- 242—01.12 И. А. Шомракова, канд. пед. наук — «Библиотека А. Блока».

- 243—08.12. Л. М. Соскин, книголюб — «Современная книга — модная, дефицитная, редкая».
- 244—15.12 А. И. Чарушников, член ССЖ — «Первый издатель Максима Горького — А. П. Чарушников»; Г. Г. Фирсов, проф. — «Библиотека в Павловске».
- 245—22.12 А. С. Коровченко, книголюб — «Книги у декабристов на каторге».
- 246—05.01.76 И. К. Григорьев, книголюб — «Книги об А. А. Мгеброве».
- 247—12.01 О. Б. Враская, канд. пед. наук — «Татьяна Александровна Быкова — жизнь и деятельность».
- 248—19.01 И. И. Меттер, член ССП — «Книга и записные книжки писателя».
- 249—26.01 С. А. Сысоев (сотрудник Ленкниги) — «Бюро пропаганды и рекламы Ленкниги».
- 250—02.02 А. С. Мыльников, докт. ист. наук, профессор — «250 собраний Секции библиофилов ЛО ВОК»; Л. В. Успенский, член ССП — «Записки старого скобаря».
- 251—09.02 В. А. Петрицкий — «Автографы в моем собрании».
- 252—16.02 М. Б. Вознесенский, начальник Ленуприздата — «Ленинградские издательства в 1976 году».
- 253—23.02 Я. Б. Рабинович, книголюб — «Мемуары моряков — участников Великой Отечественной войны».
- 254—01.03 А. С. Коровченко — «Книги о женщинах в небе войны».
- 255—15.03 С. А. Наумов, книголюб — «Воспоминания И. Е. Козлова (1862—1933)».
- 256—22.03 С. В. Белов, канд. филол. наук — «Издатель А. Блока С. М. Алянский».
- 257—29.03 Л. М. Равич, канд. пед. наук — «В. Д. Комовский и А. М. Языков (из истории русской библиографии)».
- 258—05.04 В. Е. Казанков, книголюб — «Моя библиотека».
- 259—12.04 Ю. Н. Чирва, канд. искусствоведения — «Книга и театр».
- 260—19.04 Л. М. Крейдлина, канд. ист. наук — «Издание и распространение произведений В. И. Ленина до Великой Октябрьской Социалистической революции».
- 261—26.04 С. Ю. Юрский, засл. арт. РСФСР — «Актер и Книга».
- 262—03.05 А. К. Шварцкопф, главный инженер типографии «Печатный Двор» — «Как делается книга».
- 263—10.05 Р. Б. Корнев, М. И. Борисова, Б. Н. Никольский, В. С. Тублин, члены ССП — «У нас в гостях редакция журнала «Нева»».
- 264—17.05 В. А. Мануйлов, — д-р филол. наук, профессор — «Из литературных воспоминаний».
- 265—24.05 И. Г. Мямлин, канд. искусствоведения — «Книга — искусствоведу, искусствовед — Книге».

XII СЕЗОН 1976—1977 ГГ.

- 266—27.09.76 Открытие сезона.
Н. Я. Борисов, первый зам. председателя правления ЛО ВОР—«Одиннадцать сезонов нашей Секции библиофилов»; Д. Т. Хренков, член ССП, главный редактор Лениздата—«Лениздат в 1977 г.».
- 267—04.10 М. А. Любавин, книголюб—«Издания произведений К. Ф. Рылеева».
- 268—11.10 И. К. Григорьев—«Стандарт и книга».
- 269—18.10 А. Л. Островский, С. В. Радионов, члены ССП—«У нас в гостях редакция журнала „Аврора“».
- 270—25.10 А. С. Коровченко—«Книгоиздатель В. А. Березовский».
- 271—01.11 В. А. Крылов, книголюб—«Типография Горного училища».
- 272—15.11 С. В. Белов—«Книга в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского».
- 273—22.11 А. М. Блинов, директор архива—«Личные фонды деятелей литературы и искусства в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства (фонды Г. С. Гора, Д. А. Гранина, А. Ф. Достоевского, Л. В. Успенского, В. И. Честнокова, Ф. М. Эрмлера и др.)».
- 274—29.11 Л. Л. Альбина, канд. ист. наук, главный библиотекарь ГПБ—«Вольтер—читатель».
- 275—06.12 В. Э. Репенгер, артист БДТ им. М. Горького—«Главы из книги „Письма от Гамлета“».
- 276—13.12 Вечер памяти нашего друга, председателя Клуба книголюбов ЦДРИ (Москва) Анатолия Филипповича Иваненко. Сообщение Б. Д. Сурица и А. П. Толстякова. Воспоминание С. В. Белова, Р. А. Лившиц, Ю. В. Маретина, В. А. Петрицкого, Я. Б. Рабиновича.
- 277—20.12 И. О. Фояков, член ССП, ССЖ—«Дружеская встреча».
- 278—27.12 М. С. Альтман, д-р филол. наук, проф.—«Воспоминания о поэте В. И. Иванове (1866—1943)».
- 279—03.01.77 М. Б. Вознесенский—«Проблемы книгоиздательского дела в свете решений XXV съезда КПСС».
- 280—10.01 З. И. Власова, канд. филол. наук, науч. сотрудник ИРЛИ—«В. И. Даль и издания собранного им фольклора».
- 281—17.01 Ю. В. Маретин, канд. ист. наук—«Настоящее и будущее книги».
- 282—24.01 В. С. Бахтин, член ССП—«Избранные главы из новой книги».
- 283—31.01 М. Д. Эльзон, канд. пед. наук—«А. Г. Фомин—видный советский библиограф».
- 284—07.02 Я. С. Сидорин, канд. техн. наук, ученый секретарь Секции—«Русские альманахи и журналы в моем собрании».
- 285—14.02 В. А. Ветрогонский, член-кор. Академии художеств СССР, засл. художник РСФСР, проф.—«Художник и книга».

- 286—21.02 Р. Ш. Сот, книголюб—«Советские вооруженные силы в отечественной военно-исторической литературе».
- 287—28.02 А. Д. Балабуха, писатель-фантаст—«Научная фантастика отечественных издательств в 1971—1976 гг.»
- 288—14.03 М. А. Любавин—«Русские периодические и летучие издания в моем собрании».
- 289—21.03 Ю. Е. Бирман, канд. пед. наук—«Михаил Пришвин—читатель».
Н. П. Хаймович, книголюб—«Мои встречи с А. С. Новиковым-Прибоем».
- 290—28.03 И. К. Григорьев—«Нико Николадзе—революционный демократ, издатель, публицист».
- 291—04.04 Л. М. Милиндер, артист акад. театра комедии—«Николай Павлович Акимов—книжник, художник, театральный деятель, писатель».
- 292—11.04 Ю. Д. Дмитриевский, д-р геогр. наук, проф.—«Что это такое—библиотека ученого».
- 293—18.04 Л. М. Крейдлина—«В. И. Ленин и его дореволюционные издатели».
- 294—25.04 П. П. Панков, засл. арт. РСФСР—«Артист и Книга».
- 295—16.05 Л. В. Успенский—«Из литературных воспоминаний».
- 296—23.05 Л. Л. Альбина—«Вольтер—историк».
- 297—30.05 Закрытие XII сезона.
Н. Я. Борисов—«Двенадцать сезонов работы Секции библиофилов»;
А. И. Маркушевич, действительный член АПН СССР, проф.—«Счастье с книгами»;
М. З. Гордон, книголюб—«Три образа Петербурга в произведениях Т. Готье, А. Дюма-отца, К. де Местра в переводах докладчика».

XIII СЕЗОН 1977—1978 ГГ.

- 298—26.09 Открытие сезона.
О. Г. Ласунский, член ССП, канд. филол. наук, руководитель клуба «Воронежский библиофил»—«Становление советского библиофильства».
- 299—03.10 П. Н. Персюк, собиратель—«Книги о космосе и космонавтах».
- 300—10.10 Ю. В. Маретин—«Советская книга за 60 лет».
- 301—17.10 Е. Д. Петряев—«Вятские книголюбцы».
- 302—24.10 И. К. Григорьев—«Петроградская книга революционных лет».
- 303—31.10 В. А. Петрицкий—«Советские Конституции и развитие книжного дела в СССР».
- 304—14.11 И. Г. Мямлин—«Художник историко-революционной книги Г. С. Бершадский (1895—1963)».

- 305—21.11 Д. Т. Хренков — «Лениздат в 1978 г.»
- 306—28.11 Л. Л. Альбина — «„Опасные“ книги в библиотеке Вольтера».
- 307—12.12 М. С. Лесман, книголюб — «О людях и книгах».
- 308—19.12 М. А. Любавин — «Журнал „Вестник Европы“ в 1812 г.»
- 309—26.12 Л. М. Равич — «Михаил Илларионович Михайлов — библиофил и библиограф».
- 310—02.01.78 Я. С. Сидорин — «Издания произведений А. Н. Радищева».
- 311—09.01 И. К. Григорьев — «Терминология библиофильства».
- 312—16.01 М. Д. Эльзон, канд. пед. наук — «Загадка Н. А. Н. (библиографическое исследование)».
- 313—23.01 А. М. Левенко, книголюб — «Издания произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина в моем собрании».
- 314—30.01 В. А. Масленников, зам. директора Ленкниги — «Ленкнига в 1978 г.»;
Я. В. Рабинович — Отчет о деятельности секция библиофилов ЛО ВОК за последние два года и о росте показателей. Перевыборы Бюро Секции.
- 315—06.02 С. В. Белов — «Первое советское издательство детской литературы».
- 316—13.02 М. Б. Вознесенский — «Ленинградские издательства в 1978 г.»
- 317—20.02 Р. Ш. Сот — «Книги о гражданской войне (историческая литература 1918—1978 гг.)»
- 318—27.02 А. В. Блюм, канд. филол. наук и И. Ф. Мартынов, канд. пед. наук — «Книга и библиофильство в русской литературе XVIII в.»
- 319—06.03 Н. И. Штакельберг — «Путеводители, справочники, исторические и краеведческие сборники, посвященные городам Советского Союза».
- 320—13.03 Е. П. Брандис, канд. филол. наук, член ССП — «Русская, советская и зарубежная жюльверниана».
- 321—20.03 А. М. Рабинович, директор книжной базы Ленкниги — «Книжная база книготорга на современном этапе».
- 322—27.03 Н. Н. Житомирова, канд. пед. наук — «Е. П. Привалова — библиофил, знаток и критик детской литературы».
- 323—03.04 М. Г. Любарский, канд. юрид. наук, зам. начальника Центр. ленинградской лаборатории судебной экспертизы — «Невыдуманный детектив (как раскрываются тайны старинных книг и рукописей)».
- 324—10.04 Я. В. Рабинович — «Некоторые допетровские и петровские издания в моем собрании».
- 325—17.04 А. А. Тимофеев, книголюб — «Б. М. Кустодиев и книга».
- 326—24.04 Ю. М. Свириг, засл. арт. РСФСР, драматург — «Театральные автографы моего собрания (документы, дарственные надписи, афиши)».

- 327—15.05 А. М. Гордин, М. В. Алексеевская, В. П. Веселков, Ю. М. Денисов, Л. К. Кашкарова, Н. М. Козырева, Т. М. Соколина — создатели книги «Город глазами художника» о своей работе.
- 328—22.05 Р. Б. Корнев, Ю. П. Зубов, В. Г. Максимов, Б. Н. Никольский, члены ССП «У нас в гостях творческий коллектив журнала „Нева“».
- 329—29.05 Закрытие сезона.
 В. Г. Федоров, первый заместитель председателя правления ленинградского отделения ДОК РСФСР — «Тринадцать сезонов работы нашей секции библиофилов»;
 А. Э. Мильчин, главный редактор издательства «Книга» — «Работа нашего издательства в 1978 г. и перспективы на 1979 г.»
 Выступления авторов издательства: д-ра филол. наук, проф. И. Е. Баренбаума и канд. филол. наук В. Э. Вапура.

Составил Я. Рабинович

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август, саксонский курфюрст 140, 146, 149
 Август Сильный, курфюрст 148
 Августин Аврелий 89
 Августыняк Я. 48, 50, 54, 56
 Авиновицкий Ф. С. 155
 Агин А. А. 72
 Адамский З. 63
 Азадовский М. К. 41
 Айвазовский И. К. 80
 Айтматов Ч. Т. 5
 Акимов Н. П. 234
 Аксаков И. С. 92, 202
 Аксаков С. Т. 117
 Александр I 33, 101, 215, 228
 Александр II 32, 73, 219
 Александр III 38
 Алексеев М. П. 41, 158
 Алексеев П. А. 189
 Алексеевская М. В. 236
 Альбина Л. Л. 233—235
 Альд Пий Мануций 91, 148
 Альды 88, 89, 91
 Альтман М. С. 233
 Алянский С. М. 232
 Амичис Э. де 165
 Анагус М. 186
 Андреев см. Н. Г. Чернышевский
 Андреев Л. Н. 170, 189
 Андреева М. А. (Маевская) 164, 166, 167
 Анисимова А. П. 44
 Анненков П. В. 179
 Антипоркович Федор 136
 Антонович М. А. 37
 Аракчеев А. А. 14
 Асафьев Б. В. 171
 Астапов А. А. 225, 228
 Атанасов П. 139
 Ахматова А. А. 17, 19, 22, 23
 Бабинцев С. М. 231
 Баборенко А. К. 111
 Базунов А. Ф. 215
 Базуновы 212
 Базыкин Н. В. 212
 Байрон Дж. Н. Г. 123
 Бакай Н. Н. 41
 Балабуха А. Д. 234
 Бальмонт К. Д. 17, 21
 Баранов Никифор 147
 Баратынский Е. А. 21—23, 117, 122
 Барбу, издатели 88
 Баренбаум И. Е. 236
 Баринов А. П. 42, 45
 Барклай де Толли М. В. 79
 Барникот Дж. 134
 Барр А. 163
 Бартолоцци Ф. 89
 Баруздин С. А. 5
 Бас И. И. 137
 Баскервиль Д. 88, 91
 Баторий Стефан, король Польши 145, 149
 Батурин Н. Н. 188
 Батюшков К. Н. 20, 116, 122
 Бахтин В. С. 233
 Бахтин М. М. 19
 Бедный Демьян 158
 Бейсов П. С. 43
 Беленький Е. И. 42
 Белинский В. Г. 41, 42, 44, 67, 69, 72, 79, 111, 179
 Белов С. В. 232, 233, 235
 Белоусов И. А. 228
 Беранже Т. 81
 Березов П. И. 137
 Березовский В. А. 233
 Бершадский Г. С. 234
 Бессонов Б. Л. 182
 Бестужев (Марлинский) А. А. 71

- Билибин И. А. 189
 Вильдяга Иван 136
 Бирман Ю. Е. 234
 Благой Д. Д. 41, 44, 45, 194
 Блинов А. М. 233
 Блок А. А. 13, 18, 20, 173, 231, 232
 Блюм А. В. 115, 235
 Бобринская, графиня 86
 Богомолов, букинист 112
 Богорич Адам 140
 Бодони, издатели 88
 Бодянский О. М. 209
 Бокачев Н. Ф. 84, 87
 Боккаччо Дж. 173
 Болоньетти А. 114, 146
 Большаковы С. Т. и Т. Ф. 212
 Бонч-Бруевич В. Д. 14
 Борисов Н. Я. 233, 234
 Борисова М. И. 232
 Боровиковский В. Л. 222
 Боровчик В. 58
 Бостель Ф. 135, 151
 Боткин В. П. 112, 179
 Боттичелли С. 12
 Брандис Е. П. 235
 Бруно Дж. 142
 Брюсов В. Я. 21
 Вуковский Я. 52
 Булатов И. И. 227, 228
 Булгаков М. А. 15
 Бунин И. А. 97, 99, 109—124, 169—171, 173, 202, 203
 Бунин Ю. А. 111
 Бунина А. П. 122
 Бурденко Н. Н. 44
 Бурнашев В. П. 79, 80
 Бурцов В. Ф. 130
 Буссе Ф. И. 222
 Буташевич-Петрашевский М. В. 68, 73
 Бухштаб Б. Я. 181
 Быков В. М. 162
 Быкова Т. А. 133, 232
 Быстров И. П. 118
- Вавилов С. И. 158
 Вахтангов Е. Б. 171, 172
 Вацуро В. Э. 236
 Вейнер П. П. 227
 Веневитинов Д. В. 111, 122
 Венжик Ф. 51
 Вергилий 91, 123
 Верещагин В. В. 80
 Верлен П. 174
- Веселков В. П. 236
 Веселовский А. Н. 207, 208
 Ветрогоновский В. А. 233
 Вечорек В. 47, 58
 Виардо-Гарсиа М. П. 80
 Виноградов Г. 208
 Витган П. 48
 Витязев Ф. И. 209
 Власов А. С. 88, 89
 Власова З. И. 233
 Водозовов В. В. 30
 Вознесенский М. Б. 232, 233, 235
 Возницкий Б. Г. 152
 Волков Н. Д. 169—175
 Волский М. И. 144, 145
 Вольский Т. 55
 Вольтер 9, 116, 233—235
 Вольтер Э. А. 207, 208
 Вольф М. О. 80, 212, 215, 217, 219, 227, 228
 Вольф С. 81
 Воронин А. П. 212, 227
 Востоков А. Х. 225
 Враская О. Б. 232
 Врубель М. А. 12, 13
 Выдащенко М. Б. 152
 Выспяньский С. 52, 56
- Галактионов И. Д. 137
 Галкевич М. 59
 Галли П. 144
 Гаркави А. М. 182
 Гарретт Э. 184
 Гаршин В. М. 220
 Гаскон 89
 Гейне Г. 18
 Генкель В. Е. 219
 Геннади Г. Н. 83, 196
 Георги И. Г. 224
 Гераклатов А. А. 151
 Герасимов И. Г. 227, 228
 Герасимов Н. И. 212
 Гербель Н. В. 110
 Геродот 89
 Герхард И. Э. 140
 Герцен А. И. 68, 69, 71, 112, 181, 182
 Гете И. В. 10, 15, 123
 Гидони Г. И. 155
 Гиероглифов А. С. 73, 74
 Гин М. М. 182
 Гишпаус З. Н. 170
 Гладков Ф. В. 44
 Глазунов К. И. 212, 228

- Глазуновы 212, 219
 Глинка Ф. Н. 71
 Гоголь Н. В. 69, 74, 80, 121
 Голицын М. А. 82—88, 90—92
 Голицын М. П. 88
 Голицын С. М. 82, 89
 Голицын С. М., сын М. А. Голицы-
 на 83, 85, 87, 90
 Головкин А. 88
 Голубов С. Н. 73
 Гольц Э. 47
 Гомер 110, 123
 Гомзина О. Н. 91
 Гомулина А. К. 155
 Гончаров И. А. 75
 Гор Г. С. 233
 Гораций К. Ф. 123
 Горбунов-Посадов И. И. 114
 Гордин А. М. 236
 Гордон М. З. 234
 Горнфельд А. Г. 185
 Горький М. 41, 113, 154, 158, 162,
 232
 Готье Т. 234
 Гофман Э. Т. А. 10
 Гравело Г. Ф. 88
 Гранин Д. А. 233
 Грансон Р. 144
 Грассхоф Г. 140
 Грибоедов А. С. 68, 78
 Григорий XIII, папа римский 143
 Григорович Д. В. 179
 Григорьев А. А. 173
 Григорьев И. К. 231—235
 Гриневецкий М. 138
 Гришунин А. Л. 35
 Громов Г. И. 119
 Грот Я. К. 207, 208
 Губар П. В. 67—74, 76—79, 81
 Губицкий В. 145—147
 Гуковский Г. А. 42
 Гумилев Н. С. 170
 Гуревич А. В. 41
 Гюнцбург К. М. М. 83—87
- Даль В. И. 227, 228, 233
 Даниельсон Н. Ф. 33—35
 Данилевский Г. П. 221
 Д'Аннуцио Г. 164
 Данте Алигьери 8, 17, 21, 123, 173
 Деверий 90
 Дезень 90
 Делано А. 184, 186
 Деледда Г. 165
- Демень Л. 139
 Демольер И. Ж. 118
 Денисов Ю. М. 236
 Денуайе О. Г. Л. 89
 Державин Г. Р. 11, 41, 122
 Десницкий В. А. 158
 Джамии А. 89
 Джевицкий М. 55
 Джунта, издатели 88
 Дидо, издатели 88
 Дионисий Афр 91
 Дмитриев-Мамонов А. М. 88
 Дмитриев-Мамонов Ф. И. 116
 Дмитриевский Ю. Д. 234
 Дмитрий Самозванец 143
 Дмитрировский И. 84
 Добролюбов А. М. 7
 Добролюбов Н. А. 181, 182
 Добужинский М. В. 189
 Доде А. 165
 Долатовский З. 62
 Доре Г. 12
 Дорошевич В. М. 171
 Достоевский А. Ф. 233
 Достоевский Ф. М. 9, 14, 18, 19, 23,
 68, 142, 173, 179, 182, 221, 233
 Драгоманов М. П. 37
 Древе 89
 Дрымер В. 63
 Дульнева К. П. 183
 Дунин Я. 46, 58
 Дунина Ц. 46
 Дюкре-Дюмениль Ф. 116
 Дюма А. (отец) 234
 Дюмушель 89
 Дюрер А. 89
 Дятлев С. П. 129
- Евгенийев-Максимов В. Е. 71, 181,
 182
 Ермолаев В. И. 44
 Ермолов А. П. 68
 Ерчич В. 141
 Ерипов П. П. 41
 Ефремов П. А. 79, 180, 224
- Жданов В. А. 97, 98
 Желябов А. И. 189
 Жемчужников А. М. 69
 Жеребцов Б. И. 41
 Жироде де Тризон А.-Л. 90
 Житомирова Н. Н. 235
 Жуковский В. А. 24, 74, 75, 111,
 116, 122

- Зайденшнур Э. Е. 96—99
 Зайцев Б. К. 203
 Зангвиль И. 165
 Запаско А. П. 133, 151
 Засулич В. И. 40, 69
 Захарова С. И. 78
 Звенигородский А. В. 192
 Здобнов Н. В. 41
 Зейпельт Ш. 54
 Зеркалова Д. В. 175
 Зернова А. С. 134, 135, 140, 151
 Зигмунт Август, король Польши 51
 Зильберштейн И. С. 129, 158
 Зубов Ю. П. 236
- Иван Друкаревич 136
 Иван, серб 140
 Иван, священник 137
 Иван Федоров, первопечатник 127, 129, 130, 133—152, 192
 Иван IV Грозный 134, 136, 143, 145, 149
 Иваненко А. Ф. 5, 233
 Иванов 215
 Иванов В. И. 233
 Иванов Вс. В. 202
 Иванов Михаил 147
 Иваск У. Г. 88
 Измайлов А., ветеринар 79
 Измайлов А. Е. 78
 Иконников В. С. 85
 Илличевский А. Д. 74
 Ильф И. А. 15
 Иогансон Ф. А. 77
 Ионьский М. 49
 Ирлин А. Г. 231
 Исаевич Я. Д. 133, 151
 Исаков Н. В. 85
 Исаков Я. А. 212
- Кавын С. 55
 Казанков В. Е. 232
 Калинин М. И. 191
 Каллизергос З. 91
 Камоцкий Ф. 56
 Кант И. 84
 Карамзин Н. М. 78
 Карамзины Ал. Н., Ан. Н., В. Н. 83
 Карбасников Н. П. 212
 Карговская-Губец Д. 62
 Карпинский А. П. 127
 Карсавина Т. П. 129
 Картавов П. А. 180
 Карцев А. А. 191
- Каспрович Э. Л. 71
 Кастерин А. И. 129
 Катаев В. П. 15
 Катанов В. М. 42
 Катанян В. А. 193
 Катанян В. В. 193
 Катулл 19
 Кацпржак Е. И. 151
 Качалов В. И. 171
 Кашкарова Л. К. 236
 Кедров М. С. 188
 Кеннан Дж. 184, 185
 Кеппен П. И. 138
 Кибальчич Н. И. 189
 Кирилл, славянский просветитель 135
 Кириллов Н. С. 73
 Киятковский Б. А. 37
 Кишка Я. 143
 Клаус Г. 139, 140
 Клестов-Ангарский Н. С. 188
 Климонов А. А. 154, 155
 Ключков В. И. 72, 78, 212, 217, 222, 223
 Книппер-Чехова О. Л. 171
 Ковальский Н. П. 152
 Козлов И. Е. 212, 227, 232
 Козлов И. И. 122
 Козырева Н. М. 236
 Кольчугин И. Г. 219, 225
 Кольчугины 212
 Коляда Г. И. 133, 134, 136, 151
 Комовский В. Д. 232
 Кондаков Н. П. 192
 Коневской И. И. 7
 Кони А. Ф. 180
 Конт О. 84
 Коонен А. Г. 171, 173
 Коперник Н. 149
 Корнев Р. В. 232, 236
 Корнель П. 90
 Корнилович А. О. 68
 Коровченко А. С. 232, 233
 Короленко В. Г. 41—43, 184—186
 Короленко С. В. 43
 Косовский Н. М. 224
 Кохно Б. Е. 130
 Кочубей В. П. 84
 Кошен 88
 Крандиевский В. А. 164
 Крапле, издатель 88
 Крейдлина Л. М. 232, 234
 Крипьякевич И. П. 151
 Крешус А. 185
 Кропоткин П. А. 161
 Крылов В. А. 233

- Крылов И. А. 41, 78—80
 Крылов П. П. 227
 Крюгер Т. 89
 Куприн А. И. 189
 Курочкин В. С. 70
 Курочкин Г. Ф. 212
 Курочкин Н. С. 70
 Курочкин Ю. М. 42
 Кустодиев Б. М. 189, 235
 Кутузов М. И. 79, 101, 108, 156
 Кучинский К. 58
 Кшипка Т. 59
 Кюхельбекер В. К. 68, 158
- Лаврисевич П. (Лавришевич) 137
 Лаврисевич С. (Лавришевич) 137
 Лавров П. Л. 35—40, 187
 Лагерлеф С. 164
 Лажечников И. И. 44
 Лазаревы 118
 Лазарь, князь 141
 Лакруа П. 85
 Ламанский В. И. 207
 Лансере Е. Е. 189
 Ласунский О. Г. 5, 42, 142, 143, 234
 Лебедев Б. И. 44
 Лебедев В. Л. 154
 Лебедев (Керженцев) Пл. М. 188
 Лебедянская А. П. 127, 129, 147
 Левенко А. М. 235
 Левитан И. И. 202
 Левицкая-Каминьская А. 150
 Левицкий Г. 137
 Левченко В. Г. 5
 Лемке М. К. 179—182
 Лемке М. Р. 181
 Ленин В. И. 39, 71, 188, 189, 200, 232, 234
 Леонтий, священник 136, 137, 146
 Лермонтов М. Ю. 12, 13, 41, 42, 44, 71, 77, 111, 224
 Лесков Н. С. 41, 227
 Лесман М. С. 158, 235
 Лефевр Ф. Г. 90
 Лившиц Р. А. 233
 Лидин В. Г. 158, 202
 Лифарь С. 129, 130
 Лихачев Д. С. 115
 Ломоносов М. В. 200, 225
 Лонгинов М. Н. 221
 Лондон Дж. 160—162, 165—168
 Лопатин Г. И. 33, 36, 37, 69
 Лоренц З. 49
 Лорис-Меликов М. Т. 38
- Лукомский В. К. 148, 150
 Лукьяненко В. И. 133, 152
 Луначарский А. В. 189
 Лупшов С. П. 231
 Лурье А. Н. 182
 Луцкевич С. 56
 Луцкий Р. Я. 137
 Лысаковский А. 55
 Лэндор С. 32
 Любавин М. А. 233—235
 Любарский М. Г. 235
 Люблинский В. С. 133
- Маарри (аль-Маарри) Абу-ль-Аля 15
 Маевская С. И. 162
 Маевский А. 160
 Маевский Б. И. 165
 Маевский И. А. 160—168
 Майков Л. Н. 208
 Макарий, митрополит 136, 149
 Маколей Т. Б. 111
 Максимов В. Г. 236
 Максимович Я. 135
 Малкин Ф. И. 42
 Малышевский И. И. 151
 Мандельштам О. Э. 21
 Манн Т. 10
 Мантеро Дж. 62
 Мануйлов В. А. 44, 232
 Маретин Ю. В. 233, 234
 Марков С. Л. 156—158
 Маркс К. 33—35, 37—39, 80, 184
 Маркушевич А. И. 154, 234
 Мартынов И. Ф. 115, 235
 Мартынов Л. Н. 41
 Мартынов Н. Г. 212
 Маскевич С. 146, 147
 Масленников В. А. 235
 Маторина Р. П. 180
 Мацюк О. Я. 151
 Машковцевы 71
 Маяковский В. В. 41, 61, 130, 191, 193
 Мгебров А. А. 232
 Мейер Ж. 72
 Мейерхольд Вс. Э. 171—173
 Мейсл Ф. 46
 Меламед Е. И. 185
 Мелин Л. Ф. 156, 222
 Мельников М. П. 154
 Мережковский Д. С. 170
 Местр К, де 234
 Меттер И. И. 232

- Мефодий, славянский просветитель 135
 Миллиндер Л. М. 234
 Миллер О. Ф. 207
 Мильчин А. Э. 236
 Минцлов С. Р. 115
 Миропольский А. Л. 7
 Михаил, священник 137
 Михайлов М. И. 235
 Михальский Я. 55
 Мнишек М. 143
 Молчанов А. С. 155, 156
 Молчанов В. И. 70
 Мольер Ж.-Б. 118, 123
 Морозов Н. А. 69, 189
 Москвин И. М. 171
 Мстиславец П. Т. см. Петр Тимофеев Мстиславец
 Муравский М. Д. 36, 39
 Муромцева-Бунина В. Н. 111, 203
 Муханов В. А. 83
 Мучковский Ю. 149
 Мушковский Я. 55
 Мьльников А. С. 232
 Мямлин И. Г. 232, 234
- Н. А. Н. см. Н. А. Некрасов
 Надеин М. П. 212
 Наполеон I Бонапарт 80, 108
 Наумов А. С. 155
 Наумов И. С. 153—159
 Наумов С. А. 154, 232
 Наумовы 154
 Некрасов А. И. 151
 Некрасов К. Ф. 180
 Некрасов Н. А. 71—73, 179, 181, 182, 201, 202, 225, 228
 Немирович-Данченко В. И. 171, 172
 Нетте Т. 130
 Нечаева В. С. 44
 Нижинский В. Ф. 129
 Николадзе Н. 234
 Николаев М. П. 36
 Николаев П. Ф. 33, 34
 Николай I 69
 Никольский Б. Н. 232, 236
 Новалис 10
 Новиков Н. И. 211, 215, 219
 Новиков-Привой А. С. 202, 203, 234
 Норблин Я. 52
- Огарев Н. П. 44, 71
 Одоевский А. И. 71, 72, 74
 Одоевский В. Ф. 68, 77
- Одоевцева И. Г. 203
 Олеша Ю. К. 15
 Ольминский М. С. 188
 Ольхин М. Д. 118, 215
 Орловская Н. К. 118
 Осетров Е. И. 5, 98
 Островский А. Л. 233
 Островский А. Н. 92
 Острожский К. К. 139, 141, 143, 144, 146, 148
 Острожский Я. К. 143
- Павел I 68
 Павинский А. 145
 Павленков Ф. Ф. 70
 Павлова А. П. 129
 Панаев И. И. 71, 72, 179
 Панаева А. Я. 182
 Панков П. П. 234
 Пантелеев Л. Ф. 38, 39
 Пастернак Б. Л. 15, 202, 203
 Паустовский К. Г. 121, 203
 Пеньковская Ф. 47
 Пеньковская Х. 47
 Первозников И. П. 212, 214, 227
 Персик П. Н. 234
 Петр I 148
 Петр Тимофеев Мстиславец 129, 134, 142
 Петрарка Ф. 123
 Петрицкий В. А. 231—234
 Петров Е. П. 15
 Петряев Е. Д. 5, 42, 71, 234
 Пилипович Л. 136
 Пильняк Б. А. 202
 Пиваев М. Т. 36, 39
 Питерс Ш. 89
 Плавильщиков В. А. 215
 Плантены, издатели 88
 Плеханов Г. В. 39, 40, 187
 Плуденник Х. 60, 61
 По Э. А. 7
 Познаньский М. И. 49
 Полежаев А. И. 11, 224
 Поллак Л. 160
 Полонский Я. П. 112
 Полуденский М. П. 87
 Поляков В. П. 78
 Помпадур (Ж. А. Пуассон), маркиза де 88
 Поплавский А. 193, 194
 Попова О. Н. 224
 Поссевино А. 143, 144, 146
 Почтовик П. Д. 78
 Правдухин В. П. 202

- Привалова Е. П. 235
 Пришвин М. М. 169, 202, 234
 Прокофьев А. А. 77
 Прокофьев С. С. 171
 Протасьева Т. Н. 151
 Пташицкий С. Л. 135, 140, 151
 Пупешников Н. А. 113, 119
 Пущкин А. С. 13, 20, 22, 24, 68, 71, 72, 74, 81, 83, 111, 112, 121—123, 129, 157, 173, 193, 194, 220, 224
 Пшибышевский С. 164
 Пыпин А. Н. 29, 30, 32—40, 221, 223

 Рабинович А. М. 235
 Рабинович Я. Б. 232, 233, 235
 Равич Л. М. 232, 235
 Радзивилл К. 143
 Радзивилл М. 84
 Радионов С. В. 233
 Радишевский А. М. 127
 Радищев А. Н. 41, 42, 44, 72, 123, 235
 Радклиф А. 119
 Радлиньская Х. 55, 58
 Раймонди М. А. 89
 Расин Ж.-Б. 123
 Рафаэль Санти 89
 Рахманинов И. Г. 116
 Рейсер С. А. 181, 182
 Реклю Э. 110
 Рембрант Х. ван Рейн 89
 Ремизов А. М. 203
 Рецепттер В. Э. 233
 Роговцин М. 67
 Рогозинский Я. 54
 Роденбах Ж. 164
 Рождественский Вс. А. 158
 Рожков Н. А. 188
 Розанов В. В. 170
 Розанов И. Н. 20, 72, 74, 227, 228
 Розен А. Е. 73, 74
 Розенберг Л. 48
 Розов Н. Н. 114
 Романовский В. 135, 151
 Руварац Ю. 14
 Руденко Ю. К. 36
 Рудольф II, император 145, 149
 Ружижский Э. И. 151
 Рузга Л. 60, 61
 Руновская-Кулиговская М. 61
 Рылеев К. Ф. 67, 71, 233
 Рылъ Х. 58
 Рымша Андрей 129

 Саади 112
 Саблин В. М. 163—165
 Савич-Канивецкий С. И. 74
 Саган Ф. 174
 Салтыков-Щедрин М. Е. 14, 32, 44, 69, 70, 75, 235
 Самосюк Г. Ф. 34
 Сарао М. 165
 Сарасатэ П. де 80
 Сахаров, типограф 78
 Свепниковы 219
 Свирин Ю. М. 235
 Святослав Ярославич, князь 208
 Северянин Игорь 17
 Селивановский С. И. 78
 Семенниковы 224
 Сигизмунд Август, король Польши 149
 Сидорин Я. С. 233, 235
 Сидоров А. А. 133, 135, 136, 151
 Сикорский Н. М. 5
 Симмонс Дж. С. Г. 134, 139, 140, 142—144
 Симони П. К. 207—209, 211—213, 228
 Снягинин Н. К. 78
 Снярянская-Чаплицкая Я. 58
 Скиапарелли Дж. В. 8
 Скимунт С. А. 162—164
 Скобельский П. 135
 Слепцов А. А. 181
 Смирдин А. А. 219
 Смирдин А. Ф. 212, 215, 219, 227, 228
 Смирнов Н. П. 169, 202, 203
 Смирнов Н. П., сенатор 84
 Смирнов-Сокольский Н. П. 69, 72—74, 78, 79, 158, 194, 196
 Смит В. 134
 Смолик П. 50—53, 55, 57, 60
 Соболевский А. И. 208
 Соболевский С. А. 82, 85—87
 Сокийн П. П. 191
 Соколина Т. М. 236
 Солдатенков М. К. 201
 Сологуб Федор 16, 17
 Сомов А. И. 90
 Сопиков В. С. 215, 219
 Соскин Л. М. 232
 Сот Р. III. 234, 235
 Станецкий Е. 61
 Станиславский К. С. 172
 Станьская Х. 59, 60
 Старцев Д. И. 71
 Стасов В. В. 192
 Стасюлевич М. М. 31

- Стахевич С. Г. 33, 34, 39
 Стеклов Ю. М. 189
 Степанов Н. А. 72
 Степняк-Кравчинский С. М. 184, 187
 Степун Ф. А. 170
 Столянский П. Н. 228
 Стравинский И. Ф. 129
 Страхов Н. Н. 95, 96
 Стриндберг Ю. А. 164
 Строев П. М. 147
 Струйский Л. Н. 11
 Струнская А. 161, 165
 Ступин А. Д. 220
 Стшеминьский В. 53
 Стюарт Г. 89
 Суворин А. С. 70, 72, 209, 211, 212
 Суворов А. А. 34
 Суворов А. В. 42
 Сумароков А. П. 122
 Сумцов Н. Ф. 74
 Сурис Б. Д. 233
 Суховерков С. И. 167
 Сырку П. А. 207
 Сысоев С. А. 232
 Сытин И. Д. 191, 212, 220
 Сю Э. 71, 123
- Таиров А. Я. 171—173
 Тан (В. Г. Богораз) 167
 Тарковский А. А. 5
 Тешнер 87
 Тик Л. И. 10
 Тимашев А. Е. 70
 Тимофеев А. А. 235
 Тимофей Михайлович 129, 135
 Тихомиров М. Н. 133, 136, 151
 Ткаченко П. С. 34
 Толстая С. А. 96
 Толстой А. К. 75, 76, 142
 Толстой А. Н. 148, 158
 Толстой Л. Н. 10, 23, 41, 71, 80, 95—100, 107, 108, 114, 115, 164, 170, 173, 184, 200, 202, 220
 Толстяков А. П. 233
 Том Ю. 49, 50, 52, 56
 Торквемада Т. 80
 Травушкин Н. С. 31, 36—39
 Трей Я. 78
 Троицкий Н. А. 37
 Тромонин К. Я. 146
 Трушкин В. П. 42
 Трюбнер Н. 68
 Тублин В. С. 232
 Тувим Ю. 58
- Туганова О. Э. 98
 Тургенев А. М. 74, 75
 Тургенев И. С. 69, 80, 81, 111, 112, 129, 142, 179, 184, 221
 Турзо Я. 149
 Тусиньский Я. 59, 60
 Тырович Л. 56, 58
 Тютчев Ф. И. 22, 83, 112, 171
 Тяпкин Н. Д. 224
- Уваров А. С. 138, 147
 Улитиных В. И. и И. И. 223
 Ульянов И. Н. 44
 Ундольский В. М. 129
 Уоллинг У. И. 161
 Усов С. А. 92
 Успенский Г. И. 36, 39
 Успенский Л. В. 232—234
- Фагацаро А. 165
 Федин К. А. 97, 98
 Федор Иванович, царь 146
 Федоров В. Г. 236
 Федоров Иван см. Иван Федоров, первопечатник
 Федотов П. А. 72
 Фейербах Л. 30—32
 Феодосий Изограф 147
 Фет А. А. 20, 98, 120, 200
 Филимонов М. Р. 192
 Филипп Орлеанский 88
 Филиппов Иван 114
 Фиоль Ш. 149
 Фирсов Г. Г. 232
 Флобер Г. 99
 Фокин М. М. 129
 Фомин А. Г. 233
 Фонаков И. О. 233
 Фридрих I 140
 Фридрих III 86
 Фролов П. 127
 Фуст И. 88
- Хайковский Э. 51, 54
 Хаймович Н. П. 234
 Хачатурян А. И. 171
 Хворощан А. М. 5
 Хвоцинская Н. Д. 69
 Хейман-Ярецкий А. 49
 Хемницер И. И. 80
 Хессе Г. 10
 Хиллер К. 52—54, 62
 Хмелев Н. П. 171

- Хмельницкий Богдан 137
 Хоггарт У. 89
 Ходкевич Г. А. 148
 Хозрев-Мирза, персидский принц 89
 Холмушины 220
 Хомчук Н. И. 231
 Хотри Т. 134
 Храбровицкий А. В. 43, 45, 185
 Хренков Д. Т. 233, 235
 Хулки-Ласковский П. 56
 Хуттер Э. 140, 146
- Цицерон 89, 159
 Цывинский С. 55
 Цявловский М. А. 43
- Чаевский В. 47
 Чайковский Н. В. 187
 Чайковский П. И. 80, 170
 Чарушников А. И. 232
 Чарушников А. П. 232
 Ченслор Р. 134
 Черенины 226
 Черкасов 224
 Чернов Н. М. 42
 Чернышев А. Н. 135
 Чернышевская Н. М. 29, 34
 Чернышевская О. С. 30
 Чернышевский А. Н. 30
 Чернышевский М. Н. 30, 35
 Чернышевский Н. Г. 29—39, 181
 Честноков В. И. 233
 Чехов А. П. 109, 202
 Чехов М. А. 171, 173
 Чехонин С. В. 189
 Чинибулек В. 58
 Чирва Ю. Н. 232
 Чичерин Б. Н. 92
 Чохов Андрей 127, 147
 Чуковский К. И. 179, 180, 182
 Чулков М. Д. 208
 Чурчич Л. 139, 141
- Шаганов В. Н. 33, 34
 Шапиль В. Г. 231
 Шарц А. К. 182, 183
 Шахпаразшанц Л. М. 220
 Шварцкопф А. К. 232
 Швентер Д. 140
- Шекспир У. 15, 111, 123, 173
 Шелли П. Б. 123
 Шестериков С. П. 180—182
 Шеффер П. 88
 Шибанов А. Ф. 222, 223
 Шибанов П. П. 14, 85
 Шиллер Ф. 111
 Шилов Ф. Г. 154
 Шмаков А. А. 42
 Шмидт О. Ю. 158
 Шолохов М. А. 203
 Шомракова И. А. 231
 Шоу Д. В. 164, 165
 Штакельберг Н. И. 231, 235
 Шумаков Ю. 112
 Шухов В. Г. 190
- Щеголев П. Е. 74, 189
 Щепкин Н. 201
 Щербина А. М. 185
 Щукин П. И. 84
- Эйзен Ш. Д. Ж. 88
 Эйзенштейн С. М. 171
 Эллиот Дензиль см. Н. Г. Чернышевский
 Эллиот Джордж (М. А. Эванс) 30
 Элпидин М. К. 187
 Эльзевирь 88, 89, 91
 Эльзон М. Д. 233, 235
 Энгельс Ф. 33, 38, 80, 184
 Эрмлер Ф. М. 233
 Эрнст Благочестивый, герцог 139
 Этьенны, издатели 88
 Эфрос А. М. 117
- Юдин Г. В. 211
 Юзвяк Т. 59, 60
 Юнг Э. 120
 Юниверг Л. И. 167
 Юрский С. Ю. 232
- Яворский С. 56
 Ягич И. В. 207
 Языков А. М. 232
 Языков Н. М. 122
 Якимов Алексей 147
 Якобсон Р. О. 130, 133
 Якубовский С. 52
 Ян из Пиотркова 149

СОДЕРЖАНИЕ

- Арсений Тарковский. Держава книги. Беседу вел
Аркадий Хворощан* 6

КНИГА И ЖИЗНЬ

- С. Алешинев, В. Буняев. Путь «Пролога»* 29
*Ф. Малкин. Пензенские издания военных лет. Предис-
ловие В. Уткова* 41
Цецилия и Януш Дунины. Экслибрисы, книги, люди... 46

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

- А. Сигрист. Библиотека П. В. Губара* 67
*Е. Македонская. Об одной библиотеке в доме на
Волхонке* 82

ПОИСКИ И НАХОДКИ

- Владимир Лазарев. Жизнь великой эпопеи* 95
*Отрывок из черновой редакции романа Л. Н. Толстого
«Война и мир». Публикация и комментарий
Э. Зайденишнур* 100
А. Блюм. «Лишь слову жизнь дана...» 109

ДЕЛА МИНУВШИЕ

- Е. Немировский. Зарубежные находки. Главы из доку-
ментальной повести* 127
О. Ласунский. Букинист и его друзья 153
Л. Юниверг. Книгоиздательство И. Маевского 160
Н. Смирнов. Николай Волков 169

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>М. Эльзон.</i> Существовала ли книга Н. А. Некрасова «Как я велик!»?	179
<i>Е. Меламед.</i> «Слепой музыкант» за океаном	184
<i>Вал. Алексеев.</i> Календари революции	187
<i>Л. Глезер.</i> Из записок букинистов	190
<i>В. Лавров.</i> Библиофильские страсти	195

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>П. Симоли.</i> Как сложился тип русского книжника в старое время. Публикация, вступительная статья и примечания Г. Довгалло	207
--	-----

ХРОНИКА

XI—XIII сезоны работы Секции библиофилов ленинградского отделения ВОК (1975—1978). Составил Я. Рабинович	231
--	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

<i>Яков Хелемский.</i> «Чищу книжные полки...»	26
<i>Пьер де Ронсар.</i> «Не лей, о книга, слез!..» Перевод с французского М. Талова	64
<i>Владимир Гордейчев.</i> Друзья на книжных полках	176
<i>Юрий Чернов.</i> Зависть	204
Именной указатель	237

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск седьмой

Редактор *М. Я. Фильштейн*

Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*

Технические редакторы *Г. Б. Андреева, Е. И. Полякова*

Корректор *О. И. Поливанова*

Сдано в набор 28.04.79 г. Подписано в печать 12. 07. 79. А-02293.

Формат 60×84/16. Бум. офсетная 80 гр.

Гарнитура школьная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 15,31. Тираж 50 000 экз.

Заказ № 65. Изд. № 2876. Цена 1 р.

Издательство «Книга»,
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

Писатели-земляки
О РОДИНЕ

*А. И. Купцын
М. В. Ломоносов
В. П. Мухоморов
И. П. Орлов
М. С. Святко*

Писка И. МАТЕМАТИК. И. П. МУХОМОРОВ. И. П. ОРЛОВ. М. С. СВЯТКО. 1941